

Москва в Отечественной войне 1812 года

Материалы
научно-практической
конференции

(Москва, 30–31 августа 2012 г.)

Главное архивное управление города Москвы

Государственное бюджетное учреждение
«Центральный государственный архив города Москвы»

МОСКВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Материалы
научно-практической
конференции
(Москва, 30–31 августа 2012 г.)

Издательство
ГБУ «ЦГА Москвы»
Москва 2013

Scan - nau; Processing, ocr - waleriy; 2016

ББК 63.3(2-2М)47

М 82

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Манькин

М 82 Москва в Отечественной войне 1812 года: Материалы научно-практической конференции (Москва, 30–31 августа 2012 г.) / Сост. С.И. Добренький. – М.: Издательство ГБУ «ЦГА Москвы», 2013. – 208 с.

ISBN 978-5-7228-0221-7

Сборник материалов научно-практической конференции, организованной Главархивом Москвы, посвящен 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. В издании представлены материалы, открывающие новые или забытые страницы истории Двенадцатого года, связанные с Москвой.

Особое внимание в сборнике уделено проблеме изучения документов по истории Отечественной войны, хранящихся в региональных и федеральных архивах, музеях, библиотеках, а также теме мемориализации войны 1812 года в Москве, в том числе мероприятиям и проектам, приуроченным к празднованию 100-летия победы России в Отечественной войне 1812 года.

ББК 63.3(2-2М)47

ISBN 978-5-7228-0221-7

© Главное архивное управление города Москвы, 2013
© ГБУ «ЦГА Москвы», 2013
© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Л.М. Печатников

Приветствие участникам конференции
от Правительства Москвы 5

В.Н. Ганичев

Обращение к участникам конференции
от Правления Союза писателей России..... 6

М.М. Горинов

Презентация юбилейной программы
Главархива Москвы, посвященной 200-летию
победы России в Отечественной войне 1812 года 8

Г.А. Куманев

Выдающийся русский полководец
генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли
в военных кампаниях 1812 г. и в заграничном
походе русской армии по окончательному
разгрому войск Наполеона в 1813–1815 гг. 12

А.В. Дубровский

Отечественная война 1812 года
в рукописных собраниях Пушкинского Дома 30

С.А. Малышкин

Документы Московского ополчения 1812 года
в собрании Российской национальной библиотеки..... 40

С.В. Шведов

Западня для Наполеона 47

А.А. Подмазо

Могла ли армия Кутузова не проходить через Москву? 59

М.Ф. Прохоров

Подмосковные селения Фили и Кунцево в 1812 году 66

Н.Н. Трошин

Некоторые особенности финансирования
Отечественной войны 1812 года 78

А.Д. Кубрик

Социокультурные изменения в среде
московских податных сословий после
Отечественной войны 1812 года:
приобретение фамилий 85

В.С. Карташов Псевдогерой Отечественной войны 1812 года профессор Т. Реннер.....	96
В.В. Павленко Столетие войны 1812 года. Юбилейные торжества в Москве	99
Л.В. Митрошенкова, С.В. Львов Программа Музея 1812 года в Москве (1908–1919): судьба проекта в эпоху прожектов	110
Е.Е. Колоскова Киносъемки юбилейных торжеств в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Документальный кинематограф как форма сохранения духовных традиций.....	122
В.М. Хлесткин Отечественная война 1812 года: взгляд из Москвы (презентация издания Главархива Москвы «1812 год. Московский календарь»)	130
С.А. Тихомиров Исторические судьбы московских монастырей в документальном наследии эпохи наполеоновского нашествия (письма Преосвященного Августина (Виноградского) к Святейшему Синоду)	139
Иеродиакон Иов (Чернышев) Николо-Угрешский монастырь и окрестности в Отечественную войну 1812 года.....	159
М.А. Виноградов Болычевская вотчина графа Льва Разумовского в огне французского нашествия 1812 года	163
А.И. Кондратенко Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин. 1812–1814 гг.	171
А.А. Смирнов Москва – «вечной памяти Двенадцатого года». Этапы мемориализации	181
Сведения об авторах.....	204

Приветствие участникам конференции от Правительства Москвы

Дорогие друзья!

От имени Правительства Москвы сердечно приветствую вас – участников Международной научно-практической конференции «Москва в Отечественной войне 1812 года».

Нынешний год объявлен в нашей стране Годом российской истории. Он отмечен многими знаменательными датами, но несомненно основным событием этого года стали юбилейные мероприятия по празднованию 200-летия Отечественной войны 1812 года.

Высокий международный статус конференции говорит о том, что события, происходившие в Москве 200 лет тому назад, приковали к ним внимание не только России, но и всей Европы. А значит – это наша общая историческая память. Мы рады, что ученые разных стран продолжают глубоко изучать исторические процессы и реалии того времени, благодаря чему российская история предстает в общей неразрывной панораме мировой истории.

Особую благодарность выражаем инициаторам и организаторам конференции – Главному архивному управлению города Москвы, отмечая многогранную и плодотворную работу, проведенную московскими архивистами. В настоящее время в научный оборот введены бесценные исторические документы, что является значительным вкладом в сохранение исторической памяти о выдающейся победе России, расширяет возможности изучения истории нашей страны самыми широкими кругами общества. В рамках конференции Главархив Москвы представит результат этой продолжительной и напряженной работы – уникальную издательскую программу, посвященную истории войны 1812 года.

Убежден, что конференция станет крупным событием в общественной и духовной жизни России и ее столицы, послужит благому делу исторического просвещения, патриотического воспитания, подъему интереса к славным и поучительным деяниям наших предков.

*Л.М. Печатников,
заместитель Мэра Москвы
в Правительстве Москвы
по вопросам социального развития*

Обращение к участникам конференции от Правления Союза писателей России

Писатели России сердечно поздравляют участников Международной научно-практической конференции «Москва в Отечественной войне 1812 года» и всех сотрудников Главного архивного управления города Москвы с сокровенной юбилейной датой для каждого нашего соотечественника – 200-летием Бородинского сражения, решившего на века будущее России.

Очень важно, что этот торжественный научный форум проходит в стенах главного хранилища народной памяти в столице нашей Родины – Москве.

В Отечественной войне 1812 года москвичи на всем протяжении испытаний проявили беспримерные мужество и героизм перед угрозой уничтожения России, и мы, ученые, историки, писатели, сегодня вспоминаем их с благодарностью.

Мы видим в участниках Международной научно-практической конференции и всех сотрудниках Главного архивного управления Москвы тех, кто способен в минуты тяжких испытаний снова защитить Отечество, защитить его историю от поругания.

Защита истории Отечества сегодня требует от людей гуманитарного труда не меньшего подвига, чем подвиг на поле брани. Иногда требуется даже жизнь отдать за правду, и человек, любящий Родину и отстаивающий ее первозданную красоту, ее самобытное развитие, ее духовную и материальную культуру, бесстрашно принимает этот вызов времени...

Сегодня уже ни для кого нет секрета, что в обществе и в мире идет война умов и слов – и для нас важно не проиграть это сражение правды.

В современной жизни складывается такая практика, что целые государства разрушаются без единого выстрела – только потому, что слова одних убедили других, причем слова эти не были добрыми и правдивыми. Все мы, защитники Отечества, обязаны помнить об этом и не поддаваться на искушения, на соблазны, на пустую, громкую, ничемную фразу, цель которой – разделить всех нас, разрушить наше достояние и построить нечто новое, чего никто не знает. Но разве Наполеон и его европейские поделщики не тем же обольщали в 1812 году наш народ?

С высоты нашего исторического опыта мы знаем, чем бы обернулась та страшная война для России, если бы наш народ поверил Наполеону, а не своим вождям и полководцам.

Каждый из участников этого высокого собрания, а особенно сотрудники Московского Главархива, сделали для памяти героев Отечественной войны 1812 года за это десятилетие, может быть, больше, чем за 190 лет, чему свидетельство ваши замечательные издательские программы, представленные на этом научном форуме москвичам и гостям столицы.

Мы радуемся вашим успехам, вашим светлым лицам и вместе с этой радостью надеемся, что вы по-прежнему будете защитниками исторической памяти Отечества от противных нашим традициям идеалов и ценностей, стремящихся разрушить наследие Святой Руси.

Успехов и творческой радости всем вам!

*В.Н. Ганичев,
председатель Союза писателей России*

Презентация юбилейной программы Главархива Москвы, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года

Дорогие друзья!

Мы рады приветствовать вас в стенах Главного архивного управления города Москвы на открытии научно-практической конференции «Москва в Отечественной войне 1812 года». Ее организация и проведение представляют собой часть большого проекта Главархива Москвы, посвященного 200-летию Победы России над наполеоновской армией. Кроме конференции проект включает в себя ряд изданий: сборник документов «Москва и Отечественная война 1812 года»¹ (в 2 кн.), иллюстрированную хронику «1812 год. Московский календарь»², сборник воспоминаний «Москва в 1812 году»³, книгу очерков «Москвичи-герои 1812 года»⁴, а также серию юбилейных выставок. Цель проекта – введение в научный оборот основного корпуса источников по теме «Москва в 1812 году», ознакомление широкой общественности со славной героической страницей русской истории, противодействие – причем не голословное, а опирающееся на солидную источниковую базу, – попыткам ее фальсификации. Конференция, ряд изданий и выставок осуществлены в рамках юбилейной программы Правительства Москвы. Кроме того, книги «Московский календарь», «Москвичи-герои 1812 года», «Москва в 1812 году», ряд историко-документальных выставок подготовлены «сверх плана».

Разрабатывая и реализуя столь масштабный проект, мы исходили из значения победы русского оружия в войне 1812 года для нашего национального самосознания. Из того, что эта победа, как и победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, является опорой нашей национальной идентичности, а потому служит – должна служить! – прочной основой патриотического воспитания граждан России. Из того, что эта победа – важнейший фактор развития русской культуры.

Мы, наше поколение, начинали свою сознательную жизнь, когда на экраны вышла яркая, динамичная, романтическая «Гусарская баллада» Эльдара Рязанова. Когда мы чуть подросли, то Сергей Бондарчук восхитил нас гениальной «Войной и миром», снятой по великой эпопее Льва Толстого. Прошло еще несколько лет, и вновь на экране

герои грозы Двенадцатого года – на этот раз «Эскадрон гусар летучих» Станислава Ростоцкого. Мы, наше поколение, росли на этих фильмах, воспитывались на этом подвиге.

И не только мы, и не только наше! У Бориса Ширяева в «Неугасимой лампаде» рассказано, какое впечатление произвело на ребят возвращение в школьную программу в 1930-е годы «Войны и мира» Льва Толстого. Как они запоем читали эту неподъемную для современных учащихся книгу! И какое значение имели ее герои для воспитания тех, кто победил в Великой Отечественной!

А что сейчас? Создается впечатление, что важнейшую опору нашей идентичности кто-то хочет разрушить. Я понимаю французов, которые не могут гордиться результатами «русской кампании» Наполеона, а потому либо замалчивают их, либо объясняют крайне необъективно – в основном губительным для неприятеля русским климатом. Но когда наши доморощенные «историки» откровенно сочувствуют «великому человеку» Наполеону, пришедшему облагодетельствовать «русских варваров», но «не понятому ими»! Когда русских полководцев, разбивших «Великую армию» неприятеля, объявляют бездарностями! Когда на первый план выносят присущие им, как и любому живому человеку, слабости, замалчивая то великое, что они сделали для Отечества!.. Становится жалко нынешнее поколение русских мальчиков и девочек, из которых воспитывают не Болконских и Ростовых, а жалких Смердяковых, лишенных национальной гордости и чувства собственного достоинства.

В этой, если называть вещи своими именами, трагической для русского национального сознания ситуации, мы, московские архивисты, видели свой долг в том, чтобы представить широкой общественности подлинные архивные документы, другие источники, объективно освещающие славную историю Москвы в 1812 году. Для того, чтобы все, кто умеет читать, смогли увидеть эту великую эпоху не в искаженном свете, а такой, какой она была на самом деле.

Ядром проекта стала двухтомная публикация «Москва и Отечественная война 1812 года». Издание документов такого масштаба по подлинникам предпринимается впервые. В свое время были изданы так называемые бумаги Шукина, но то была публикация копийных материалов. А в копии вкрадывались ошибки, неточности: где-то даты перепутаны, где-то слова и т.д. А нам представлялось, что надо максимально точно воспроизвести оригиналы документов. Что же касается проблематики, то в этом двухтомнике мы показали, прежде всего, титаническую деятельность московских городских властей в 1812 году. Ведь у нас и сразу после той войны, а особенно несколькими десятилетиями позже, после появления романа Льва Толстого, фигуру московского

генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина представляли в карикатурном виде. Кроме того, мы объективно осветили период пребывания оккупантов в Москве: грабежи, какие тут были, и в то же время попытки французского командования предотвратить эти преступления. Мы показали, что собой представляла Москва после того, как неприятель оставил ее. Мы осветили судьбы французских военнопленных, показали, что отношение к ним в России было очень гуманным. Мы описали первые меры, предпринятые русскими властями по возрождению из пепла «второй столицы».

Еще один большой проект – «1812 год. Московский календарь». В нем день за днем представлена картина развития событий с 1810 года (первый документ – записка Барклая о роли Москвы в предполагаемой войне с Наполеоном) по 1817 год (последний документ отражает отголоски войны 1812 года в Москве). Хронология событий восстановлена по воспоминаниям, опубликованным документам, газетам того времени. По прочтении этой книги, как, впрочем, и первой, нам кажется, ни у кого не возникнет сомнения в том, что победа в войне 1812 года – это победа нашего народа, а не русской зимы. Русский дух несокрушимый, вера православная, которая объединила вокруг Государя народ, и явились теми решающими факторами, которые обеспечили нашу победу.

Эти проекты уже реализованы. А до конца года должны выйти еще две, как нам представляется, замечательные книги. Если в первых двух изданиях речь шла прежде всего об истории государственной, то в готовящихся публикациях мы постарались показать Москву 1812 года в человеческом измерении. Буквально через месяц ждем книгу «Москвичи-герои 1812 года» (в рамках серии «Москвичи-герои», выпускаемой совместно с издательством «Патриот»; в ней уже увидели свет публикации о Борисе Дмитриевском, Наташе Ковшовой, Зое Космодемьянской, Николае Острякове). В издание включены очерки как о московских руководителях – Ростопчине и других, так и о рядовых участниках тех грозных событий. Через их судьбы, их действия показано, как Москва пережила 1812 год и что Москва сделала для нашей победы. И еще один проект – «Москва в 1812 году. Письма, дневники, записки, воспоминания современников». Поскольку многие из этих источников никогда не переиздавались и представляют собой библиографическую редкость, то их повторная публикация представляется нам крайне важной. Книга увидит свет к концу года.

Это – первая часть программы. Вторая – выставочная работа по популяризации подвига Москвы в 1812 году. Она началась с выставки в Московской городской думе, посвященной князю Д.В. Голицыну, герою войны 1812 года, московскому генерал-губернатору, с деятельностью которого связан облик послепожарной Москвы – бульвары,

Театральная площадь, Александровский сад, Триумфальные ворота у Тверской заставы и т.д. В той же Московской городской думе мы провели выставку, посвященную первому периоду восстановления Москвы, доголицынскому. Обе выставки имели значительный резонанс. Сегодня же вы сможете познакомиться с выставкой, посвященной Москве 1812 года. А буквально через несколько дней откроется еще одна на ту же тему, в Московском педагогическом университете. Я думаю, что этим мы вряд ли ограничимся и, вероятно, организуем еще ряд экспозиций в столичных школах.

А теперь, после краткого отчета Главархива Москвы о проделанной работе перед столь квалифицированной аудиторией, мы с нетерпением ждем ваших выступлений, которые, уверен, помогут нам всем лучше понять великую эпоху Отечественной войны 1812 года.

Благодарю за внимание.

*М.М. Горинов,
первый заместитель начальника
Главархива Москвы*

¹ Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011–2012.

² 1812 год. Московский календарь / Сост. В.М. Хлесткин. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012.

³ Москва в 1812 году. Письма, дневники, записки, воспоминания современников / Сост. В.М. Хлесткин. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012.

⁴ Хлесткин В.М. Москвичи-герои 1812 года. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы; Издательство «Патриот», 2012.

Г.А. Куманев

**Выдающийся русский полководец генерал-фельдмаршал
М.Б. Барклай де Толли в военных кампаниях 1812 г.
и в заграничном походе русской армии по окончательному
разгрому войск Наполеона в 1813–1815 гг.**

В советской и российской военной историографии при описании событий Отечественной войны 1812 года большое внимание уделено ее полководцам и героям: М.И. Кутузову, П.И. Багратиону, А.П. Ермолову, П.Х. Витгенштейну, Н.Н. Раевскому, Д.С. Дохтурову, М.С. Воронцову, Д.В. Давыдову, Ф.П. Уварову, М.А. Милорадовичу, М.И. Платову и другим. Им посвящено немало работ, в том числе глав и разделов в различных трудах, а также в мемуарной литературе XIX в.

К сожалению, этого нельзя сказать о жизни и полководческой деятельности выдающегося российского военачальника той эпохи генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая де Толли.

Непонятый многими современниками и малоцененный потомками, он надолго был отодвинут в тень, осыпавший оскорбительными и пренебрежительными оценками совершенно незаслуженного характера. Однако перечеркнуть огромные заслуги полководца перед Отечеством, как одного из его виднейших спасителей, просто невозможно. По справедливой оценке К. Маркса и Ф. Энгельса, «он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла»¹.

«Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории», – подчеркивал Александр Сергеевич Пушкин.

Став с 1810 г. военным министром Российского государства, Барклай де Толли сделал немало, чтобы подготовить страну и ее армию к тяжелым испытаниям в связи с ожидаемым нашествием Наполеона Бонапарта. А когда враг вторгся на российскую землю, Барклай де Толли сумел осуществить единственно правильную военно-стратегическую линию. Его глубоко продуманная тактика отступления, пока русские армии были разъединены и по другим причинам, при подавляющем превосходстве войск Наполеона полностью себя оправдала.

Обо всем этом и о роли Барклая де Толли в разгроме французских захватчиков мы расскажем ниже более подробно.

Но прежде напомним вкратце некоторые биографические данные о начале военной деятельности великого полководца. Во всех дореволюционных изданиях, включая словари и военные энциклопедии, утверждалось, что Михаил Богданович Барклай де Толли родился в Лифляндии в 1761 г. Новейшие исследования позволяют считать датой рождения будущего полководца 1757 год (13 декабря), что нашло отражение в недавно опубликованном биографическом словаре об Отечественной войне 1812 года².

Его предки – шотландская фамилия Barclay of Tolly – переселились в Ригу в XVII в. Сын отставного поручика, Барклай в семилетнем возрасте был записан капралом в Новотроицкий кирасирский полк (которым командовал его дядя Е.В. фон Вермелен), а в 1778 г. получил чин корнета. В 1788–1789 гг. он участвовал в штурме Очакова, Бендер и Аккермана, затем в 1790 г. в военных действиях в Финляндии. Был произведен в премьер-майоры и переведен в Тобольский пехотный полк с оставлением в звании дежурного майора. Получил первые военные награды.

В 1794 г., командуя батальоном, отличился при взятии Вильны и в других сражениях. В 1798 г. произведен в полковники, а в 1799 г. стал генерал-майором³. Особенно отличился в 1807 г. при Прейсиш-Эйлау, который, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, он защищал «с величайшей доблестью»⁴ и где был ранен разрывной пулей в правую руку выше локтя с раздроблением кости. Удостоенный рядом высших боевых наград, Барклай де Толли получил звание генерал-лейтенанта.

В 1806–1807 гг. участвовал в первой войне с Наполеоном. Против французской армии Барклай де Толли разработал свой план, основу которого составляло уклонение при крайне неблагоприятных условиях от генерального сражения и отступление в глубь страны. Он впервые высказал идеи этого плана в 1807 г. во время встречи в Мемеле с известным немецким историком Бертольдом Нибуром, который посетил генерала в местном лазарете, где тот находился на излечении от полученных ран. Вот какие слова Барклая записал тогда Нибур: «Если бы мне пришлось действовать против Наполеона, я вел бы отступательную борьбу, увлек бы грозную французскую армию в сердце России, даже на Москву, истощил бы и расстроил ее и, наконец, воспользовавшись суровым климатом, заставил бы Наполеона на берегах Волги найти вторую Полтаву»⁵.

Те же мысли Барклай де Толли вскоре высказал Александру I, посетившему генерала в том же мемельском лазарете. Позднее, став военным министром, он представил императору особый доклад –

«О защите западных пределов России», где, развивая ту же идею, указывал, что первое упорное сопротивление неприятелю необходимо оказать на оборонительных линиях Двины и Днепра. При этом основной базой борьбы явилась бы Москва, названная автором доклада «главным хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы». Следует отметить, что император Александр I первоначально вполне поддерживал взгляды растущего на его глазах талантливого военного деятеля. Но впоследствии их осуществление осложнилось принятием плана бывшего на службе в России прусского генерала-теоретика К.Л. Пфуля, основанного на занятии укрепленного Дрисского лагеря и разделении 1-й и 2-й Западных русских армий. В результате наши армии оказались удаленными на многие километры одна от другой.

В 1808–1809 гг. Барклай де Толли снова был в Финляндии, возглавив 6-ю пехотную дивизию. В ходе Русско-шведской войны он совершил со своим войском знаменитый переход по льду Ботнического залива (через пролив Кваркен) и занял шведский город Умео. Последствием этого явилось заключение мира со Швецией. Барклай стал генералом от инфантерии и был назначен главнокомандующим войсками в Финляндии и финляндским генерал-губернатором.

С началом вторжения 12 (24) июня 1812 г. Великой армии Наполеона на территорию Российской империи Барклай де Толли, назначенный еще в марте того же года командующим 1-й Западной армией и вслед за этим – главнокомандующим, правильно оценил сложившуюся стратегическую обстановку, обеспечивая отход войск и избегая генерального сражения с превосходящими силами агрессора.

Сразу после нападения французы развернули в первой линии на западной границе России 445 тыс. человек. Помимо этого, Наполеон имел вместе с резервами еще около 150 тыс. солдат и офицеров во второй линии.

Русское командование смогло развернуть на западной границе менее 210 тыс. Остальные войска были расположены на южных окраинах страны – в Молдавии, на побережье Черного моря, на Кавказе, а также на русско-шведской границе и в глубине российской территории. Причем часть из них находилась в стадии формирования. Требовалось как можно скорее объединить 1-ю и 2-ю Западные армии.

Таким образом, Наполеон имел вначале подавляющий численный перевес.

25 июня Барклай де Толли написал императору: «Я не понимаю, что мы будем делать с целой нашей армией в Дрисском укрепленном лагере. После столь торопливого отступления мы потеряли неприятеля совершенно из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем принуждены

ожидать его со всех сторон». Александр I, который поддерживал план Пфуля, не ответил на это письмо, дав тем самым понять, что приказ идти к Дриссе обсуждению не подлежит. 26 июня 1-я армия прибыла в Дриссу, а через три дня здесь состоялся военный совет, обсуждавший вопрос о дальнейших действиях. В присутствии императора Михаил Богданович высказался за то, чтобы до соединения с армией Багратиона никаких активных действий не предпринимать...

Поскольку пробиться к Дрисскому лагерю 2-й Западной армии генерала П.И. Багратиона не удалось, решено было отступить дальше, так как одной из главных тактических задач первого месяца войны продолжало оставаться соединение двух армий.

21 июля по приказу Барклая был сформирован армейский летучий партизанский отряд под командованием генерала Ф.Ф. Винцингероде. Действия этого отряда положили начало партизанской войне на Смоленщине, а затем и на всей территории оккупированных противником районов России.

22 июля 1812 г. 1-я и 2-я Западные армии все же сумели наконец соединиться под Смоленском. В разгоревшихся здесь кровопролитных боях, упорно обороняясь, русские войска нанесли противнику больше потерь, чем понесли сами. И соотношение сил к моменту соединения русских армий в районе Смоленска теперь стало постепенно изменяться в пользу русских. Но пока это соотношение (1:1,5) было явно недостаточным, чтобы рассчитывать на успех в генеральном сражении⁶. 180-тысячной армии Наполеона противостояло только 120 тыс. русских. Тщательно обдумав план дальнейших действий и отказавшись от генерального сражения, Барклай де Толли приказал 2-й армии оставить Смоленск, а сам со своими войсками прикрыл ее отход. 10 (22) августа Барклай сообщал царю: «Во избежание риска преждевременного принятия боя, имея постоянно дело с неприятелем, превосходящим в силах, я постараюсь вместе с князем Багратионом уклониться от генерального сражения»⁷.

Продолжение отхода русских армий к Москве резко усилило недовольство главкомом в рядах генералитета, офицерского корпуса и общества. Особенно негодовал П.И. Багратион, буквально рвавшийся в контрнаступление. Отступление из-под Смоленска крайне обострило взаимоотношения Барклая де Толли и Багратиона: с этого времени и до Бородинского сражения князь Петр Иванович считал тактику главнокомандующего гибельной для России, а его самого – главным виновником всего.

В письмах императору, Аракчееву, ко всем сановникам и военачальникам Багратион, обвиняя Барклая почти открыто в измене⁸, требовал поставить над армиями другого полководца, который пользовался

бы всеобщим доверием и, наконец, прекратил бы отступление. А оно продолжалось безостановочно до Царева Займища. Несколько раз намеревался Барклай де Толли остановиться и принять битву, дать генеральное сражение, «но неудобства позиций заставляли его уступать неприятелю и оставить Дорогобуж и Вязьму»⁹. Возмущение Багратиона проявлялось на фоне недовольства многих солдат, офицеров и генералов всех русских армий. И император Александр не мог это не учесть. По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс уже в названной выше статье («Барклай де Толли») справедливо отмечали: «Великой заслугой Барклая де Толли является то, что он не уступил невежественным требованиям дать сражение, исходившим как от рядового состава русской армии, так и из главной квартиры; он осуществил отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело некоторую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность соединиться с ним и облегчить адмиралу Чичагову нападение на тылы противника. Когда он оказывался вынужденным дать сражение, как это было под Смоленском, он занимал позицию, которая не позволяла сражению стать решающим. Когда, недалеко от Москвы, нельзя уже было избежать решающего сражения, он выбрал сильную позицию у Гжатска (у Царева Займища. – Г.К.), почти недоступную атаке с фронта, обойти которую можно было только обходными путями большой протяженности»¹⁰. Он уже расположил свои войска, когда прибыл Кутузов, в руки которого благодаря интригам русских генералов и ропоту русской армии по поводу того, что священной войной руководит иностранец, было теперь передано верховное командование. В пику Барклаю де Толли Кутузов покинул позицию при Гжатске, в результате чего русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина. В этом сражении 26 августа Барклай, командовавший правым крылом, был единственным из генералов, который удержал свою позицию и не отступал до 27-го, прикрыв, таким образом, отступление русской армии, которая, если бы не он, была бы полностью уничтожена. После отступления от Бородина за Москву именно Барклай де Толли снова предупредил всякие бесполезные попытки защитить священную столицу»¹¹.

Барклай повиновался воле императора Александра I и сдал командование внешне спокойно, хотя самолюбие его было, конечно, уязвлено. В письме к царю он писал, что все желание его – «пожертвованием жизни доказать готовность служить Отечеству во всяком звании и достоинстве». «Не распространяюсь, – добавлял он, – о действиях армии, которая была мне вверена. Время покажет, мог ли я сделать что-нибудь лучше для спасения государства. Будь я руководим только честолюбием, от меня получали бы донесения о победных битвах и, несмотря

на то, неприятель достиг бы Москвы, не встретив достаточных сил, которые могли бы сопротивляться»¹².

С прибытием Кутузова Барклай де Толли оставался главнокомандующим 1-й Западной армией, но вынужден был оставить пост военного министра.

23 августа главные силы 1-й и 2-й армий вышли на большое поле, расположенное в 124 км от Москвы, между Старой и Новой Смоленскими дорогами. В центре его находились село Бородино и деревня Семеновское, на юге – деревня Утица, а на севере – деревня Захарьино. На площади примерно в 50 кв. км наконец-то сошлись две армии, примерно равные друг другу по силам: русских было около 120 тыс. при 640 орудиях, французов – 130 тыс. при 587 орудиях¹³. Сражение началось 24 августа буквально с первым выстрелом. «На восходе солнца, – вспоминал адъютант Баркляя В.И. Левенштерн, – поднялся сильный туман. Генерал Барклай в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черным пером стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородино... Со всех сторон раздавалась канонада. Деревня Бородино, расположенная у наших ног, была занята храбрым лейб-гвардии Егерским полком. Туман, заволакивавший в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него.

Генерал Барклай, обозревавший всю местность с холма, угадал, какой опасности подвергался Егерский полк, и послал меня к нему с приказанием, чтобы он немедленно выступил из деревни и разрушил за собой мост... После дела при Бородинском мосте генерал Барклай спустился с холма и объехал всю линию. Ядра и гранаты буквально вырывали землю на всем пространстве. Барклай проехал таким образом перед Преображенским и Семеновским полками»¹⁴.

Главный удар Наполеон нанес по левому флангу, подступы к которому прикрывал Шевардинский редут. Барклай де Толли, командуя правым крылом и центром русских войск, правильно оценил обстановку, послав на помощь П.И. Багратиону 4 пехотных полка и 8 гренадерских батальонов, а вскоре еще 4 кавалерийских полка. Участник сражения у Бородино, будущий декабрист Ф.Н. Глинка писал, что многие офицеры и даже солдаты, указывая на Баркляя, говорили: «Он ищет смерти»¹⁵.

И действительно, бывший главнокомандующий и военный министр искал ее, находясь в самом пекле убийственного огня, в котором, по его словам, «удастся мне, может быть, найти совершение моего желания». Однако желание Баркляя не исполнилось. Как отмечал российский военный историк той эпохи Н.А. Полевой, смерть летала окрест его, четыре лошади было под ним убито, возле него погибло два офицера и девять было ранено, а он оставался невредимым и не вышел из боя... «Покоряюсь жребию моему, – писал позднее Михаил Богданович, –

не сбылось мое пламенное желание: Провидение пощадило жизнь, которая тяготит меня»¹⁶.

Помощь от Барклая прибыла в те минуты, когда получил тяжелое ранение князь П.И. Багратион. Во время перевязки, лежа на земле, он увидел адъютанта Барклая. «Передайте Барклаю, – сказал Багратион, – что теперь он решает судьбу боя. До сих пор все идет хорошо. Да сохранит его Бог»¹⁷. Эти слова командующего 2-й Западной армией означали примирение с Барклаем, признание его стойкости, большой отваги и благородства. Раненого Багратиона переправили в полевой лазарет, а командующим 2-й армией временно стал командир дивизии генерал П.П. Коновницын.

Сам Барклай, возглавив 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, а также бригаду гвардейских кирасир, бросился в бой против французских кавалерийских корпусов. Одновременно развернулись ожесточенные схватки на всех позициях битвы. Упорной была борьба за батарею Раевского, которая находилась на центральном участке. Противник атаковал ее несколько раз. Защитники батареи стойко отстаивали ее позиции, проявляя высокое мужество и самопожертвование. Только во второй половине дня 26 августа после нескольких кровопролитных атак французам удалось захватить батарею и русские войска отошли на новую позицию.

После 4 часов дня обе стороны продолжали вести сильный артиллерийский огонь, который не смолкал до глубокой ночи. Затем французские войска отступили на исходные позиции...

Покорителю многих стран Наполеону не удалось уничтожить русскую армию и одержать победу над Россией. «Французская армия разбилась о русскую», – отметил активный участник сражения генерал А.П. Ермолов. Битва под Бородино обескровила наполеоновскую армию. Ее общие потери превысили 50 тыс. человек. Но и Кутузов не смог развить успеха, лишившись до 44 тыс. воинов, а свежих резервов пока не было.

Поздно вечером Кутузов вызвал Барклая и приказал готовиться к продолжению решающего сражения на следующее утро. Барклай отдал все необходимые распоряжения генералам 1-й армии, однако в полночь получил от Кутузова приказ отступить...

В последние дни августа русская армия подошла к Москве. М.И. Кутузов еще не оставлял намерения у стен древней русской столицы дать Наполеону новое сражение. Генералу Л.Л. Беннигсену было поручено подобрать позицию для решающего сражения. А когда тот выполнил поручение, для осмотра этой местности главнокомандующий направил Барклая де Толли, Д.С. Дохтурова, А.П. Ермолова, К.Ф. Толя и М. Кроссара. После осмотра избранной Беннигсеном позиции все единогласно заявили о ее полной непригодности для нового сражения.

Тогда Кутузов решил собрать 1 сентября в деревне Фили, в доме крестьянина Михаила Фролова¹⁸, где размещалась главная квартира главнокомандующего, военный совет, чтобы обсудить вопрос о целесообразности нового генерального сражения для защиты Москвы или оставления Москвы без боя. На этом заседании приняли участие, кроме М.И. Кутузова, начальник Главного штаба генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен, командующий 1-й армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли, начальник штаба 1-й армии генерал-майор А.П. Ермолов, генерал-лейтенанты – командиры корпусов: 1-го кавалерийского – Ф.П. Уваров, 3-го пехотного – П.П. Коновницын, 4-го пехотного – А.И. Остерман-Толстой, 7-го пехотного – Н.Н. Раевский, 6-го пехотного – Д.С. Дохтуров, генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь.

Совещание началось с вопроса Беннигсена, который обратился к собравшимся со словами: выгоднее ли сразиться под стенами Москвы или сдать ее неприятелю без боя? Кутузов тут же прервал генерала, отметив несообразность вопроса. Он заявил, что «пока будет существовать армия и пока она сохранит возможность противиться неприятелю, до тех пор остается надежда окончить успешно войну...». Кутузов поставил на обсуждение совета вопрос: ожидать ли нападения в невыгодной позиции или уступить неприятелю Москву?

В прениях первым выступил Барклай де Толли, который подчеркнул: «...главная цель заключается не в защите Москвы, а в защите Отечества, для чего прежде всего необходимо сохранить армию. Позиция невыгодна, и армия подвергается несомненной опасности быть разбитой. В случае поражения все, что не достанется неприятелю, будет уничтожено при отступлении через Москву. Оставлять столицу тяжело, но если мужество не будет потеряно и операции будут вестись деятельно, овладение Москвой, может быть, приведет неприятеля к гибели». Барклай предложил отступить из Москвы по Владимирской дороге, но участникам заседания более удачным представился путь по Рязанской, Старой и Новой Калужским дорогам¹⁹.

После Барклая выступили Беннигсен, Ермолов, Уваров и Дохтуров, которые отвергли идею отступления и потребовали нового сражения. Отвечая им, Михаил Богданович сказал, что «об этом следовало бы подумать ранее и сообразно с тем разместить войска. Теперь уже поздно, ночью нельзя передвигать войска по непроходимым рвам, и неприятель может ударить по нас прежде, нежели мы успеем занять новое положение»²⁰.

Доводы командующего 1-й Западной армией Барклая де Толли были столь убедительны, что после них, как писал генерал А.П. Ермолов, «не могло быть места более основательному рассуждению». Более того, Ермолов, хотя на совете, по некоторым данным, проголосовал за новое

сражение, позднее вспоминал, что «все сказанное при этом случае» Барклаем «заслуживает того, чтобы быть отпечатано золотыми буквами...»²¹.

Подводя итог прениям, главнокомандующий одобрил реплику Барклая и закончил заседание словами: «Вижу, что мне придется платить за разбитые горшки, но жертвую собой ради Отечества. Приказываю отступить»²². Потом, выслушав всех, добавил, что с потерей Москвы «не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию... Вследствие чего приказано было армии быть в готовности к выступлению...»²³. Таким образом, Кутузов отказался от своего первоначального намерения, которое он высказывал накануне совещания, – подготовить на подступах к Москве новое крупное сражение. Это также свидетельствовало о том, что на данном этапе войны стратегии обоих полководцев по важным вопросам совпадали.

В ходе отступления в русской армии произошел ряд организационных изменений. 28 сентября 1-я и 2-я армии были слиты в одну 1-ю Западную армию, что почти совпало с известием о кончине П.И. Багратиона. Командующим 1-й армией оставался Барклай де Толли, но в новой обстановке прежняя должность Михаила Богдановича стала чисто условной.

Осенью 1812 г., после того как опальный полководец Отечественной войны выполнил последнее поручение М.И. Кутузова (обеспечив организованное прохождение отступающих войск через русскую столицу), были удовлетворены рапорты Барклая с просьбой о его увольнении с должностей военного министра и командующего 1-й Западной армией «ввиду тяжелого заболевания лихорадкой».

Правда, далеко не все, в том числе и ряд его боевых друзей, поверили в эту болезнь. Были и другие причины, включая и основную обиду о его замене как главнокомандующего, во многом заглушавшую все другие чувства. «Меня как будто избегают, и многое от меня скрывают», – писал он жене в те дни в одном из писем²⁴. Барклай довольно резко отреагировал на решение Кутузова передать из 1-й армии в аррьергард генерала Милорадовича 30 тыс. солдат без согласования с ним, т.е. с командующим 1-й Западной армией. Барклай расценил эти действия фельдмаршала как демонстрацию своей ненужности Кутузову. И между ними произошел горячий спор. Объяснения Кутузова Барклай не удовлетворили²⁵.

По воспоминаниям адъютанта Барклая В.И. Левенштерна, прощаясь с ним, генерал сказал: «Я должен уехать. Это необходимо, так как фельдмаршал не дает мне возможности делать то, что я считаю полезным. Притом главное дело сделано. Остается пожинать плоды... Потомство отдаст мне справедливость. На мою долю выпала неблагоприятная часть

кампании: на долю Кутузова выпадает часть более приятная и более полезная для его славы. Я бы остался, если бы я не предвидел, что это принесет армии больше зла. Фельдмаршал не хочет ни с кем разделить славу изгнания неприятеля со священной земли нашего Отечества. Я считал дело Наполеона проигранным с того момента, как он двинулся от Смоленска к столице. Это убеждение перешло во мне в уверенность с той минуты, как он вступил в Москву. Моя заслуга состоит в том, что я передал фельдмаршалу армию хорошо обмундированную, хорошо вооруженную и отнюдь не деморализованную. Это дает мне право на признательность народа.

Быть может, он бросит в меня камень²⁶ в настоящую минуту, но, наверно, отдаст мне справедливость впоследствии»²⁷.

4 октября все генералы пришли попрощаться с Барклаем де Толли, проводив его до экипажа. Путь его проходил прежде всего через Калугу, где он остановился на один день в доме губернатора, занятый сочинением писем Александру I и Кутузову.

В письме императору Барклай сообщил следующее: «Государь! Мое здоровье расстроено, а мои моральные и физические силы до такой степени подорваны, что теперь здесь, в армии, я, безусловно, не могу быть полезным на службе... и эта причина побудила меня просить у князя Кутузова позволения удалиться из армии до восстановления моего здоровья.

Государь! Я желал бы найти выражения, чтобы описать Вам глубокую печаль, снедающую мое сердце, видя себя вынужденным покинуть армию, с которой я хотел жить и умереть...»²⁸

Письмо М.И. Кутузову содержало подробный отчет о своих действиях с 24 по 26 августа. Этому посланию Михаил Богданович придал особое значение, поскольку считал необходимым восстановить свой незаслуженно погранный авторитет²⁹.

Из Калуги кружным путем через Тулу он поехал во Владимир, где мучимый изнуряющей болезнью пробыл несколько дней, во время которых подготовил и направил императору письмо с просьбой разрешить приехать в Петербург. Однако ответа от Александра I он не получил. Тогда, не заезжая в Северную столицу, Барклай уехал в свое имение Бекгоф Феллинского уезда Лифляндской губернии, куда, наконец, пришло долгожданное письмо от императора вместе с его согласием относительно приезда Барклая де Толли в Петербург.

В письме говорилось:

«Генерал! Я получил Ваше письмо от 9 ноября. Плохо же Вы меня знаете, если могли хотя минуту усумниться в Вашем праве приехать в Петербург без моего разрешения. Скажу Вам даже, что я ждал Вас, так как я от всей души хотел переговорить с Вами с глазу на глаз. Но так

как Вы не хотели отдать справедливость моему характеру, я постараюсь в нескольких словах передать Вам мой настоящий образ мысли насчет Вас и событий. Приязнь и уважение, которые я никогда не переставал к Вам питать, дают мне это право»³⁰.

Изложив далее уже известные нам оценки событий, происшедших в июне – августе 1812 г., царь завершал письмо следующим образом:

«Мне только остается сохранить для Вас возможность доказать России и Европе, что Вы были достойны моего выбора, когда я Вас назначил главнокомандующим. Я предполагал, что Вы будете довольны остаться при армии и заслужить своими воинскими доблестями, что Вы и сделали при Бородине, уважение даже Ваших хулителей.

Вы бы непременно достигли этой цели, в чем я не имею ни малейшего сомнения, если бы оставались при армии, и потому, питая к Вам неизменное расположение, я с чувством глубокого сожаления узнал о Вашем отъезде. Несмотря на столь угнетавшие Вас неприятности, Вам следовало оставаться, потому что бывают случаи, когда нужно ставить себя выше обстоятельств. Будучи убежден, что в целях сохранения своей репутации Вы останетесь при армии, я освободил Вас от должности военного министра, так как было неудобно, чтобы Вы исполняли обязанности министра, когда старший Вас в чине был назначен Главнокомандующим той армии, в которой Вы находились. Кроме того, я знаю по опыту, что командовать армиею и быть в то же время военным министром – несовместимо для сил человеческих. Вот, генерал, правдивое изложение событий так, как они происходили в действительности и как я их оценил. Я никогда не забуду существенных услуг, которые Вы оказали Отечеству и мне, и я хочу верить, что Вы окажете еще более выдающиеся. Хотя настоящие обстоятельства самые для нас благоприятные ввиду положения, в которое поставлен неприятель, но борьба еще не окончена, и Вам поэтому представляется возможность выдвинуть Ваши воинские доблести, которым начинают отдавать справедливость.

Я велю опубликовать обоснованное оправдание Ваших действий, выбранное из материалов, присланных мне Вами. Верьте, генерал, что мои личные чувства остаются к Вам неизменными.

Весь Ваш. Александр I.

P.S. Простите, что я запоздал с ответом, но писание взяло у меня несколько дней вследствие моей ежедневной работы»³¹.

Михаил Богданович поспешил приехать в Петербург, но императора там уже не застал. Огорченный, он вернулся в свое имение.

Между тем Отечественная война 1812 года шла к победному завершению. Русские войска во главе с фельдмаршалом Михаилом Кутузовым громили отступающего противника и изгоняли его из пределов

Отечества. На этом этапе войны Барклай де Толли прямого участия в ней не принимал.

К началу 1813 г. состояние его здоровья значительно улучшилось, и вскоре он подал прошение о своем восстановлении в рядах армии. В обращении к царю от 27 января 1813 г. Михаил Богданович писал:

«Я не оправдал бы... доверия, если бы при ведении операций поставил себе целью блестящую кампанию, с которой была бы связана моя личная, собственная слава, а не удачный исход войны путем самого уничтожения неприятеля!.. Я уверил Ваше Величество, что не подвергну опасности бесполезной или несвоевременной гибели Вашу армию, единственную опору Отечества, и если не буду в состоянии нанести неприятелю решительных ударов сначала, то вся моя надежда будет основана на ведении кампании в позднее время года. Я сдержал свое обещание...»³².

Он встал во главе 3-й армии, которой до этого командовал адмирал П.В. Чичагов, освобожденный от командования царем после неоднократных просьб об отставке. 31 января 1813 г. Кутузов сообщил Барклаю: «По случаю болезни адмирала Чичагова государь император высочайше поручает начальству Вашему армию, им предводительствуемую... Я прошу, Ваше высокопревосходительство, поспешить прибыть Вам на место нового Вашего назначения...»³³. В этот же день Кутузов известил о назначении Барклая де Толли командующим 3-й армией.

Новый командующий 3-й армией участвовал в осаде крепости Торн, гарнизон которой 4 апреля 1813 г. капитулировал, и французский губернатор Мавилон сдал Барклаю ключи от крепости. За осаду и взятие Торна Михаил Богданович был награжден орденом Александра Невского с бриллиантами.

Новые успехи русских армий вскоре были омрачены кончиной главнокомандующего вооруженными силами Российского государства, фельдмаршала М.И. Кутузова, последовавшей 16 апреля в небольшом силезском городе Бунцлау.

Ставший после Кутузова главнокомандующим генерал-лейтенант П.Х. Витгенштейн потерпел неудачи в сражениях под Люценом и Бауценом. Человек храбрый и решительный, получивший в 1826 г. высшее воинское звание генерал-фельдмаршала, он все же недостаточно владел искусством управления войсками в широком масштабе. И это сказалось в ходе указанных сражений.

Что касается Барклая, то его 3-я армия, присоединившаяся у Бауцена к главным силам антинаполеоновской коалиции, 7 мая завязала многочасовой бой при Кенигсварте, полностью разгромив итальянскую дивизию из корпуса французского генерала Ж.-А. Лористона (будущего маршала Франции). За эту победу русский полководец был удостоен

высшей награды империи – ордена Святого Андрея Первозванного. Завоеванные Барклаем победы у Торна, Кенигсварта, под Кульмом и в районах других городов свидетельствовали, что он умеет не только обороняться и отступить и что после смерти Кутузова ему нет равных среди русских полководцев.

14 мая 1813 г. по общему согласию союзников и по рекомендации Витгенштейна Михаил Богданович возглавил объединенную русско-прусскую армию. При этом прежний главнокомандующий П.Х. Витгенштейн заявил, что «он почтет за удовольствие быть под его начальством»³⁴. В качестве главнокомандующего Барклай де Толли участвовал в трехдневной «битве народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г. Его армия, составлявшая основную часть союзников, приняла на себя главную тяжесть сражения. К многочисленным наградам, которые получил полководец, прибавились орден Святого Георгия 1-й степени (в результате чего он стал вторым после М.И. Кутузова полным георгиевским кавалером), командорский крест австрийского военного ордена Марии-Терезии и Кульмский крест. Кроме того, Барклай был 29 декабря 1813 г. возведен в графское достоинство Российской империи.

В кампанию 1814 г. Михаил Богданович отличился во многих сражениях на территории Франции. За успешные действия при Бриенн-ле-Шато был награжден золотой шпагой с алмазами и лаврами, а за взятие Парижа (19 марта 1814 г.) получил чин генерал-фельдмаршала. С восстановлением династии Бурбонов во Франции новый король Людовик XVIII возложил на Барклая звезду и ленту Почетного легиона, а шведский король Карл XIII прислал орден Меча 1-й степени³⁵.

После заключения мира Барклай де Толли вернулся в Россию, где был назначен командующим 1-й армией. Он собирался отдохнуть и подлечиться, однако события 1815 г. («Сто дней Наполеона») помешали этому. Пришлось снова выступить в поход и 6 июля вторично занять Париж. На грандиозном смотре победителей Наполеона в городе Верто 30 августа 1815 г. 150-тысячная русская армия вызвала всеобщее восхищение своей безукоризненной выучкой, стройностью, отточенностью движений и слаженностью маневров. Французский, нидерландский и саксонский короли удостоили Барклая награждением высшими степенями государственных орденов: Святого Людовика, Вильгельма и Святого Генриха. Принц-регент Великобритании прислал ему орден Бани 1-й степени, а город Лондон – украшенную бриллиантами шпагу. Александр I за вклад выдающегося русского полководца в победу над Наполеоном Бонапартом и труды по совершенствованию русской армии присвоил Барклаю де Толли княжеский титул.

По возвращении в Россию Барклай вновь занялся боевой подготовкой войск, не отказавшись при этом от своего основного принципа –

уважения в солдате достоинства человека. Он не изменил и своего отрицательного отношения к аракеевщине и был против вводившихся в стране военных поселений, хотя и знал, что идея этих поселений исходит от самого царя. Великого полководца волновало не только положение «господских крестьян под бичом барщины», но и судьбы отслуживших срок солдат, которых он предлагал наделять землей, освобождать на 15–20 лет от податей и зачислять в вольные хлебопашцы.

В 1818 г. Михаил Богданович получил наконец длительный отпуск, чтобы укрепить свое здоровье. Но по пути в Германию он тяжело заболел и 14 мая скончался на мызе Штилитцен, близ Инстенбурга (ныне Черняховск), на 57-м году жизни. Прах полководца был перевезен и погребен в его имении Бекгоф.

В декабре 1837 г. в Петербурге на площади перед Казанским собором были установлены памятники фельдмаршалам М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли работы скульптора Б.И. Орловского. 11 ноября 1849 г. в Дерпте (Тарту) был открыт еще один памятник Барклаю, надпись на котором гласила: «Незабвенному полководцу от войск, под начальством его состоявших, в память военных подвигов 1812, 1813 и 1814 годов».

Подведем некоторые итоги нашего повествования о великом русском военном деятеле Михаиле Богдановиче Барклае де Толли, о его необычайно сложной, порой драматической полководческой судьбе. Его глубоко продуманная стратегия временного отступления – не отступления вообще, а во имя сохранения армии в условиях тоже временного значительного превосходства врага в силах – была в той грозной обстановке единственно правильной стратегией, и она полностью себя оправдала.

Так во многом благодаря уникальному полководческому дарованию Барклая была спасена Русская армия, а с ней и Россия от разгрома и гибели и в том же 1812 г. произошел решающий перелом в битвах и сражениях в пользу Российского государства. Все это в конечном счете привело к полной победе над полчищами Наполеона, к их бесславному концу.

Будущий декабрист М.А. Фонвизин, проделавший с Барклаем весь путь отступления от Вильно до Тарутина, говорил, что он полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный». Поэт-партизан Отечественной войны 1812 года Д.В. Давыдов среди множества похвал Барклаю оставил и такую: «Барклай де Толли с самого своего служения обращал на себя всеобщее внимание своим изумительным мужеством, невозмутимым хладнокровием и отличным знанием дела. Эти свойства внушили нашим солдатам пословицу: "Погляди на Барклая, и страх не берет"»³⁶.

Передовые люди эпохи, задумывавшиеся над ходом событий, взвешивавшие все «за» и «против», не могли не признать бесспорную правоту стратегии полководца. «Подвиг Барклая де Толли велик, участь его трагически печальна и способна возбудить негодование...» – писал В.Г. Белинский.

Фигура Барклая, его судьба, исполненная величия и трагизма, с давних пор привлекала А.С. Пушкина. Чаще всего это были мимолетные зарисовки, не лишённые, однако, глубины мысли и широты обобщений. Последнее произведение «Полководец» – крупное, значительное и целиком посвященное Барклаю де Толли, было написано менее чем за полгода до трагической гибели великого поэта.

Публикация «Полководца» вызвала восторженные отзывы современников. «“Барклай” – прелесть!» – отмечал А.И. Тургенев в письме П.А. Вяземскому. А в октябре 1836 г. публицист Н.И. Греч писал Пушкину: «Не могу удержаться от излишней перед Вами от полноты сердца искренних чувств глубокого уважения и признательности к Вашему таланту и благороднейшему его употреблению. Этим стихотворением, образцовым и по наружной отделке, Вы доказали свету, что Россия имеет в Вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды». Пушкин на это письмо так ответил Гречу: «Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем полководце. Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения».

Пушкин в «Полководце» с необыкновенной прозорливостью вскрывает то, что для многих было загадкой многие годы. Его Барклай – это человек, «непроницаемый для взгляда черни дикой». Он молча идет своей дорогой «с мыслью великой». Но чернь не понимает его и глумится над ним, невзлюбив в его имени «звук чуждый» и «ругаясь над его священной сединою». Однако Барклай, укрепленный могучим убеждением собственной правоты, шел своей дорогой дальше, оставаясь «неколебим пред общим заблуждением». Пушкин повествует и о том, как Барклай де Толли передал бразды правления М.И. Кутузову:

*И на полпути был должен, наконец,
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманно глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко³⁷.*

А меж тем Кутузов, идя той же дорогой, «стяжал успех, сокрытый в главе твоей», – обращается поэт к опальному полководцу, выносив-

шему замысел отступления, которое поставило Наполеона на грань катастрофы.

Идеи, изложенные Пушкиным в поэтической форме, были сформулированы им и прозой. Он выступил в печати с «Объяснением» в ответ на гневные нападки на поэта со стороны двоюродного племянника М.И. Кутузова. Пушкин, в частности, писал: «...его (Барклая. – Г.К.) отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждой, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»³⁸.

В своей симпатии к Барклаю, в уважении к его свершениям во имя Отечества Пушкин был не одинок. После пушкинского «Полководца» появляется стихотворение В.А. Жуковского «Бородинская годовщина», в котором были строки, посвященные подвигу Барклая де Толли. Большинство исследователей считает, что ему же посвящено стихотворение М.Ю. Лермонтова «Великий муж! Здесь нет награды». Довольно объективно раскрыл полководческую деятельность Михаила Богдановича известный писатель того времени Ф.В. Булгаков в историческом романе «Петр Иванович Выжигин». В своих воспоминаниях Булгаков сожалел, что «к Барклаю де Толли до сих пор все как-то холодно, хотя и признают великие его заслуги перед Отечеством»³⁹. Объясняя такое положение, современник Барклая публицист А.В. Висковатов писал: «Много ошибаются те, которые думают, что, платя должную дань Барклаю... неизбежно будет набросить тень на действия Кутузова»⁴⁰. Но ведь они оба заслужили великую признательность России за ее спасение.

Представим в заключение оценку действий Михаила Богдановича со стороны известного военного исследователя XIX в. генерала В.А. Харкевича – автора ряда крупных работ по истории Отечественной войны 1812 года. По мнению Харкевича, хотя Барклай «не отличался блистательными способностями, но обладал многими драгоценными качествами полководца. Простой, ясный и практический ум его холодно оценивал обстановку и принимал соответствующее решение. Предусмотрительность его обнимала всё, и он ничего не забывал во время исполнения. Самостоятельность его была безусловна: взгляды, которые он высказывал, и решения, которые он принимал, всегда были его собственные. Непокколебимая настойчивость в преследовании поставленной цели не знала преград. Полное самообладание и спокойствие в самые тяжелые решительные минуты были изумительны.

На поле битвы он видел всё и с неизменным хладнокровием распорядился всем под самым сильным огнем. Патриот в лучшем смысле слова, он исполнял свой долг, никогда не думая о себе»⁴¹.

Наш народ не забудет своих героев, всех тех, на чьих плечах была вынесена тяжесть защиты страны в период нашествия армии Наполеона. Одно из достойнейших мест в первом их ряду несомненно принадлежит великому русскому полководцу и герою Отечественной войны 1812 года генерал-фельдмаршалу Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 14. М., 1959. С. 94.

² Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. М., 2011. С. 41.

³ Там же. С. 41–42; Энциклопедический словарь «Гранат». Изд. 7-е. Т. 4. С. 638.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 14. С. 92.

⁵ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 395.

⁶ Золотарев В. Наполеон I Бонапарт. М., 2012. С. 182–183.

⁷ Цит. по: Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970. С. 52.

⁸ См.: Фролов Б.П. Отечественная война 1812 года и заграничные походы русской армии 1813–1814 годов. М., 2011. С. 290–295.

⁹ Полевой Н.А. Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времен императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. С. 244.

¹⁰ По поводу выбора Барклаем места генерального сражения у Гжатска есть оценки другого рода. Так, в записках современника событий гофмаршала Высочайшего Двора А.А. Щербина говорится: «Приходим в лагерь перед Царевым Займищем. Речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Тем не менее Барклай на то решиться хочет. Карл Толь до такой степени убежден был в опасности этого лагеря, что бросается перед Барклаем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимает убеждениям своего генерал-квартирмейстера. Но вдруг возвещают о прибытии Кутузова в Царево Займище. Это было в 3-м часу пополудни 17 августа. День был пасмурный, но сердца наши прояснились. Узнав от Толя об опасности лагеря, князь Кутузов тотчас приказал отступить. Квартирмейстерский офицер Гартинг был послан по дороге к Можайску отыскивать позицию для принятия решительного сражения» (Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 13–14). В советской историографии Отечественной войны 1812 г. А.Н. Кочетков убедительно доказал, что позиция у Царева Займища была весьма выгодной, а «главный недостаток, который ей приписывается, – болотистая речка в тылу позиции, в действительности не имел места, ибо она вся пересохла» (Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 37).

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 14. С. 93.

¹² Цит. по: Полевой Н.А. Указ. соч. С. 245.

¹³ Всемирная история. М., 1959. Т. VI. С. 118.

¹⁴ Русская старина. 1900. Декабрь. С. 573.

- ¹⁵ России верные сыны. Л., 1988. Т. 2. С. 120.
- ¹⁶ Полевой Н.А. Указ. соч. С. 245.
- ¹⁷ Цит. по: Балязин В.Н. Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай де Толли. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1990. С. 195.
- ¹⁸ Академик Е.В. Тарле в своем труде «Нашествие Наполеона на Россию» в качестве хозяина избы называет фамилию крестьянина Севастьянова, что не подтверждается различными источниками (см.: Тарле Е.В. Соч. Т. VII. М., 1959. С. 386).
- ¹⁹ Цит. по: Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 65.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991. С. 103–104.
- ²² Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 65–66.
- ²³ Балязин В.Н. Михаил Кутузов. С. 174.
- ²⁴ Русская старина. 1912. Декабрь. С. 547.
- ²⁵ Балязин В.Н. Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай де Толли. Жизнь и полководческая деятельность. Киев, 1990. С. 210.
- ²⁶ Барклай, разумеется, не знал, что его слова о камне, который «бросит в него народ», окажутся далеко не метафорическими. Через несколько дней после отъезда из Тарутина его дорожная карета в Калуге подверглась нападению толпы. Обзывая генерала изменником и предателем, люди из досужей публики бросали камни, угрожали ему расправой. Потребовалось вмешательство полиции, чтобы прекратить эти бесчинства.
- ²⁷ Русская старина. 1901. Январь. С. 109–110.
- ²⁸ Цит. по: Харкевич В.А. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904. С. 39.
- ²⁹ Там же. С. 39–43.
- ³⁰ Цит. по: М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 474.
- ³¹ Там же. С. 476.
- ³² Цит. по: Харкевич В.А. Указ. соч. С. 56.
- ³³ М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1956. Т. 5. С. 213.
- ³⁴ Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 56.
- ³⁵ Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 123.
- ³⁶ Кочетков А.Н. Указ. соч. С. 71.
- ³⁷ Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. М., 1984. Т. 2. С. 272.
- ³⁸ Там же. С. 229–300.
- ³⁹ Тотфалушин В.П. Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁰ Там же. С. 128–129.
- ⁴¹ Военная энциклопедия. СПб., 1991. Т. 4. С. 188.

А.В. Дубровский

Отечественная война 1812 года в рукописных собраниях Пушкинского Дома

Героическая эпоха 1812 года вызвала к жизни великое множество письменных документов, значительная часть которых оказалась в фондах Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. Материалы поступали в Рукописный отдел в разное время в составе личных фондов, коллекций и собраний. Прежде всего, следует отметить фонды писателей: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Капниста, содержащие авторские рукописи стихотворных и прозаических произведений, посвященных Отечественной войне 1812 года. Огромный интерес представляют фонды, хранящие исторические документы: архив жены полководца Е.И. Голенищевой-Кутузовой (урожд. Бибиковой), семейный архив Раевских, архив журнала «Русская старина» и др. В них содержатся подлинные письма Александра I и Наполеона, послания и донесения с полей войны непосредственных участников сражений: М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, М.Б. Баркляя де Толли, П.Х. Витгенштейна, М.А. Милорадовича, Н.Н. Раевского, П.В. Чичагова и др. В фондах Древлехранилища хранятся старообрядческие сочинения о Наполеоне-антихристе, церковные проповеди, исторические и народные песни. Уникальные исторические и художественные реликвии Рукописного отдела и Литературного музея Пушкинского Дома были представлены на выставке «За смертью или за славой...»¹, а также факсимильно воспроизведены в альбоме «Отчизну обняла кровавая забота... Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома»².

Благодаря трудам отечественных и зарубежных историков нам многое известно о событиях Отечественной войны 1812 года. И тем не менее, когда мы обращаемся к подлинным письмам, донесениям, репортажам, мы как будто сами переносимся в эпицентр сражений.

В семейном архиве Раевских хранятся шесть писем П.И. Багратиона к Н.Н. Раевскому за 1811–1812 гг.³ Мы публикуем здесь четыре из них. В этих кратких военных посланиях отразился весь драматизм битвы

под Смоленском. Письма Багратиона написаны в тот момент, когда после занятия французами Могилева над войсками 2-й Западной армии, стремившейся соединиться с 1-й Западной армией под командованием М.Б. Баркляя де Толли, нависла угроза разгрома значительно превосходящими силами противника. Перед Багратионом стояла дилемма: либо перевести войска через Днепр в районе Могилева, где была постоянная переправа, либо попытаться, задержав французов, навести новую переправу южнее города. В конечном итоге было принято второе решение. Благодаря активным действиям Раевского под Салтановкой 13–14 (25–26) июля 2-я Западная армия успешно переправилась через Днепр у Нового Быхова и форсированным маршем двинулась к Смоленску, где и соединилась с армией Баркляя де Толли. Согласно утверждению историка А.И. Михайловского-Данилевского, «сражение под Смоленском было одно из самых решительных, потому что, если бы Наполеон не застал там корпуса Раевского и сей не сделал бы отчаянного отпора, то главная наша армия, двинувшаяся к Порецью, была бы отрезана от Москвы и от полуденных губерний»⁴. Сам Раевский в рапорте Багратиону от 20 июля 1812 г. о сражении под Салтановкой писал: «Единая храбрость и усердие российских войск могла избавить меня от истребления против толико превосходного неприятеля в толико невыгодном для меня месте. Я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно похвалить храбрость и искусство артиллеристов; в сей день все были герои...»⁵.

Подвиг Раевского воспел В.А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

*Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами*⁶.

Корреспонденцию П.И. Багратиона, адресованную Н.Н. Раевскому, мы приводим в современной орфографии, за исключением тех случаев, когда необходимо передать фонетические или лексические особенности его письма.

1.

11 июля 1812 г.

Посылаю к вам человека, который расскажет вам положение неприятеля. Я прошу вас открыть и местоположение узнать около

Могилева, как против вас, так и влево от вас. Мне кажется один способ их атаковать. Гренадеры уже на марше, они подойдут к Баркалабу⁷ и сделают привал, а в ночь Воронцов⁸ придет. Прошу дать знать мне, что у вас происходит. Я буду около вечера сам в Баркалабе, а до того времени дайте мне знать.

Генерал Князь Багратион

На обороте: Господину Генерал-лейтенанту Раевскому.

2.

Цидулу⁹ Вашу получил. Дремать не должно. Извольте их атаковать так, чтобы наверное припереть авангард к городу. Все меры употребить, обойти места лесные, дабы иметь менее потерь. Мне Могилев не весьма нужен, но, столкнувшись с ними, надо их открыть непременно. Я буду скоро в Баркалабе, а Вы с Богом их передовые войска атакуйте, и тогда лучше мы узнаем. Мост, что он строит, для того, верно, чтобы переправлять колонны. Наши казаки, то есть отряд Краснова¹⁰, покажутся против их, уже переправились у реки Днепр. Платов¹¹ придет и все влево от нас к Могилеву брать будет. Ежели бы Бог дал нам сыскать способ найти переправу между вами и Старый Быхов¹², то мы бы и минуты не мешкали переправляться. В прочем я на Вас надеюсь. Если их мало, с Богом атакуйте. У вас корпус сильный со всех сторон, и Вы доставите мне радостную весть – я в том уверен.

Генерал Князь Багратион

11-го дня июля. P.S. Ускорить атаку нужно вам для того, чтобы сикурс¹³ к ним не подоспел. Если же оне весьма сильны будут, тогда мы возьмем наше направление назад, но я уверен, что вы их до ночи откатаете.

На обороте: Господину Генерал-лейтенанту Раевскому.

3.

11 [июля 1812]

Рекомендую употребить все меры послать надежных казаков, чтобы от Дашковки вниз и вверх осмотреть и отыскать броды, куда бы могла по нужде армия переправитца, так, чтобы не замочить ящики патронные и снаряды. Прошу так вас постаратца рекогносировать и попробовать, как велики их силы. Сие мне нужно знать, ежели еще прозеваем 24 часа, оне могут быть сильны. На первый случай у вас довольно корпус сильной, можно с Богом начать. Я надеюсь, что вы исполните все хорошо.

Князь Багратион

P.S. Генерал-майор Карпов¹⁴ с левой стороны идет к Могилеву через деревню Дасовичи, велит его открыть и оставить засады у переправы Чигиринька.

Генерал Князь Багратион

На обороте: Господину Генерал-лейтенанту Раевскому.

4.

От 3 авг[уста]. Под Смоленском

Верьте мне, Ваше превосходительство, что не токмо иду, но бегу к вам, жаль, что лететь не могу. Постарайтесь удержатся, авось Бог поможет занять (?) высоты. Я послал к вам к[нязя] Кудашева¹⁵, он знает места расположения, неприятель также может быть. И подумайте, вас вдруг потеснит. Я думаю, что мой приход ему известен, истинно – что могу, то и делаю.

Князь Багратион

1-й час пополуночи

Я иду по дороге раKITно¹⁶, дабы марш свой скрыть.

В послужном списке Н.Н. Раевского об этом деле написано кратко: «4 августа с одним 7-м корпусом под Смоленском против Наполеона и трех его корпусов (под командою короля Неаполитанского, фельд-маршалов Нея и Даву) удержал нападение неприятеля чрез целые сутки в тылу обеих армий, до возвращения оной, которые прибыли к ночи, когда был сменен корпусом генерала Дохтурова»¹⁷.

Из писем других главнокомандующих, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, следует упомянуть также письма М.И. Кутузова, Н.Н. Раевского, М.А. Милорадовича, М.Б. Баркляя де Толли, П.В. Чичагова. Особенно многочисленны письма Кутузова, интерес которых кроме всего прочего заключается в том, что об одних и тех же событиях он пишет в частных письмах жене, в издаваемых им приказах по армии и, наконец, в рапорте императору Александру I (печатный экземпляр). Приведем для примера два текста: письмо жене от 28 октября 1812 г. и фрагмент рапорта императору о военных действиях от 6 ноября 1812 г. из главной квартиры в селе Доброво.

1.

28 октября, город Ельня

Я, мой друг, хотя и здоров, но от усталости припадки. Например, от поясницы разогнуться не могу. От той причины и голова временем болит. По сию пору французы еще бегут неслыханным образом уже более трех сот верст, и какие ужасы с ними происходят! Это участь моя, чтобы видеть неприятеля без пропитания, питающегося

дохлыми лошадьми без соли и хлеба. Турецкие пленные извлекали часто мои слезы. Об французах хотя и не плачу, но не люблю видеть этой картины. Вчерась нашли в лесу двух, которые жарят и едят в лесу своего товарища. А что с ими делают мужики!

Кланяйся всем. О Бенигсене¹⁸ говорить не хочется, он глупый и злой человек! Уверили его такие же простяки, которые при нем, что он может испортить меня у Государя и будет командовать всем. Он, я думаю, скоро приедет. Детям благословение. Верный друг

Михайло Г[оленищев]-Кутузов¹⁹

2.

6 ноября 1812 г.

После поражения неприятеля при Вязьме 22-го минувшего месяца армия предприняла марш кратчайшим путем в направлении чрез Ельну на Красное с тем, чтобы пресечь путь если не всей неприятельской армии, то хотя сильному ее арьергарду, что и увенчалось совершенным успехом 5-го и 6-го числа сего ноября.

Наполеон нимало не предполагал сего движения армии нашей, ибо авангард, под командою генерала Милорадовича, во время флангового марша на г. Ельну продолжил движение свое чрез Дорогобуж к Соловьевой переправе и, не доходя до оной, склонился фланговым же маршем на соединение главной армии к селу Ляхову.

Генерал от кавалерии Платов, подкрепленный бригадою из 1-го и 20-го егерских полков, следовал с одною частью по Духовской и с другою по Смоленской дорогам. Сим фланговым движением армия, приближаясь к г. Красному, подала уже способ авангарду генерала Милорадовича иметь 3-го числа поверхность над неприятельскою гвардиею, тянувшеюся от Корытны к Красному.

4-го числа армия расположилась не доходя 5 верст до г. Красного, а авангард, встретившись опять с неприятелем, наиболее кавалериею, под командою генерал-лейтенанта Уварова поразил оною. При сем случае отбиты знамена, пушки и много пленных, между коими один генерал.

5-го числа вся армия двинулась на поражение неприятеля. <...>²⁰

Несомненный интерес представляет также письмо Александра I к М.И. Кутузову, направленное из Полоцка, от 9 декабря 1812 г., в котором он сообщает о предстоящем приезде в Вильну и почестях, ожидающих фельдмаршала:

«Князь Михаил Ларионович!

Завтра я прибуду в Вильну к вечеру. Я желаю, чтобы никакой встречи мне не было. Зима, усталость войск и собственное мое одеяние, ехав день и ночь в открытых санях, делают оную для всех отяго-

нительно. С нетерпением ожидаю я свидания с Вами, дабы изъяснить Вам лично, сколь новые заслуги, оказанные Вами Отечеству и, можно прибавить, – Европе целой, усилили во мне уважение, которое всегда к Вам имел. Пребываю навсегда Вам доброжелательным.

Александр»²¹

Встреча императора с Кутузовым произошла вечером 11 декабря (накануне дня рождения Александра I). Главнокомандующий русской армией был награжден орденом Св. Георгия первой степени и стал первым в российской истории полным георгиевским кавалером²².

До недавнего времени не было введено в научный и читательский оборот крайне любопытное секретное письмо от 7 ноября 1812 г. адмирала П.В. Чичагова к генералу А.Ф. Ланжерону о необходимости поимки Наполеона, в котором содержалось кроме прочего указание примет Бонапарта²³:

«Господину генералу от инфантерии Графу Ланжерону²⁴.

Наполеоновская армия в бегстве. Виножник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Почему желаю я, чтобы приметы сего человека были всем известны. Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные. Для вящей же надежности ловите и приводите ко мне всех малорослых. Я не говорю о наградах за сего пленника. Известные щедроты монарха нашего за сие ответственуют.

П. Чичагов»

Подтекст описываемых событий следующий: заняв в начале ноября 1812 г. Минск, Чичагов резко ограничил возможные пути отступления французской армии. Наполеон оказался под угрозой окружения в районе переправы через Березину. Вероятно, Чичагов был уверен в неизбежном разгроме французской армии при Березине, почему и счел необходимым объявить его в розыск. Наполеон почувствовал, что ему готовят западню, и нанес упреждающий удар. Корпус маршала Удино выбил арьергард армии Чичагова из Борисова. Мечтавший поймать Наполеона, Чичагов едва сам не попал в плен. По свидетельству Ф.Ф. Вигеля, неудача Чичагова вызвала негодование в обществе: «Все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его неискусство, и Крылов написал басню о пирожнике, который берется шить сапоги, т.е. о моряке, начальствующем над сухопутным войском»²⁵. Ф.Ф. Вигель, как можно догадаться, имеет здесь в виду басню «Щука и кот», напечатанную в «Чтении в Беседе любителей русского слова» (1813. Ч. XIII. С. 92–93).

Среди других автографов Пушкинского Дома, имеющих отношение к войне 1812 года, – частные письма Александра I, но также и Наполеона (например, письмо к императрице Марии-Луизе июля – августа 1812 г.). А с другой стороны, это тексты квазифольклорного характера: «Песня петербургских жителей на отъезд царицы-матушки к царю-батюшке 19-го дня 1813 года», «Песнь русскому царю "Прими побед венец..." на голос английской народной песни "Боже! Спаси царя"», солдатская песня «Шут на острове родился», эпиграмма с акростихом «Наполеон» в списке начала XIX в., текст которой мы и приводим ниже:

*Наглый трона похититель,
Алчный света разоритель,
Пронырством счастливый злодей,
Он враг закона и людей,
Лукавый льстец,
Ехидный изверг и подлец,
Оружие его не храбрость, а обман,
Наказан будет как варвар и тиран.
Если сущность сих стихов знать хотите,
То начальные слова прочтите²⁶.*

1812 год – значительная страница не только в истории России, но и в истории русской литературы. В Пушкинском Доме хранится также и немалое количество рукописей, содержащих поэтические отклики на Отечественную войну. Помимо известных стихов Г.Р. Державина («Багратиону»), А.С. Пушкина («Воспоминания в Царском Селе», «На смерть Наполеона», «Наполеон»²⁷, «Перед гробницею святой...»), черновые строфы XXXVII–XXXVIII «Евгения Онегина», «Полководец» и др.), М.Ю. Лермонтова («Наполеон», «Эпитафия Наполеона», «Поле Бородина» – ранняя редакция известного стихотворения) мы находим корпус текстов, которые, будучи распылены по разным, в том числе и малодоступным в настоящее время изданиям, складываются, однако, в грандиозную патриотическую поэму. Среди них – стихотворение В.В. Капниста («Видение плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня»), сохранившееся в черновом и беловом варианте (в черновике поэма озаглавлена «Плач над Москвой») и датированное 28 октября – 18 декабря 1812 г.²⁸ Поэма начинается с горестного описания московского пожара:

*Как грохот грома удаленна,
Несется горестно молва:
Среди развалин погребена,
Покрылась пепелом Москва!
Дымятся теремы, святыни,
До облак взорваны твердыни,
Ниспадиши грудами лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! Погиб на веки
Первопрестольный Россос град!*

Автору поэмы во сне из недр земли является призрак патриарха Гермогена²⁹. Взирая на дымящиеся здания сожженной Москвы, Гермоген произносит обличительный монолог. По его мнению, причиной всех бед русского народа являются не столько внешние враги – поляки и французы, – сколько правящие сословия, раз за разом приводящие Россию к военной катастрофе: «...за то карает Бог Москву чужим бичом». Но «неистовый гордец», «бич вселенная, Москвы опустошитель» повсюду «народну месть встречает», и посему его поражение неизбежно. Патриарх предсказывает «России торжество, врагов ее паденье». Прикоснувшись жезлом к челу поэта, Гермоген исчезает. В заключительных строках поэмы звучит авторский голос, выражающий надежду на скорое возрождение столицы:

*Пожаров след да истребится,
И аки феникс возродится
Из пепла своего Москва!*

При жизни поэта произведение не было напечатано из-за его обличительной направленности. Капнист посылал поэму на отзыв Г.Р. Державину, президенту Российской академии А.С. Шишкову и даже императрице Елизавете Алексеевне. Отзывы были весьма благосклонные, но впервые поэму опубликовали только спустя 100 лет³⁰.

Сюжет Отечественной войны 1812 года является лишь частью значительно более обширной темы противостояния России и Франции в первых двух десятилетиях XIX в. В изучении этого наследия до сих пор имеются белые пятна, и тема эта еще ждет своих исследователей.

¹ Строка из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

² «Отчизну обняла кровавая забота...» Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома / Сост. Г.В. Маркелов. СПб., 2012. В заглавии альбома использована строка из незаконченного

стихотворения Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» («Воспоминаньями смущенный...») 1829 г.

³ ИРЛИ. Ф. 253. № 11. Раевский Николай Николаевич (1771–1829) – генерал от кавалерии. Командуя русскими войсками в сражении под Салтановкой, обеспечил отход армии Багратиона, чем сорвал план Наполеона взять с ходу Смоленск.

⁴ Русская старина. 1897. № 6. С. 467.

⁵ Цит. по копии рапорта Н.Н. Раевского, сохранившейся среди писем Н.Н. Раевского. ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. № 4. Л. 38.

⁶ Жуковский В.А. Стихотворения. Л., 1956. С. 115.

⁷ Имеется в виду Барколабовский Вознесенский женский монастырь Старо-буховского уезда Могилевской губернии, основанный в 1623 г. В его соборном храме хранилась чудотворная икона Богоматери.

⁸ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – граф, в 1812 г. генерал-майор, командир сводной гренадерской дивизии в армии Багратиона.

⁹ Цидула – письменное распоряжение, уведомление.

¹⁰ Краснов Иван Козьмич (1752–1812) – генерал-майор, атаман Бугского казачьего войска. В 1812 г. в составе 2-й Западной армии командовал девятью донскими казачьими полками и отличился с ними в боях при Поречье, под Романовом и Смоленском. Умер от ран, полученных в арьергардном бою у Колоцкого монастыря накануне Бородинского сражения.

¹¹ Платов Матвей Иванович (1751–1818) – генерал от кавалерии. Прикрывал движение войск Багратиона после боя при Салтановке. После соединения армии у Смоленска встал во главе общего арьергарда.

¹² Городок Быхов был знаменит чудотворной иконой Барколабовской Божией Матери, подаренной местному православному монастырю в 1659 г. князем Пожарским, возвращавшимся с войсками в Россию из Литвы (см. примеч. 7). Существует легенда, что икона была спрятана в военном обозе. Когда отряд князя проходил мимо монастыря, «образ стал недвижим» и никакие усилия не смогли сдвинуть его с места. Пожарский понял, что образ желает остаться в монастыре, и передал его игуменье Фотинии Киркоровне. На поклонение образу в Барколабовский монастырь стекались паломники не только православного вероисповедания, но и униаты и католики. Образ прославился чудесами во время Северной войны и войны 1812 года.

¹³ От фр. secours – помощь, поддержка.

¹⁴ Карпов Аким Акимович (1762, 1764 или 1767 – 1837) – генерал-майор, командир Донского казачьего отряда 2-й Западной армии.

¹⁵ Кудашев Николай Данилович (1784–1813) – князь, полковник, зять М.И. Кутузова.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду ракитник – заросли деревьев и кустарника семейства ивовых, растущих обычно по берегам рек.

¹⁷ Цит. по: Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 170.

¹⁸ Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826) – граф, генерал от кавалерии. В начале Отечественной войны состоял при императоре Александре I. Позднее был назначен начальником Главного штаба армии М.И. Кутузова, участвовал в Бородинском и Тарутинском сражениях.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 358. Оп. 1. № 2. Л. 19 (337).

²⁰ Там же. Ф. 884. Л. 5.

²¹ Там же. Ф. 358. Оп. 1. № 73. Л. 23.

²² Следует уточнить, что полными георгиевскими кавалерами считались лица, имевшие все четыре степени ордена; имевшие первую степень, но не имевшие низших, полными кавалерами не являлись.

²³ ИРЛИ. Ф. 884. Л. 7.

²⁴ Ланжерон Александр Федорович (1763–1831) – граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал 1-м корпусом Дунайской армии адмирала П.В. Чичагова.

²⁵ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2001. С. 314.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 3. № 49. Л. 1.

²⁷ Последние два произведения представляют собой последовательные редакции одного стихотворения.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 122. № 9.

²⁹ Гермоген – московский патриарх периода Смутного времени, активно выступавший против польских интервентов и замученный ими в феврале 1612 г.

³⁰ Опул.: Русский библиофил. 1912. № 5; Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1912. Т. 17. Кн. 4. С. 93–109.

С.А. Малышкин

Документы Московского ополчения 1812 года в собрании Российской национальной библиотеки

Московское ополчение и Отечественная война 1812 года – тема хорошо известная в российской историографии. Практически нет ни одной крупной работы по истории Двенадцатого года, в которой не упоминалось о действиях ополченцев на полях войны. Эта традиция была заложена еще первыми историками, такими как, например, А.И. Михайловский-Данилевский. В своем капитальном труде он, в частности, посвятил ополченцам отдельную главу¹. Немало упоминаний можно встретить в тексте его исследования и о Московском ополчении. С тех пор традиция включать в труды разделы об ополченцах стала постоянной. Готовясь к столетнему юбилею 1812 года, отечественные историки, конечно, не могли обойти своим вниманием действия Московского ополчения. Но в преддверии торжеств они обратились уже к целенаправленному сбору документального материала. Результатом подобного скрупулезного исследования российских архивов явился выход работ известного военного историка и публикатора В.Р. Апухтина. Именно он стал тем первым исследователем, кто специально занялся публикацией документов по ополчениям, в том числе и по истории Московской военной силы². Но наиболее крупной работой по истории ополчения Москвы и Подмосковья явилась, несомненно, работа Л.М. Савелова³. Огромное количество документов, впервые опубликованных в исследовании, сделали этот труд одним из ценнейших источников. История Московского ополчения нашла свое отражение в статье и наиболее известного дореволюционного военного архивиста Н.П. Поликарпова⁴. Именно в богатом документальном фундаменте статьи кроется обоснованность выводов автора.

В советский период изучения Отечественной войны 1812 года среди специально посвященной Московскому ополчению литературы, в частности, можно выделить кандидатскую диссертацию П.Я. Алешкина⁵. Защищенная еще в далеком 1950 г., она, конечно, устарела с точки зрения взглядов и выводов автора. Но фактологический материал, включенный в работу, привлекает к себе внимание и поныне. Историк

был первым, кто использовал при изучении истории московских ополченцев документы не одного архива, а трех: ЦГВИА, ЦГИАЛ и Московского областного исторического архива. Это позволило нарисовать наиболее полную картину, по сравнению с ранее вышедшими исследованиями по данной теме.

Большую роль в изучении судьбы Московского ополчения сыграли и обобщающее исследование В. Бабкина, и сборник документов, вышедший к 150-летнему юбилею войны⁶. Но уже к этому времени стало понятно, что обобщающие работы не приносят новых результатов, а их авторы повторяют хорошо известные факты, имена, цифры. В этом отношении определенным прорывом явилась статья П.М. Володина, который обратился к частному вопросу⁷. С тех пор определилось новое, достаточно перспективное направление в исследовании судьбы Московского ополчения, когда авторы рассматривают отдельные стороны, детали его истории. В качестве примера достаточно обратиться к статьям М.Ф. Прохорова, В.Н. Федорова, Н.В. Самовер. Именно в докладе последнего автора впервые были приведены ссылки на документы Московского ополчения, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁸.

Вместе с тем необходимо отметить, что на сегодняшний день архива Московского ополчения в полном объеме не найдено в российских архивохранилищах. Материалы, хранящиеся в РГВИА, – это документы ряда департаментов Военного министерства, касающиеся различных вопросов деятельности ополчения. В фонде Барклая де Толли в том же архиве находятся присланные в штаб русской армии отдельные рапорты, предписания и другие официальные документы. В Центральном историческом архиве Москвы хранятся материалы по формированию ополчения. Эти документы хорошо известны исследователям, и не раз на них делались ссылки в научных работах. Именно поэтому выявление в РНБ документов самого ополчения представляет значительный интерес.

Эти материалы хранятся в личном фонде известного историка и архивиста Константина Федоровича Калайдовича (Ф. 328). Не касаясь всей его биографии, следует обратиться к событиям, связанным с Отечественной войной 1812 года. Из формулярного списка Константина Федоровича следует, что он поступил 30 июля 1812 г. в 5-й пеший полк Московского ополчения, который формировался в Коломне. В это время Калайдович являлся «кандидатом» Московского университета, при поступлении на службу он был переименован в подпоручики и назначен командиром 2-й сотни. Вместе с полком совершил «поход» от Коломны до Можайска, участвовал в ряде сражений, в том числе при Бородине. Затем отступал с армией к столице. 31 августа «по раскасировании одного полка» поступил в Нижегородский пехотный полк,

с которым «по собственному желанию» был в стрелках под Чириковым 17 сентября 1812 г. Как известно, из-за больших потерь офицерского состава в Бородинском сражении М.И. Кутузов приказом по армии предложил ополченческим офицерам перейти в войска. Но в ополчение поступали люди, которые или не могли служить в войсках, или видели себя не военными, а исключительно гражданскими лицами. Многие из них рассматривали свою службу как временную, чтобы изгнать и уничтожить вторгшегося неприятеля, а затем снова вернуться к мирному порядку жизни. Не только Калайдович, но и многие другие добровольцы Двенадцатого года не намеревались менять свой образ жизни и готовы были жертвовать собой лишь на время войны. Именно поэтому он снова вернулся в состав Московского ополчения, в 8-й пеший полк, не захотев поступать на службу в армию. Участвовал в составе полка в сражении при Тарутине, а 12 октября – под Малоярославцем. Закончил войну в Орше, куда дошел его полк⁹.

В личных материалах Калайдовича сохранился его рапорт от 1 июня 1813 г. командиру полка – коллежскому асессору Карачарову. «По слабости моего здоровья, – писал Калайдович, – не могу я командовать вверенным мне 3-м батальоном»¹⁰. В делах его личного фонда хранится изготовленная типографским способом грамота от главнокомандующего Московской военной силой графа Моркова на имя подпоручика Калайдовича. Датирована грамота 14 декабря 1814 г. и извещает о награждении Константина Федоровича медалью по указу императора Александра I от 22 декабря 1813 г. за участие в войне. Любопытно типографское написание в грамоте фамилии начальника ополчения – «Морков». Принимая во внимание, что грамота подписана самим Ираклием Ивановичем, можно смело утверждать, что встречающееся в современных научных трудах написание его фамилии как «Марков» не совсем правильно. В июле 1813 г., после возвращения оставшихся частей в Москву и окончательного роспуска ополчения, К.Ф. Калайдович получил отставку. Видимо, в это время, когда сдавались дела ополчения в архив, писались всевозможные отчеты, рапорты о награждениях за минувшие сражения, часть документов и оказалась в руках историка.

На сегодняшний день эти материалы занимают незначительную часть его личного фонда. Это дела с № 4 по № 17. Основная масса дел (№ 4, 5, 9–17) – это документы полков ополчения. Имеется одно дело секретных документов по ополчению, и два дела составляют рапорты командиров полков начальникам ополчения В.Н. Чичерину и И.И. Моркову. За исключением трех дел, остальные материалы еще не известны широкому читателю. Попытаемся их вкратце охарактеризовать.

Дело № 4 – «Список Московского ополчения 1-го пехотного полка господам штаб- и обер-офицерам. Декабря 7-го дня 1812 года. Борисов» –

было полностью опубликовано и подробно прокомментировано исследователем Н.В. Самовер в ее вышеуказанной статье¹¹. Дело № 5 было сформировано еще 1 июня 1813 г. и озаглавлено как «Формулярный список Московского ополчения 1-го пехотного полка». Точнее говоря, здесь находятся не формулярные списки офицеров, а единый список офицерского состава с краткими сведениями о каждом. Несмотря на сжатую информацию, по этому списку можно сориентироваться в судьбе каждого ополченческого офицера. Дело № 6 представляет собой «Книгу исходящих секретных бумаг». Здесь записаны тексты всего лишь двух документов. Но один из них чрезвычайно интересен. 16 августа командиру 5-го пешего полка графу Санти предписывалось немедленно «исключить со службы» крестьянина графа Шереметева – Никиту Максимова за дерзкие слова «против особы государя императора». В тексте даже не приводятся те «дерзкие» слова, что были произнесены ополченцем в адрес Александра Павловича. Но в одном из документов другого дела сохранился рапорт генерал-майора Санти, в котором подробно рассказывается об этом случае. 13 августа поступивший в ополчение крестьянин графа Шереметева из деревни Ореховой Коломенского уезда Никита Максимов произнес против особы его императорского величества «дерзкие слова, объявив, что государя не знает, потому что он антихрист». Крестьянин немедленно был арестован и отправлен к местному предводителю дворянства. На документе сохранилась резолюция Чичерина: «Принять другого, а графу подать записку»¹².

Но этот случай оказался не первым. Подобное произошло и ранее, и также в полку графа Санти. 9 августа граф рапортовал Чичерину, что крестьянин действительного камергера М.А. Долгорукого из села Коледина Леонтий Никитин заявил в присутствии всего приема ополченцев, «что он государю не слуга, потому что есть раб Божий». Но, тем не менее, крестьянин был взят в ополченцы. А когда колонна двинулась в поход, крестьянин стал креститься «раскольническим крестом» и заявил в лицо графу Санти, что «государя не признает, потому что он неверный». Немедленно Никитина отправили в полицию, чтобы он не смущал других ополченцев. На место прибыл уездный предводитель дворянства князь Гагарин, который известил Санти, что на подобный случай у него уже есть секретное предписание от графа Ф.В. Ростопчина¹³. Можно еще раз поразиться предусмотрительности и прозорливости московского губернатора!

Дело № 7 было еще в 1812 г. озаглавлено как «Собрание получаемым бумагам по комиссариатской части». Любопытно сделанное чиновником делопроизводства ополчения примечание: «Открытие стола августа 14-го дня 1812». Это были явно не 1-й и не 2-й Комитеты

по формированию ополчения. Более того, документы, лежащие в деле, получены в ополчении еще 31 июля 1812 г. и направлены на имя В.Н. Чичерина, который исполнял обязанности командира московских ополченцев до прибытия графа И.И. Моркова. Напомним, что Василий Николаевич – отец хорошо известного в историографии Двенадцатого года автора дневника – Александра Чичерина. Судя по всему, документы самого различного содержания направлялись на имя Чичерина и уже впоследствии, начиная с 14 августа, с момента формирования специального комиссариатского стола, стали заноситься в отдельный журнал. По крайней мере, на каждом документе имеется помета, под каким номером и какого числа та или иная бумага занесена в комиссариатскую книгу. Судя по исходящим номерам от отправителей, переписка была достаточно обширной. Но, к сожалению, до наших дней дошли лишь незначительные ее фрагменты. В этом же деле хранится небольшая пачка документов в отдельной обложке. На ней написано: «Собрание получаемым бумагам по Провиантской части. Открытие стола августа 14-го дня 1812». Но и здесь первые документы относятся к 3 августа 1812 г. Таким образом, можно сделать вывод, что в Московском ополчении были, по крайней мере, два стола: по комиссариатской и провиантской части. В тексте рапортов командиров полков на имя Чичерина, а затем Моркова можно встретить упоминание, что в ополчении существовала канцелярия при начальнике ополчения и дежурство. Но кто в них входил, кто возглавлял – сейчас сказать затруднительно.

Из всех материалов архивного фонда К.Ф. Калайдовича наибольший интерес, несомненно, представляют дела, сформированные из документов полков. К сожалению, полкового делопроизводства до наших дней ни в РГВИА, ни в ЦИАМ не обнаружено. Конечно, надо отдавать отчет, что сохранившиеся дела не содержат полного состава документов. Но, тем не менее, они проливают свет на историю формирования частей и их дальнейшую судьбу.

В первую очередь это касается численности полков на момент отправления их в поход из мест формирования к Можайску. Именно по этому вопросу ведутся постоянные споры исследователей. В документах фонда Калайдовича имеются рапорты командиров полков с указанием точного числа воинов на 14–16 августа 1812 г., когда воины отправились к русской армии, отступавшей к селу Бородино. Необходимо отметить, что в абсолютном большинстве научных работ, посвященных Московскому ополчению, не указываются имена и отчества командиров полков. Отсюда – встречающиеся ошибки, а иногда и элементарная путаница. Особенно это характерно для судьбы командира 3-го пешего полка генерал-майора Свечина. Это одна

из самых загадочных личностей Московского ополчения. В имеющейся научной литературе при всей неясности биографий командиров полков имя Свечина выделяется на общем фоне. Его иногда именуют «М.М. Свечин», но чаще всего указывают без инициалов. События, связанные с именем другого командира полка – Н.П. Свечина, приписывают ему, но нередко их военные биографии в 1812 г. соединяют вместе. Лишь в списках «воинов Московского ополчения», хранящихся в материалах Инспекторского департамента Военного министерства, впервые удалось найти указание на имя и отчество генерала. В перечне ополченцев, поступивших в Богородск, на полях документа было указано, что все они зачислены в 3-й казачий полк к «генерал-майору Алексею Сергеевичу Свечину»¹⁴. Это тем более важно, что в научных публикациях полки ополченцев, которыми командовали Свечины, перепутаны между собой из-за идентичности фамилий командиров.

Большие споры вызывает в среде музейных работников и знатоков истории Двенадцатого года вопрос о распределении воинов Московского ополчения по корпусам русской армии накануне и после Бородинского сражения. В документах К.Ф. Калайдовича имеются подробные ведомости об этом распределении по ряду полков. Это касается пеших полков – 2, 3, 7-го, а также 1-го и 3-го егерских. Следует подчеркнуть, что в тех полках, которыми командовали офицеры, прошедшие строгую службу, сохранились даже квитанции на сдачу воинов в армейские корпуса. Так, например, плац-адъютант Павла I А.В. Аргаматов, в Московском ополчении 1812 г. он являлся командиром 1-го егерского полка, потребовал квитанции о принятии ополченцев от командира 7-го пехотного корпуса Н.Н. Раевского (они сохранились в подлиннике, с его личной печатью) и от майора Тихановского из 8-го пехотного корпуса. Процесс передачи ополченцев был довольно долгим и завершился в 20-х числах сентября уже в Тарутинском лагере.

Общеизвестно, что в день Бородинской битвы значительная часть Московского ополчения сражалась на левом русском фланге, у деревни Утицы. Но именно в рапорте командира 1-го пешего полка подполковника Н.П. Свечина сообщается, что он в день Бородинской битвы вечером, после 6 часов, с пятью батальонами был отряжен на правый фланг – в команду генерала Капцевича, «где и находился до окончания сражения, и до двух часов пополуночи»¹⁵. Более того, выясняется, что не все полки ополчения были раскассированы по армейским частям. В 3-м корпусе в бригаду под командованием полковника Боборыкина были сведены 1-й пеший, 2-й и 3-й егерские полки. Именно они участвовали в сражении за Малоярославец. Свечин указывает в одном из рапортов, что все три полка стояли во 2-й линии 3-го пехотного корпуса между 1-й гренадерской дивизией и гвардейским корпусом.

В это же время батальон полка под командованием штабс-капитана Громацкого был командирован на левый фланг русской армии, где прикрывал артиллерийскую батарею. После Малоярославца бригаду возглавил Свечин, который и довел ее до Борисова. Здесь завершился боевой путь Московского ополчения.

Несомненно, документы Московского ополчения, сохранившиеся в фонде К.Ф. Калайдовича, вместе с уже введенными в научный оборот архивными материалами РГВИА и ЦИАМ в значительной степени помогут окончательно решить вопрос о численности ополчения, его участии в Бородинской битве и последующей судьбе отдельных полков. Подобное предстоящее исследование возможно при тесном сотрудничестве как архивистов, так и исследователей. В связи с этим хотелось бы выразить глубокую признательность работникам РО РНБ и персонально кандидату исторических наук А.И. Сапожникову, без доброжелательной помощи которых был бы невозможен поиск документов ополчения.

¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 164–175.

² В.Р. Алухтин как публикатор документов о войне 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники, памятки, проблемы. Мат-лы Всероссийской научной конференции. Бородино, 4–6 сентября 2000 г. М., 2001. С. 173–177.

³ Савелов Л.М. Московское дворянство в 1812 году. М., 1912.

⁴ Поликарпов Н. Состав и роль Московского ополчения в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. // Тысяча восемьсот двенадцатый год. М., 1912. № 8. С. 296–298.

⁵ Алешкин П.Я. Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1950.

⁶ Бабкин В. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док-тов. М., 1962.

⁷ Володин П.М. О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72. С. 246–258.

⁸ Самовер Н.В. «Русские крестоносцы». 1-й пехотный полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Мат-лы II научной конференции. Музей-панорама «Бородинская битва». М., 1999. С. 111–153.

⁹ РО РНБ. Ф. 328. Д. 2.

¹⁰ Там же. Д. 1. Л. 11.

¹¹ Самовер Н.В. «Русские крестоносцы». С. 125–133.

¹² РО РНБ. Ф. 328. Д. 7. Л. 14.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 311/240. Д. 48. Л. 163–166.

¹⁵ Там же. Д. 12. Л. 7.

С.В. Шведов

Западня для Наполеона

В центре событий Отечественной войны 1812 года стояла Москва. Перелом в ходе войны произошел после оставления ее русскими войсками, катастрофического пожара в ней и безрезультатного ожидания Наполеоном ответа на предложение почетного мира. Ей был уготован «чудный жребий». Не после Бородино, а именно после оставления первопрестольной столицы, еще во время тарутинского марш-маневра русской армии, повсеместно возникло убеждение, что враг попал в ловушку¹.

Когда и кто фактически подготовил в Москве западню для Наполеона?

Император Александр I уже в 1804 г. хорошо понимал, что главная опасность заключалась в том, что впереди армии Наполеона идет призрак революционной смуты и ниспровержения старых порядков, а значит, война с ним неизбежна². Отсюда вытекает предположение о неизбежности рано или поздно сражаться с ним на полях России. В секретном циркуляре министра внутренних дел В. Кочубея от 17 декабря 1806 г. (здесь и далее все даты по старому стилю) в адрес губернаторов в связи с началом кампании 1806–1807 гг. разъяснялось по поводу создаваемых ополчений следующее: «Цель сего вооружения есть иметь в готовности сильный отпор против такого неприятеля, который приобвык, пользуясь своим счастьем, действовать не одною силою оружия, но и всеми способами обольщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старался, прежде всего, ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев»³.

Головной болью для Наполеона был военно-морской флот Британии, который уже в 1793 г. установил блокаду всех портов Франции, продолжавшуюся с некоторым перерывом до 1814 г. В 1806–1814 гг. британцы распространили блокаду на порты вынужденных союзников Наполеона. В ответ Наполеон объявил континентальную блокаду Англии, запретив вход в порты подвластных ему стран британских торговых кораблей и ввоз ее промышленных и колониальных

товаров судами нейтральных стран. Однако пользовавшиеся спросом английские товары находили пути к потребителю благодаря судам нейтральных стран и контрабандистам. Поэтому 12-миллионная Британия не испытывала серьезного кризиса и выступала организатором и кредитором стран антинаполеоновских коалиций. Доходы Англии позволяли ей содержать не только собственный огромный военный флот и 100-тысячную армию, но и частично оплачивать содержание армий союзников. В течение 1805–1812 гг. армия Наполеона металась по всей Европе, чтобы принудить очередную страну следовать жестким правилам континентальной блокады.

Между тем Россия, разгромив в начале XVIII в. крупнейшего полководца, короля Швеции Карла XII, продемонстрировала всей Европе, что она стала сильной военной державой. Тогда, в ходе Северной войны, руководство России в лице Петра I и А.Д. Меншикова приняло так называемый «жолкиевский план», по которому русская армия на первом этапе должна была, не вступая в генеральное сражение, отходить и одновременно «оголаживать» шведскую армию путем уничтожения или укрытия запасов провианта и фуража. После годичного уклонения от генерального сражения под Полтавой произошел разгром значительно ослабленной армии Карла XII. К сожалению, спустя 100 лет большинство русских генералов прочно забыло «жолкиевский план» Петра I, а продуманное отступление Барклая де Толли называли «немецкой тактикой».

Александр I, заключая в Тильзите союз с Наполеоном против Британии, получил возможность исподволь подготовиться к неизбежному столкновению с французской армией, но не на границе, а в глубине собственной территории, с использованием тактики народной войны. Согласно одному из постулатов Н. Макиавелли, «лисы побеждают львов». «Хитрец, – говорил К. Клаузевиц, – вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые представляют последнему дело не в настоящем виде и толкают его на ложный путь»⁴. По мнению многих историков, Александр I продемонстрировал незаурядное мастерство в «византийской» дипломатии.

Так, получив свободу действий в Молдавии и Финляндии, он в трудную минуту ничем не помог Наполеону в войне 1809 г. с Австрией. Обещал, но не выдал за него свою сестру. Уличал Наполеона в замысле восстановить Польшу как государство, а сам в начале 1811 г. намекал, что согласится в обмен утраченного его родственниками Ольденбургского герцогства получить корону польского королевства⁵. Думая о схватке, он говорил о своем стремлении к миру. Готовил всеобщее восстание в Европе в 1812 г., но не спешил давать твердых обещаний монархам Пруссии и Австрии выдвинуть 200 тысяч войска на Одер и делал ставку на боевые действия в глубине своей территории.

Наполеон больше года откладывал свой поход в Россию, понимая ее стратегические преимущества. Но Александр развил бурную деятельность по созданию новой коалиции с Пруссией, Швецией и Австрией. Каждый из союзников одновременно вел свои переговоры с Наполеоном и намеревался в любом случае округлить свои владения. Переступив границу России, Наполеон, так же как до него Карл XII, сделал самый важный шаг на пути к своей гибели.

То, что Россия победит Наполеона, если война будет не политической (за те или иные выгоды), а национальной, одним из первых (в 1807 г.) осознал император Александр. Если невозможно разбить противника в генеральном сражении, то надо сначала истощить его силы. Для этого необходимо, прежде всего, лишить его возможности пользоваться ресурсами местности, привлечь на свою сторону население, запугивая его грабежами, насилиями над женами и дочерьми, надругательствами над церквями.

Военный министр М.Б. Барклай де Толли и император Александр в разработанном ими в 1810 г. плане войны указали: «Не можно ожидать, чтобы неприятель отважился действовать на центр, но в таком случае резервная армия, отступая медленно, старается ввести [противника] за собой вовнутрь края, дабы фланговые армии вернее могли окружить его, отрезать от продовольствия и истребить его силы»⁶. Поскольку единственным духовным и материальным центром страны была Москва, моральный подъем всей нации мог возникнуть лишь при перенесении войны в центр государства, в Москву.

В наличии такого плана император Александр признался 22 августа 1812 г. своему доверенному лицу, И.А. Эренстрему, являвшемуся в 1812 г. мэром Гельсингфорса: «Надобно было сильно заинтересовать народ в войне, показав ее русским, по прошествии 100 с лишком лет, впервые вблизи у них на родине»⁷. Существовала еще и такая причина обращения к народу, о которой нельзя было сказать ни дворянам, ни высшему руководству страны и армии, – желание подавления с помощью народа фронды внутри правящего класса, критикующей все нововведения царя. Такова была главная причина избрания оборонительной стратегии. Вовлечение широких масс в народную войну заставляло дворян сдерживать критические высказывания против своего императора и его министров.

Александр I подписал 6 июля 1812 г. два манифеста: один – ко всем сословиям, другой – к жителям Москвы. Он предупреждал всех россиян, что враг, вероятно, приблизится к Москве и необходимо выдать часть холодного и огнестрельного оружия народу, чтобы бороться с врагом всеми доступными способами. Секретный циркуляр

Министерства внутренних дел губернаторам, предназначенный только помещикам и собственникам, был копией циркуляра 1806 г.⁸

В пропаганде тезиса народной войны императору Александру очень помог писатель-патриот С.Н. Глинка. Его речь звучала 15 июля 1812 г. в кулуарах и в зале заседания Дворянского собрания, вызвав острую полемику: «Едва вырвалось из уст моих это роковое слово («Москва будет сдана». – С.Ш.), некоторые из вельмож и превосходительных привстали. Одни кричали: “Кто вам это сказал?” Другие спрашивали: “Почему вы это знаете?” Не смущаясь духом, я продолжал: “Милостивые государи! Во-первых, от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного неприятеля. Во-вторых, из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию. В-третьих (и дай Бог, чтобы сбылись мои слова), сдача Москвы будет спасением России и Европы”⁹.

Здесь необходимо отметить важную деталь, что С.Н. Глинка в Москве, а также проезжие офицеры на ярмарке в Харькове¹⁰ лучше знали об отсутствии восточных и выгодных позиций, чем генералы 1-й и 2-й армий, собравшиеся на военный совет в Смоленске 27 июля.

Три дня С.Н. Глинка ждал ареста. Но вместо наказания за распространение клеветнических домыслов царь приказал ему через Ф.В. Ростопчина разговаривать с народом на улицах на данную тему. Интересно сравнить этот случай с делом купеческого сына Верещагина, который прочитал в немецкой газете речь Наполеона перед князьями Рейнского союза о том, что через полгода он будет в обеих столицах России. Если Верещагин был объявлен государственным преступником, то С.Н. Глинке, примерно за те же слова о сдаче Москвы, был развязан язык и пожалован орден Св. Владимира 4-й степени.

Однако на пути реализации плана народной войны в глубине страны с целью не выпустить Наполеона из России, существовала преграда, которую правильно подметил С.М. Соловьев: отход в глубь страны являлся необходимой предпосылкой возникновения народной войны, но «войско, которое отступает, падает духом, а народ видит тут уклонение войска от самой существенной своей обязанности, начинает скорбеть и роптать... Это негативное отношение войска и народа к системе отступления составляет самую печальную сторону войны 1812 года»¹¹. То же написал в своем историко-психологическом очерке Г.И. Чулков: «Ни солдаты, ни полководцы не хотели отступления, обманом их понуждали отступать, почему армия и не теряла мужества. Все-таки работал подсознательный инстинкт, сражаясь, уходит все дальше в глубь страны»¹².

Перед отъездом в армию либеральный правитель России наступил на горло своей песне, отправил в ссылку М. Сперанского, а главно-

командующего в Москве престарелого фельдмаршала И.В. Гудовича – в отставку. Императору было важнее привлечь на свою сторону представителей консервативной бюрократии, А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина. Оба владели пером и сочиняли патриотические произведения. Последнее было крайне важно для разговора с народом.

Фактически Ф.В. Ростопчин приступил к исполнению своих обязанностей менее чем за две недели до начала войны. Как дипломат высшего уровня, он не понаслышке знал о геополитических преимуществах России в случае перенесения театра войны в глубь России. В письме царю от 11 июня он писал: «...даже если бы несчастные обстоятельства вынудят Вас решиться на отступление перед победоносным врагом, и в этом случае император России будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске»¹³. Ростопчин первый из представителей власти вступил в прямой диалог с народом. Позже царь, вопреки обвинениям московского дворянства, выразил одобрение его действиям в момент оставления Москвы.

Между тем генералам русских армий, не отвечавшим за исход войны, было просто выгодно жаловаться на якобы нерешительного М.Б. Барклая де Толли, обвинять его прилюдно в трусости, а потом и в измене.

27 июля 1812 г. М.Б. Барклай де Толли написал Ф.В. Ростопчину удивительно откровенное письмо по поводу причин, по которым не удалось соединиться 1-й и 2-й армиям. В конце письма он привел главные доводы в пользу правильности своего стратегического плана, которые по необъяснимым причинам не были опубликованы в печати до сего времени: «Нынешнее положение дел возлагает на меня обязанность следовать осторожности, не вверяя судьбу государства генеральному сражению, но изнурять неприятеля тягостной войной, стараться истреблять силы их в частных делах, неудача даже в коих еще не может быть для нас опасною, а часто повторяемый успех оных истребит целые неприятельские корпуса до того времени, когда ополчения внутри Отечества приводятся в совершенное состояние, составят вторую преграду России и когда дозволится действовать армиям. Опустошитель Европы не должен быть на время побежден, он должен в России найти свою могилу»¹⁴. Последние слова доказывают твердую решимость Барклая следовать принятому плану.

Тем временем фрондирующие генералы говорили о нерешимости и неспособности М.Б. Барклая де Толли взять на себя ответственность за последствия генерального сражения. Многие историки, в том числе современные, уверяют, что «скифский план» был придуман Барклаем после отъезда из армии для оправдания частых перемен в намеченных планах, т.е. задним числом¹⁵.

Не только массы, но и хорошо информированные люди сделали тогда самый простой вывод о причинах избегания русскими генерального сражения – наличие изменников в военном руководстве. Страшные обвинения пали не только на голову Барклая, но и императора Александра.

Барклай не владел в совершенстве секретами хитрости. Во время войны для поддержания боевого духа власти часто отвлекали внимание армии и населения обещаниями скорого сражения, но тут же высказывались причины, по которым необходимо снова отступить, а также завуалированные сомнения в надобности сражения. Данные приемы первоначально поднимали боевой дух людей, а тайный смысл, заключающийся между строк, доходил до них уже позже. Этим искусством в совершенстве владел М.И. Кутузов.

Перед главнокомандующим всеми армиями М.И. Кутузовым стояла та же задача – провести в жизнь единственно верную стратегическую линию, сохранить армию и одновременно не дать упасть ее боевому духу до наступления решительного перелома в войне и обмануть Наполеона. Накануне отъезда в армию он признался, что ничего так не желает, как обмануть Наполеона. При Бородино эта задача не могла быть решена. Ввиду близости столицы встал вопрос о еще одной жертве – Москве. Армия и жители города готовились оказать достойный отпор врагу. Ф.В. Ростопчин объявил о сборе «на трех горах» москвичей и деревенских «молодцов», открыл арсенал. Чиновник Вотчинного департамента А.Д. Бестужев-Рюмин был свидетелем этого события. «Я рано вышел из дому моего, – писал он в своем донесении, – желая посмотреть, что делается в городе, и прошел до Пресненской заставы, из которой дорога на Три Горы. Боже мой. С каким сердечным умилением взирал я на православный русский народ, моих соотечественников, которые стремились с оружием в руках, дорого от корыстолюбивых торговцев купленным; другие шли с пиками, вилами, топорами в предместье Три Горы, чтоб спасти от наступающего врага Москву, колыбель Православия и гробы праотцев, и с духом истинного патриотизма в один голос кричали: “Да здравствует батюшка наш, Александр...” Малейшая поддержка этого патриотического взрыва, и Бог знает, взшел ли бы неприятель в Москву? Народ, в числе нескольких десятков тысяч... не расходился, в ожидании графа Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все, с горестным унынием, разошлись по домам»¹⁶.

Кутузов в этот период показал себя мастером работы с окружающими его людьми. В приказах, письмах, разговорах он мог поддержать и совместить противоположные точки зрения. Каждый читал и слышал то, что хотел. Ход мыслей Наполеона, видимо, был таким же.

Была ли возможность дать отпор врагу настолько сильный, чтобы Наполеон отказался от продолжения боя и отступил? По-видимому, такая возможность была. Если бы русские войска отбили все атаки в течение первого дня и стороны оставались друг против друга еще 2–3 дня, то французские солдаты и их лошади не выдержали бы мук голода и жажды. Багратион писал Ростопчину: «Всякий день я имею пленных, и все единогласно жалуются, что нет пропитания, и даже просят, чтобы мы решились дать им баталию, и тогда они все побегут»¹⁷. Боевой дух армии Наполеона держался только на вере, что Москва – конечная цель их усилий.

В приказе по армии от 30 августа в подкрепление тезиса о гибельности для французов нового генерального сражения Кутузов добавляет мысль о тяжелом положении от недостатка в продовольствии: «...неприятель, находясь от недостатка в продовольствии в гибельном положении, конечно, предпримет дерзость нам дать сражение, которое должно решить их участь»¹⁸. Тем самым боевой дух солдат не падал и постепенно внушалась мысль, что глупо лить реки крови русских, – врага лучше истощить голодом. Далее следует критическое замечание о массовом покидании солдатами позиций во время боя: «Но как в сражении при Бородине заметил я, что рядовые при самом начале оною, в большом числе оставив свои команды, уходили назад под предлогом препровождения раненых или отзываясь, что расстреляли все патроны, отчего при малой потере, каковая оказалась при вернейшей поверке на месте, нами удержанном, оставалось весьма немного налицо». Здесь ответственность за невыполнение задачи – защитить Москву – возлагалась на армейскую массу. Приказы от 28 и 31 августа также начинались со слов о готовности войск к решительному сражению под стенами Москвы¹⁹.

Многие историки (А.Н. Попов, П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный), ссылаясь на эти мнения и распоряжения Кутузова, считали, что он действительно желал дать новое сражение под Москвой и якобы рассчитывал на 80–100 тыс. московских и подмосковных «молодцов» под предводительством Ф.В. Ростопчина. Например, Л.Л. Ивченко в монографии «Кутузов» пишет: «После неуместного “розыгрыша” со 100 тысячами “молодцов” Михаил Илларионович поддерживал с ним (Ростопчиным. – С.Ш.) разговор в соответствующем духе, не сказав ни слова правды о своих намерениях»²⁰. Уклонение М.И. Кутузова от прямого разговора с Ростопчиным Л.Л. Ивченко объясняет тем, что это «было опасно, принимая во внимание его желание “отдать город пеплу”»²¹. Получается, что М.И. Кутузов не понимал, зачем надо сжигать огромные запасы муки, фуража, обозные принадлежности, в которых так нуждались солдаты Наполеона, не знал о вооружении москвичей,

не разделял принципа русских «не доставайся врагу». Крупнейший историк Отечественной войны 1812 года А.Н. Попов, рассмотрев очень подробно версии начала московского пожара, пришел к выводу, что главную роль здесь сыграл русский народ.

Для Наполеона сдача города без нового генерального сражения была доказательством готовности высшего руководства России к мирным переговорам, с помощью которых он надеялся спасти остатки армии и свою репутацию. На самом деле, Кутузову надо было сохранить и усилить резервами армию и затянуть кампанию до наступления холодов. Незаметно он зондировал мнение многих генералов о том, что надо делать. Увидев, что Барклай и Ермолов выступают против сражения, за сближение с резервами и запасами провианта, он повел совет в Филях так, что большинство генералов согласилось наконец решить дилемму «защитить Москву или сохранить армию и тем спасти Россию» в пользу армии. Очевидно, что, учитывая множество дорог вокруг Москвы, позволяющих легко обойти позиции русских войск, и находясь в 5 верстах от города, решать вопрос, отстаивать или нет Москву, было поздно. Суть проблемы, которую решал военный совет в Филях, заключалась в том, чтобы не дать эмоциям взять верх над серьезной всесторонней оценкой положения, выяснить, сможет или не сможет русская армия и ее командование получить настолько крупные преимущества от оставления первопрестольной столицы, чтобы они перевесили неисчислимые материальные и морально-политические потери. Первым на совете выступил Барклай. Он произнес речь о невозможности сражаться на выбранной позиции, о необходимости сохранить армию, о подготовленности Александра I к пожертвованию Москвой. Ермолов писал, что «речь Барклая должна быть выбита золотыми буквами».

Основной оппонент Кутузова и Барклая, генерал Л.Л. Беннигсен резонно спрашивал, не придется ли нести ответственность перед Государем и Отечеством, на чем основана уверенность в том, что подходившие рекруты и ополчения реально усилят армию в случае нового Бородино по другую сторону Москвы, и не лучше ли использовать свой шанс сейчас. «Так как на совете говорил один Барклай де Толли, то мне пришлось опровергать его доводы, – вспоминал Беннигсен. – Я спросил, оценены ли последствия, в том числе в общественном мнении, как быть с победой при Бородино, объявленной в иностранных дворах. Где основания считать, что армия будет лучше организована после Москвы...»²². В пользу того, что это были всего лишь возражения, а не твердое неприятие, говорят его реплики о том, в каком направлении отступать. На предложение Барклая отступать по Владимирской дороге Беннигсен ответил: «...надо идти на Рязанскую (хлеб идет туда), оттуда возможен поворот на Калужскую [дорогу]». Доводы Беннигсена трудно

отмести в сторону, тем более тогда, когда никто не мог гарантировать, что Наполеон будет ожидать в Москве заключения перемирия на почетных для себя условиях до наступления холодов, что он будет терпеть угрозу своим коммуникациям со стороны Кутузова в течение месяца.

«Кутузов молча слушал суждения генералов, его окружавших, нельзя было не заметить в нем душевного волнения», – писал молодой генерал Евгений Вюртембергский²³. Командир летучего отряда, охранявшего северный фланг армии, Ф.Ф. Винценгероде доносил императору, что Кутузов ознакомил его со всеми вариантами действий, не назвав того, который он выбрал²⁴. Кутузов, видя, что оттяжка повторного сражения с Наполеоном ослабляет последнего и дает нам возможность серьезно подкрепиться за счет резервных формирований, свежих казачьих полков, транспортных обозов, гуртов скота и лошадей, не поддался соблазну рискнуть судьбой армии в новом генеральном сражении.

Понимал ли его соперник, какие бедствия обрушатся на его армию в случае задержки в Москве. Да, понимал, недаром Наполеон был так мрачен при Бородино и в последующие дни. «По словам князя Невшательского [Бертье], император был настолько склонен тогда принять предложения о мире или вступить в переговоры о них, что подумал бы еще, идти ли дальше Можайска, если бы не надежда и желание подчеркнуть свою победу именем того места, где будет заключено соглашение. В иные минуты он определенно собирался идти на Москву, пробыть там неделю и затем отойти к Смоленску. Не допуская, однако, чтобы неприятель сдал свою столицу без нового сражения... Неудачи в Испании, прискорбные результаты последней битвы всецело объясняли умеренность, которую проявлял тогда император», – пишет А. Коленкур²⁵.

Кутузов принял стратегически верное решение, понимая, что Наполеону далее Москвы идти нет смысла, что ему придется возвращаться, по возможности без позора. Чтобы он не ушел непобежденным, ненаказанным, потребовалось отдать ему богатый трофей, заманив его в ловушку. В приказе по армии от 19 октября главнокомандующий подчеркивал: «...суетность дерзкой мысли – одним занятием Москвы поколебать Россию...»²⁶. В конце кампании он признавался в листовке с официальными известиями из армии: «Результаты (кампании. – С.Ш.) соответствуют великому плану, задуманному непосредственно после Бородинского сражения, плану, которого никакие соображения не могли ни ослабить, ни изменить...»²⁷.

Прежде чем перейти к вопросу о московском пожаре, отметим, что русская армия, начав отход, показала пример уничтожения всего, что могло послужить удовлетворению нужд неприятеля. Казаки из арьергарда уничтожали дома, посева, запасы кормов, заставляли население уходить со своих мест, при этом грабили и поджигали дома. Мародеры

из обозов и госпитальных транспортов делали то же задолго до прихода врага. Отдельные жалобы, пройдя многие инстанции, достигали главнокомандующих, но искоренить мародерство было крайне сложно. То же, без всякого приказа, должно было произойти с пустой Москвой.

Историк А.Н. Попов привел ряд свидетельств подготовки москвичей к участию в борьбе с солдатами Наполеона в самом городе. Так, Н.Б. Голицын, встретившись с Ф.В. Ростопчиным в Париже, пытался узнать у него, намеревался ли он в случае проигрыша сражения под Москвой сжечь город. «Граф Ростопчин каждый раз отклонял разговор о пожаре. Но однажды он разговорился по поводу воздушного шара Леппиха: “Его приготовление... доставило бы мне средство возобновить, но в больших размерах, во время сражения под Москвою то, что было в Сарагосе. Мысль о том, что ее сдадут без выстрела, никогда не приходила мне в голову. Я не считаю себя хорошим тактиком; но мой долг состоял в том, чтобы похоронить себя под развалинами столицы и превратить ее в разрушительный ад для французских войск. Мне удалось возбудить дух московского народонаселения; с ним я многое бы сделал, если бы мне дали возможность действовать”. Десять лет после совершившихся событий граф Ростопчин говорил о своем намерении защищать Москву от французов, точно так же, как говорил в 1812 г., и с тем же мечтательным увлечением»²⁸.

Наполеоновские солдаты, терпевшие огромные лишения, вступив 2 сентября в Москву, занялись грабежом пустого города, забирая не только продовольствие, но и дорогую одежду, драгоценности и т.д. Вечером того же дня на окраинах, куда французы еще не добрались, начались пожары. Дать однозначный ответ о его причинах сейчас невозможно. Общественное мнение россиян обвиняло во всем происшедшем исключительно врагов. Пустой деревянный город не мог не сгореть. В нем остались отчаянные люди, которых Ростопчин обещал повести в бой, но не повел. Первоначально они заперлись в Арсенале, но Мюрат пушечными ядрами открыл его ворота. Документы и воспоминания с обеих сторон свидетельствуют, что в Москве случайно или намеренно остались несколько сот солдат гарнизонного полка, много воинских и полицейских чинов²⁹, которые вместе с жителями стремились поджечь те дома, где остановились французы³⁰. Пустой город, а затем пожар Москвы деморализовали французов. Все надежды Наполеона на заключение сколько-нибудь почетного мира с Россией рухнули. Он рассчитал все, кроме решимости москвичей и императора Александра вести войну, пока не останется в России ни одного солдата Наполеона.

А.Н. Попов отверг даже возможность ставить вопрос о том, кто сжег Москву: «Тот, кто имел на это право, тот, кто жег, начиная с Смоленска, все свои города, села и деревни и даже поспевавший в поле хлеб, лишь только проходили русские войска и приближался неприятель, –

русский народ в лице всех сословий и состояний, не исключая и лиц, облеченных правительственной властью, в числе которых был и граф Ростопчин»³¹.

Пожар Москвы был подвигом москвичей, который окончательно разрушил надежды Наполеона на заключение сколько-нибудь почетного мира. Попытки французов как-то наладить контакты и привлечь местное население провалились. Наполеону пришлось отказаться и от такой меры, как отмена крепостного права. Наполеон действительно попал в безвыходное положение. Можно ли допустить, что осознание данного положения пришло к нему на улицах Москвы? Наш ответ – нет! Морская блокада, начатая Великобританией еще в 1793 г., неумолимо разоряла Францию и всю Европу быстрее, чем континентальная блокада – Англию. Успех похода в Россию позволил бы лишь оттянуть развязку еще на несколько лет. Возможность развития событий по наихудшему для него варианту Наполеоном учитывалась, но после перехода границы России избежать этого уже было невозможно.

А. Жомини, характеризуя стратегические решения Наполеона, говорил, что они превзошли границы возможного: «Наполеон доказал, что он не пренебрег ни одной доступной для человека предосторожностью, чтобы организовать для себя удобный, выгодный базис. Но это доказывает также, что самые великие предприятия гибнут именно вследствие грандиозности приготовлений, предпринимаемых для обеспечения их успеха... Наполеона обвиняли также в том, что он слишком пренебрег расстояниями, трудностями всякого рода и людьми, доведя столь безумное предприятие до стен Кремля»³².

Итак, западня для Наполеона готовилась очень долго. Оказавшись без выбора, в положении, когда нет ходов, ведущих к победе, он вынужден был надеяться на его величество случай, ошибки противника, но их практически не было. От великого до смешного оказался один шаг.

Победа над Наполеоном не могла быть одержана без многолетней подготовки к кампании в глубине собственной территории, а также без удачного использования приемов политической, дипломатической и военной хитрости со стороны императора Александра I и М.И. Кутузова.

¹ Из письма дежурного генерала 1-й армии П.А. Кикина от 6 октября 1812 г.: «Война сначала столь, по-видимому безвыгодная и даже бедственная, по мнению моему, взяла совсем иной оборот, ибо потеря наша состоит в нескольких губерниях, которые по окончании военных действий неминуемо снова к нам присоединятся... Выгоды же, приобретенные сею войною, суть неисчетны: мы узнали возможность вторжения неприятеля в наши границы, чего конечно никто уже не предполагал... увидели неизчетные средства в богатствах и способах государства, утвердились в народном духе и привязанности

к отечеству, удостоверились, что народное просвещение, к благу человеческого рода филантропами проповедуемое, есть призрак...» (*Шукин П.Б.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. М., 1910. Т. 3. С. 12–13).

² Внешняя политика XIX – начала XX веков. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815. М., 1961. Т. 2. С. 146.

³ Русская старина. 1895. Сентябрь. С. 621.

⁴ *Клаузевиц К.О* войне. М., 1936. Т. 2. С. 144.

⁵ *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Ростов-на-Дону, 1995. Т. IV. С. 7.

⁶ Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1900. Т. 1. Ч. 2. С. 5.

⁷ *Шильдер Н.К.* Александр I. СПб., 1893. Т. 3. Приложение. С. 101.

⁸ Исторический вестник. 1912. № 9. С. 1117–1118.

⁹ *Глинка С.Н.* Из записок о 1812 году // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 398.

¹⁰ Записки М.И. Маракуева // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. Пожар Москвы. М., 2001. С. 24. Автор записал: «В Харькове, под конец ярмарки. Получено печальное известие о взятии неприятелем Смоленска. Бывшие в то время в Харькове военные утверждали, что Москва не устоит, что, кроме Смоленска, нет до самой Москвы такой позиции, где бы можно было с выгодой противостоять неприятелю. Все таковые рассказы только умножали всеобщее уныние».

¹¹ *Соловьев С.М.* Император Александр I. М., 1995. С. 262–263.

¹² *Чулков Г.И.* Императоры. М., 1993. С. 108.

¹³ 1812 год в воспоминаниях... С. 84.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3574. Ч. 3. Л. 4.

¹⁵ «В конце 1812 года, когда война в России шла к победоносному завершению, М.Б. Барклай де Толли создал и выпустил в публику в рукописном виде целый цикл “Оправдательных писем на имя императора Александра I”, утверждая, что отступление русских армий от западных границ производилось в соответствии с тщательно продуманным планом» (*Ивченко Л.Л.* Кутузов. М., 2012. С. 362).

¹⁶ Русский архив. 1910. № 5. С. 95–96.

¹⁷ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 104.

¹⁸ *Бородино: Документальная хроника.* М., 2004. С. 136–137.

¹⁹ Там же. С. 124, 147.

²⁰ *Ивченко Л.Л.* Указ. соч. С. 408.

²¹ Там же. С. 409.

²² *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне. Киев, 1912. С. 80.

²³ *Фельдмаршал Кутузов.* Документы, письма, воспоминания. М., 1995. С. 380.

²⁴ *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 135.

²⁵ *Коленкур Арман де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 132–133.

²⁶ М.И. Кутузов. Сб. документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 2. С. 165.

²⁷ Там же. С. 440.

²⁸ *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. Т. 2. М., 2009. С. 723.

²⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2606. Л. 1.

³⁰ *Васютинский А.М.* Французы в России: 1812 год: По воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. С. 181, 183, 193.

³¹ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 732.

³² *Жомини А.* Очерки военного искусства. Т. 1. М., 1939. С. 211.

А.А. Подмазо

Могла ли армия Кутузова не проходить через Москву?

Пожар Москвы сыграл переломную роль в настроениях воинов противоборствующих сторон. После Бородинского сражения, когда армия М.И. Кутузова смогла выдержать лобовой удар наполеоновской армии, в русских войсках был небывалый подъем. Все рвались продолжать сражение на следующий день, и известие об отступлении к Москве привело армию в недоумение. В войсках Наполеона, наоборот, после вынужденного оставления ночью занятых с таким трудом русских укреплений царило уныние. «Все потрясены и подавлены. <...> Всюду угрюмое уныние», – вспоминал лейтенант наполеоновской армии Ц. Ложье¹. Настроение захватчиков улучшилось только тогда, когда было получено известие, что русские войска оставили поле сражения. Настоящая эйфория началась при подходе к Москве, когда стали заметны золотые купола московских храмов. «В достижении этой цели мы видели конец нашим мучениям, нашей усталости и нашему странствованию: Москва была конечной целью нашего похода», – вспоминал капитан Л.Э. Лабом². Ликование наполеоновской армии, царившее при виде Москвы, отмечает в своем дневнике и лейтенант Ц. Ложье: «Прекрасная столица под лучами яркого солнца горела тысячами цветов: группы золоченых куполов, высокие колокольни, невиданные памятники. Обезумевшие от радости, хлопая в ладоши, наши, задыхаясь, кричат: “Москва! Москва!” Я не смогу, конечно, лучше и красивее выразить наше впечатление при виде этого города, как напомнив стихи Тассо <...> “У каждого как бы крылья выросли на сердце и на ногах”. <...> При имени Москвы, передаваемом из уст в уста <...> лица осветились радостью. Солдаты преобразились»³.

Совсем не радостно было в рядах русских войск, оставлявших свою древнюю столицу без боя. Г.П. Мешетич, бывший в 1812 г. подпоручиком 11-й артиллерийской бригады, вспоминал: «Россияне ощущали какое-то уныние в это время; хотя Москва не составляла их целого Отечества, но была некогда столицей оно!»⁴ И только видимые издали клубы черного дыма, поднимавшиеся над оставленной неприятелю Москвой, которую вместе с армией покинуло почти все население,

вернули в сердца русских воинов уверенность в конечной победе над врагом.

Сегодня уже не вызывает сомнений, что Москву сожгли русские, чтобы она не досталась врагу. В организации поджогов большую роль сыграл тогдашний главнокомандующий города граф Ф.В. Ростопчин, приказавший вывезти из нее все пожарные трубы (т.е. насосы для подачи воды) и выпустить на свободу арестантов, находившихся в московских тюрьмах. Московский пожар стал ударом, от которого император Франции так и не смог оправиться. Как правильно заметил секретарь Наполеона Меневаль, «сожженная пожаром Москва, казалась, давала знать, что Россия решила сопротивляться нашей армии вплоть до смерти»⁵.

Историк М. Сокольский, разбирая роль московского пожара в событиях войны 1812 года, отметил, что «никому не известно, как повернулись бы события, если бы не пожар Москвы»⁶. Пожар, по мнению автора, всё повернул против Наполеона – имя Москвы «вдруг превратилось в боевой лозунг дня». Англичанин Р. Вильсон, находившийся при русской армии, писал, что «победоносный неприятель надеялся отдохнуть среди богатств и роскоши в ожидании мира, который Бонапарт обещал своей армии еще в Смоленске. Но русские решились на такое возмездие, каковое стало более губительным по своим следствиям, нежели борьба посредством оружия. <...> Пожар столицы показал враждебность нации»⁷.

Многие современники и историки считали, что Москва стала своеобразной искупительной жертвой, принесенной русскими на алтарь победы. Была ли необходимость в подобной жертве и могли ли события развиваться так, чтобы Москва не пострадала?

Идея сожжения города, чтобы он не достался врагу, возникла у графа Ростопчина еще в начале августа 1812 г., сразу по получении известия о сдаче Смоленска. Уже 12 августа в письме к главнокомандующему 2-й Западной армией князю П.И. Багратиону Ростопчин писал: «Народ здешний, по верности к государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому обычаю: не доставайся злодею, обратит город в пепел, а Наполеон получит вместо добычи место, где стояла столица»⁸. И чем ближе к Москве подходили военные действия, тем навязчивее была идея сожжения города у «московского Герострата», как впоследствии называли Ростопчина.

Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир» предположил, что «Москва загорелась от трубок, от кухонь, от костров, от неряшливости неприятельских солдат, жителей – не хозяев дома. Ежели и были поджоги (что весьма сомнительно, потому что поджигать никому

не было никакой причины, а, во всяком случае, хлопотливо и опасно), то поджоги нельзя принять за причину, так как без поджогов было бы то же самое. Как ни лестно было французам обвинять зверство Растопчина (в поджоге Москвы. – А.П.) и русским обвинять злодея Бонапарта или потом влагать героический факел в руки своего народа, нельзя не видеть, что такой непосредственной причины пожара не могло быть, потому что Москва должна была сгореть, как должна сгореть каждая деревня, фабрика, всякий дом, из которого выйдут хозяева и в который пустят хозяйничать и варить себе кашу чужих людей»⁹.

То есть шансов остаться целой и невредимой в случае сдачи города неприятелю у Москвы практически не было. Посмотрим, можно ли было не сдавать французам Москву. Очевидно, что после сдачи Смоленска и отступления армий Барклая и Багратиона по Московской дороге, на центральном направлении сложилась ситуация, оставлявшая мало шансов на спасение Москвы. Не случайно, объясняя императору причины оставления Москвы, Кутузов в своем донесении от 4 сентября писал, что «последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»¹⁰. И дело здесь не только в попытке Кутузова оправдаться и свалить всю вину на предшественников. Зная манеру Кутузова ведения войны, можно с большой долей вероятности предположить, что если бы «светлейший» застал армию под Смоленском, а не на границе Московской губернии, то он бы, оставив корпус войск на московском направлении, стал маневрировать с целью соединения с армиями Тормасова и Чичагова, уводя наполеоновскую армию на юг и защищая тем самым Москву. Конечно, история не любит солагательного наклонения, но в таком варианте шансы захвата (а значит, разорения и сожжения) Москвы сводились практически к нулю. В реальных же условиях (после Царева Займища) Кутузову уже не было смысла отступить на юг, поскольку это не спасло бы Москву от захвата французами: Наполеон мог запросто направить часть своих войск для взятия древней столицы, как это он сделал в 1805 г., взяв Вену. От Смоленска же отправлять отдельный корпус к Москве, имея на фланге всю русскую армию, Наполеон бы не рискнул.

В сложившейся к приезду Кутузова в армию ситуации генеральное сражение на подступах к Москве было неизбежно, как и неизбежной становилась сдача столицы после отступления русской армии от Бородино. А при сдаче города неприятелю его сожжение было делом времени, тем более что почти все населенные пункты в Смоленской и Московской губерниях при вступлении в них французов (а иногда и до этого) сжигались жителями или отступавшей русской армией.

Бытует мнение, что в поджоге Москвы был заинтересован М.И. Кутузов, якобы во имя неких высших стратегических целей. На самом деле Москва в замыслах фельдмаршала должна была сыграть совсем другую роль, и сожжение столицы туда не входило. На предложение своих приближенных отвести войска на Калугу, минуя Москву, Кутузов, по свидетельству его ординарца князя А.Б. Голицына, ответил: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо она спасет армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва – это губка, которая всосет его в себя». Замысел Кутузова состоял в том, чтобы «выиграть время и усыпить сколько можно доле Наполеона, не тревожа его из Москвы»¹¹. Сожжение города противоречило планам русского командования, и лишь необычайное упрямство французского императора, вопреки здравому смыслу так долго державшего свою армию на пепелище, не сделало эту жертву напрасной.

Поэтому Кутузов, узнав о планах Ростопчина сжечь столицу перед вступлением в нее французов, сделал все возможное, чтобы дезориентировать московского губернатора относительно своих истинных намерений и сорвать его замысел. Достоверно не известно, о чем говорили на личной встрече 1 сентября 1812 г. на Поклонной горе Кутузов и Ростопчин, куда последний прибыл, чтобы узнать планы русского командования. Содержание их беседы известно лишь из писем Ростопчина, в которых он сообщает, что Кутузов заверил его, что непременно даст у Москвы сражение Наполеону, причем не раньше, чем на третий день, а в случае неудачи сразу же отойдет с войсками на Тверь, минуя Москву¹². Все это укрепило Ростопчина в убеждении, что «Москва будет сдана неприятелю только после большой битвы под стенами города»¹³ и что для подготовки задуманного им сожжения столицы осталось еще достаточно времени.

И лишь получив вечером 1 сентября известие от Кутузова о немедленном отступлении армии через Москву, Ростопчин понял, что все его планы зажечь город до вступления в него французов рухнули. «Кутузов обманул меня», – в отчаянии написал он жене 11 сентября, а через два дня пожаловался императору: «Я в отчаянии от его изменнического образа действий в отношении меня»¹⁴.

Можно предположить, что решение о сдаче Москвы Кутузов принял, еще находясь на Бородинском поле, когда отдавал приказ об отступлении армии. Созванный им в Филях военный совет, решавший якобы судьбу древней столицы, был формальностью, необходимой Кутузову, чтобы придать своему решению, как минимум, коллегиальный вид.

Многие военачальники считали, что отступление через такой большой город, как Москва, приведет армию к окончательному расстрой-

ству, однако Кутузов приказал отступить сквозь город на Рязанскую дорогу. Так начался ставший впоследствии знаменитым Тарутинский марш-маневр, но 2 сентября, когда армия покидала Первопрестольную, никто не понимал замысла фельдмаршала. Покидая Москву, Кутузов старался лишний раз не встречаться ни с населением, ни с войсками. Почему же именно через Москву было приказано осуществить отступление, а не в обход города?

По мнению А.Г. Тартаковского, русской армии следовало «не просто продолжать отступление, а отступить **именно к Москве и через Москву**, ибо лишь вступление сюда Великой армии вызвало бы задержку в ее наступательном порыве»¹⁵. Для обеспечения решительного перелома в ходе войны русской армии надо было первым делом оторваться от все еще численно превосходящей и шедшей по пятам наполеоновской армии, вывести войска из-под удара, дать им отдохнуть и дожждаться подхода резервов. В результате кутузовского маневра, когда войска перешли с Рязанской дороги на Каширскую, затем на Серпуховскую, потом на Подольскую дорогу, французы на несколько дней потеряли из вида русскую армию, хотя авангард Мюрата шел за ней буквально по пятам. Историки только констатируют этот факт, не пытаясь объяснить, как такое чудо могло произойти, особенно если представить себе число всевозможных повозок, сопровождавших в начале XIX в. армию.

Попробуем хотя бы немного понять, о какой массе повозок идет речь. Все армейские обозы делились на тяжелые и легкие. К легким обозам относились патронные и палаточные ящики и собственные повозки разных чиновников и лиц, принадлежащих к армии. К тяжелым обозам относились казенные полковые фуры, провиантские транспорты и транспорты с военными припасами, а также генеральские и маркитантские повозки с запасами или тяжелой поклажей. По принадлежности обозы делились на казенные и партикулярные (частные).

В обозе каждого полка пехоты (гренадерские, пехотные, егерские и морские полки) по табелям полагалось иметь 47 фур и повозок, в каждом кавалерийском полку – от 19 до 23 повозок, в каждой артиллерийской роте – до 80 различных повозок. Кроме того, в обозе каждого полка, артиллерийской роты и отдельных воинских команд следовали еще маркитантские повозки и личные повозки офицеров. Количество личных повозок зависело от чина офицера и занимаемой им должности. В каждой дивизии, помимо полковых и ротных обозов, были еще и дивизионные обозы. К ним относились повозки дивизионного командира и повозки дивизионной квартиры. В каждом корпусе были еще и свои (корпусные) обозы. К указанным повозкам следует добавить обоз главной квартиры армии, в который входили повозки

главнокомандующего, чинов армейского руководства и повозки прочих генералов, находящихся при главной квартире.

Помимо вышеописанных обозов при армии находились артиллерийские и инженерные парки, подвижные и развозные госпитали, провиантские и комиссариатские подвижные магазины и другие казенные транспорты, прибывшие к армии. В составе артиллерийских парков следовали запасные орудия, повозки с запасными деталями к орудиям и лафетам, с запасом снарядов и пороха, а также с огнестрельным оружием для войск и запасом материалов (свинец и порох) для изготовления патронов. В составе инженерных парков находились повозки с инструментами и механизмами, необходимыми для осадных и фортификационных работ¹⁶.

Вся эта многотысячная масса повозок, следующая с армией, помноженная на впряженное в них число лошадей, вместе с артиллерией и кавалерией оставляла после себя на земле такие следы, что не заметить их было просто нельзя. Как же французы могли прозевать место поворота русской армии с Рязанской дороги?

Вот здесь-то решающую роль и сыграл еще один фактор, на который, вероятно, и рассчитывал Кутузов, направляя свою армию через Москву. Вместе с армией из города ушло практически все население – из 275 тысяч человек жителей в нем осталось всего около 6 тысяч. Большая часть московских беженцев со своими повозками двигалась вслед за армией по Рязанской дороге. Они-то и сбили с толку авангард Мюрата, который вплоть до Бронниц преследовал эту живую массу, прикрытую казачьим отрядом, пока не разобрался, что русской армии перед ним нет.

Жители столицы, покинувшие свой город, а не оставленные на Рязанской дороге казаки под командой полковника И.Е. Ефремова, спутали все карты Наполеона и позволили русской армии исчезнуть на несколько дней прямо из-под носа французской кавалерии. Из вышесказанного можно заключить, что в сложившейся на тот момент ситуации Кутузов принял единственно верное решение и его армия просто не могла пройти мимо столицы.

¹ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. Нашествие в Москву. М., 2004. С. 218–219.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 241.

⁴ *Мешетич Г.П.* Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 50.

⁵ Воспоминания Меневаля // Наполеон. Годы величия. Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Констана. М., 2001. С. 391.

- ⁶ Сокольский М. Самосожжение // Родина. 1992. № 6–7. С. 99.
- ⁷ Вильсон Р. Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 60, 62.
- ⁸ Русская старина. 1883. № 12. С. 650–651.
- ⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 2005. С. 666.
- ¹⁰ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 14.
- ¹¹ Военский К. Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 68, 73.
- ¹² Русская старина. 1889. № 12. С. 714–715; Русский архив. 1892. № 8. С. 551; 1901. № 8. С. 462.
- ¹³ Русская старина. 1901. № 3. С. 602.
- ¹⁴ Русский архив. 1901. № 8. С. 472; 1892. № 8. С. 538.
- ¹⁵ Тартаковский А. Обманутый Герострат // Родина. 1992. № 6–7. С. 92.
- ¹⁶ Подробнее о числе и составе армейских обозов см.: Подмазо А.А. Обоз русской армии в 1812 г. // Воин. 2006. № 3. С. 47–52.

М.Ф. Прохоров

Подмосковные селения Фили и Кунцево в 1812 году

Филевско-Кунцевская местность, расположенная в западной части современной Москвы, неразрывно связана с событиями Отечественной войны 1812 года. Здесь размещался правый фланг русской армии, в деревне Фили находилась штаб-квартира М.И. Кутузова, а 1 сентября состоялся военный совет российского генералитета. Через Можайскую и Звенигородские дороги, расположенные на землях этих селений, проходили русские и французские войска, а на Поклонной горе пребывали императоры Александр I и Наполеон, М.И. Кутузов, высшие воинские чины двух армий.

Значительный вклад в победу русского оружия в войне 1812 года внесли и жители Филевско-Кунцевской вотчины Нарышкиных. В ЦИАМ сохранился комплекс документов местных учреждений (ревизские сказки, метрические и исповедные книги, предписания, рапорты, именные наградные списки ратников, ведомости и т.д.), свидетельствующих о роли жителей Филей и Кунцева в победе России над Францией в войне 1812 года.

В начале XIX в. село Покровское с деревней Фили принадлежало обер-егермейстеру и камергеру Д.Л. Нарышкину, а село Знаменское, Кунцево тож, с деревней Мазилово – действительному тайному советнику А.Л. Нарышкину. По данным 6-й ревизии (1811 г.), в Филевской вотчине насчитывалось 98 крестьян и дворовых, в Кунцевской – 133¹.

Войну 1812 года население Филевско-Кунцевской вотчины встретило с большим патриотическим подъемом. В ночь с 11 на 12 июля 1812 г. духовенство Покровской церкви вместе с прихожанами ожидали на Поклонной горе возвращающегося из действующей армии императора Александра I, чтобы выразить ему свою верность. Очевидец событий С. Глинка вспоминал: «Подмосковные крестьяне деревни Фили, или села Покровского, нетерпеливо ожидая приезда государя, отправили двух гонцов в село Перхушково, которые, быстро прискакав оттуда, успели известить причт церковный о выезде государя. Немедленно из села Покровского... священник Григорий Гаврилов поспешил в облачении на Поклонную гору с серебряным блюдом, на котором возлежал

крест Господний, а престарелый дьякон держал свечу... Поравнявшись с причтом, государь вышел из коляски, положил земной поклон и с глубоким вздохом облобызал крест Господний. Священник из стихов Пасхи возглашал: да воскресен Бог и расточатся враги Его».

Исповедные ведомости за 1812 г. позволяют дать биографическую характеристику всему причту церкви Покрова в Филях. Священнику местного прихода Г.Г. Котлову было 49 лет. Он только в 1812 г. возглавил паству этой церкви, был женат, имел двух сыновей – Михаила, 17 лет, и Алексея, 19 лет. Дьякон Степан Дмитриев, 56 лет, был вдовцом, его 16-летний сын Тимофей обучался в духовной семинарии.

Духовенство Покровской церкви вело себя решительно во время приближения французских войск к Москве. Судя по церковной летописи, причту удалось спрятать наиболее ценную церковную утварь «в северной главе церкви пробитием во внутренность оной из входа на колокольню против самого царского места стены, которая... так искусно была заделана, что неприятель никак не мог приметить»².

По призыву императора и московских властей в подмосковных селениях с конца июля 1812 г. начинается активный сбор ополченцев в Московскую военную силу, которую возглавил генерал-лейтенант И.И. Марков (Морков). Дворянство Московской губернии решило поставить по одному ратнику с 10 крепостных крестьян. Отметим, что в отечественной историографии вопрос о конкретной судьбе ратников 1812 г. практически не изучался; в литературе имеются лишь первые попытки исследования данной темы³.

Что касается Филевско-Кунцевской вотчины Нарышкиных, то в опубликованном «алфавите владельцев, ставивших ополченцев по Московскому уезду», за деревню Мазилово было поставлено 13 человек, а за деревню Фили – 81. Но эти данные требуют уточнения. В нашем распоряжении имеются списки возвратившихся домой ратников из названных селений и ревизские сказки 7-й ревизии (1816 г.) с указанием тех, кто не вернулся из ополчения. Выясняется, что по деревне Мазилово было поставлено 11 ратников, причем один из них (Кузьма Васильев) в материалах государственного и церковного учета не значился. Возможно, он проживал в другом имении А.Л. Нарышкина, но был зачтен за Кунцевскую вотчину. Судя по учетной документации, Филевская вотчина поставила 9 воинов, а остальные ратники приходились на другие владения Д.Л. Нарышкина, в том числе подмосковное село Чашниково⁴. Таким образом, по уточненным данным, в Московской военной силе от деревни Мазилово значилось 11 человек, а от деревни Фили – 9.

В условиях военного времени сельские общины Филевской и Кунцевской вотчин использовали смешанную форму набора ополченцев,

практикуемую при выполнении рекрутской повинности. К ней следует отнести жеребьевку, очередность и покупку. В частности, по деревне Мазилово в ратники был отправлен Гордей Алексеев, купленный для этой цели в 1812 г. у помещика Юматова.

На смешанный принцип отбора воинов в народное ополчение указывают данные семейного состава мазиловских и филевских ратников. Набор воинов шел из числа одиноких и бездетных супругов (3,2%), большесемейных (58,4%) и малосемейных (38,4%). Вместе с тем в исследуемых вотчинах были некоторые особенности в механизме отбора воинов в ополченцы, определяемые, прежде всего, экономическими и демографическими факторами. В деревне Фили наблюдалось более равномерное распределение ратников по малосемейным и большесемейным группам крестьян (соответственно 52,6 и 47,3%). В деревне Мазилово основная доля воинов приходится на большесемейные группы крестьян (составляли 68,2%).

Из 19 ратников, семейное положение которых удалось установить, 8 (42%) являлись холостыми, а 11 (58%) – женатыми. Самому молодому воину, Алексею Яковлеву Болдину, было 15 лет, а самому пожилому, Василию Афанасьеву Лисицыну, – 56. Средний возраст воинов по двум селениям составлял 27 лет.

При рассмотрении семейного положения ополченцев в отдельности по вотчинам можно выявить существенные различия. В деревне Фили из 9 ратников 8 были женатыми и 1 – холостой. Иная картина наблюдается по деревне Мазилово, в которой на 6 холостых воинов приходилось 4 женатых.

В деревне Фили молодых ратников от 15 до 20 лет было 2 человека, а в деревне Мазилово 4. В возрастной группе от 21 до 30 лет Филевская сельская община поставила 3 воина, а Мазиловская – 4. На эти две возрастные группы приходится две трети всех ополченцев (65%), в том числе по деревне Фили 5 (56%) человек и деревне Мазилово – 8 (73%). В последующих группах от 31 до 60 лет 4 воина поставила Филевская община, а 1 – Мазиловская. Средний возраст ополченцев сильно различался по двум вотчинам. По деревне Фили этот возраст составлял 33 года, а по деревне Мазилово – 22⁵.

Из-за недостатка источников сложно судить о конкретном участии ратников из этих селений в баталиях Отечественной войны 1812 года. Тем не менее отрывочные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют восстановить общие детали участия филевских и мазиловских ополченцев, в частности, в Бородинском сражении. Прежде всего, возникает вопрос о том, в состав каких полков поступали ополченцы Московского уезда. В литературе нет четкого ответа на этот вопрос. В материалах канцелярии предводителя дворянства Московской губернии

нам удалось обнаружить ведомость, датируемую 1814 г., о распределении ополченцев Московского уезда по полкам накануне Бородинской битвы. Выясняется, что ратники из данного уезда поступили в 1-й пехотный полк князя Н.С. Гагарина (1221 воин), во 2-й пехотный полк генерал-майора А.И. Талызина (2712) и в 3-й пехотный полк генерала Демидова (1055). Но в документе содержится явная ошибка: А.И. Талызин командовал не 2-м пехотным, а 2-м егерским полком, а тайный советник (в ряде документов указывался генералом) Демидов был шефом не 3-го пехотного полка, а 1-го егерского. По-видимому, были перепутаны фамилии командиров полков. В опубликованной ведомости «Полковые списки Московской военной силы» дается более точная информация о командирах 2-го и 3-го пехотных полков ополченцев. Их возглавляли соответственно генерал-майор князь И.С. Одоевский и генерал-майор М.М. Свечин⁶. Можно предположить, что ополченцы из селений Фили и Мазилово находились в 1, 2 или 3-м пехотных полках.

М.И. Кутузов считал, что ополченцев следует «употреблять... иногда к составлению с пиками третьей шеренгой или употреблять их за батальонами малыми резервами для отвода раненых или для сохранения ружей после убитых, для делания редутов и других полевых работ... дабы уже там ни одного солдата держать нужды не было»⁷.

Накануне Бородинского сражения воины 1-го и 3-го пехотных полков вошли в состав 3-й дивизии и сосредоточились в Можайске, а 2-й пехотный полк был включен в 1-ю дивизию, которая располагалась в Рузе. Перед 26 августа часть ратников 1-го и 3-го пехотных полков (1640 человек, по другим данным – 1764) была направлена в распоряжение Можайского коменданта генерал-майора М.И. Левицкого для охранения обозов и осуществления различных тыловых работ. Остальные воины 1-го пехотного полка (1273 человека) остались в распоряжении И.И. Маркова. 1-й и 3-й батальоны 3-го пехотного полка (1200 человек) были переданы во 2-ю армию, а остальные ополченцы (260 человек) переходили в подчинение Маркова. Ратники 2-го пехотного полка вошли в состав 4-го корпуса 1-й армии⁸.

Судя по наградным спискам командиров Московской военной силы, непосредственно в Бородинской битве участвовала часть воинов 1-го и 3-го пехотных полков. На левом фланге Бородинского поля при Старой Смоленской дороге за Утицким курганом располагались солдаты 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова и ополченцы под командованием Маркова, в том числе оставшиеся воины 1-го и 3-го пехотных полков. Здесь ополченцы совместно с регулярными войсками Н.А. Тучкова отражали неоднократные атаки противника. По этому поводу М.И. Кутузов писал: «Начальник оногo генерал-

лейтенант Марков... при Бородинском деле находился на левом фланге, и в то время, когда корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го придвинут был к общему действию, тогда он с искусством отражал неоднократно натиск неприятеля». В списки награжденных офицеров был включен и командир 1-го пехотного полка князь Н.С. Гагарин, «который 26-го числа находился все время сражения на поле брани до назначения полка своего в армию». А 3-й пехотный полк генерал-майора Свечина «общее с другими полками находился в резерве во время Бородинского сражения 26 августа». Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, определяя роль Московской военной силы, писал: «Скорое прибытие Московского ополчения к армии значащим образом увеличивало действующие ее силы, ибо, помещено будучи в ряды с прочими войсками, во многих сражениях оказывало величайшую пользу»⁹.

После Бородинской битвы русские войска отступали к Москве по большой Можайской и Звенигородской дорогам. Готовясь к новому генеральному сражению с французской армией, М.И. Кутузов в приказе от 31 августа отмечал: «Небезызвестно каждому из начальников, что армия российская должна иметь решительное сражение под стенами Москвы». Для реализации этой цели генералу Л.Л. Беннигсену было поручено найти на подступах к древней столице удобное место для сражения. Вскоре диспозиция для войск была выбрана. Правый фланг дислокации русской армии располагался впереди деревни Фили, упираясь в изгиб реки Москвы, центр находился вблизи соседнего села Троице-Голенищево, а левый – примыкал к Воробьевым горам. Длина диспозиции достигала четырех верст, а глубина – двух верст. Именно здесь предполагалось дать Наполеону очередную баталию. Судя по документам, генералитет русской армии недостаточно четко представлял себе полевые условия данной местности и ее ландшафт. Л.Л. Беннигсен отмечал: «Я избрал эту позицию как единственную признанную мною удобною после Бородино».

Прибыв ранним утром 1 сентября 1812 г. на Поклонную гору, М.И. Кутузов, по свидетельству генерала А.П. Ермолова, приказал построить здесь «обширный редут и у самой большой дороги батареи, назначая их быть конечностью правого фланга, лежащий недалеко по правую сторону лес наполнить егерями». Прибывающие на исходные позиции солдаты стали разбивать биваки и сооружать боевые укрепления.

Одновременно М.И. Кутузов отдал специальное распоряжение генералам М.Б. Барклаю де Толли и А.П. Ермолову, а также полковнику Кроссару о тщательном изучении географического ландшафта и диспозиции русской армии. Осмотрев местность, они доложили

главнокомандующему о ее непригодности для генерального сражения. Ими было отмечено, что «невозможно найти более удобной позиции для истребления собственной армии», чем та, которую армия «занимает в эту минуту». Впоследствии генерал А.П. Ермолов вспоминал: «Место, на котором предположено было устроить армию, простиралось от урочища Фили, впереди селения того же имени».

Полученные сведения, вероятно, сильно поколебали уверенность М.И. Кутузова в необходимости сражения в том месте, где находились войска. Вопрос о месте сражения так и не был решен и был перенесен на военный совет.

На особенности рельефа правого фланга указывают многочисленные свидетельства современников. Так, анонимный автор по этому поводу писал, что окрестности, занимаемые солдатами, «пересекались глубокими и крутыми рвами», которые тянулись до извилистых берегов реки Москвы. Аналогичную картину обрисовал граф Э.Ф. Сен-При, заметивший, что в русской армии, расположенной на Поклонной горе, «правый фланг упирался в лес, простиравшийся на несколько верст по Можайской дороге». При этом основная часть войск была отделена от резервов «почти отвесным оврагом». О сложности ландшафта в зоне предполагаемого сражения писали и французы – участники военного похода Лабом, Ложье, Боссе и др.¹⁰.

На сложный рельеф Филевско-Кунцевской местности указывает и картографический материал второй половины XVIII – начала XIX в. Этот район представлял обширную территорию площадью 1200–1400 десятин. С запада и севера территорию ограничивало высокое побережье реки Москвы, склоны которой были очень круты и обрывисты, а также расчленены оврагами и болотистыми местами. Восточная и юго-западная части местности представляли собой волнистый рельеф, образованный чередованием пологих холмов и оврагов, а также протекающей речкой Сетунь. Здесь располагалась Поклонная гора, находились Здуев, Писцовский и Кобылин овраги. Местность с юго-запада на север была разделена руслом небольшой речки Фильки, правого притока Москвы-реки. В отдельных частях берега этой речки были довольно крутыми и топкими. У села Фили-Покровское и деревни Мазилово русло речки перекрывалось плотинами с искусственными прудами. Восточная граница местности тянулась вдоль Можайской дороги, а с северо-востока шла Звенигородская дорога. Многочисленные проселочные дороги позволяли иметь сообщение с Дорогомиловской слободой, селами Троице-Голенищево, Крылатское, деревнями Давыдково, Шелепиха, Волынское¹¹.

Вопрос о новом сражении был поставлен на военном совете русского генералитета вечером 1 сентября. Это совещание состоялось

в деревне Фили, где в просторной крестьянской избе разместилась главная штаб-квартира М.И. Кутузова. Участник совета П.П. Коновницын вспоминал: «В ближайшей деревне, по имени Фили, посреди оной, едучи от Бородино на левой стороне улицы, был дом, новенький, мужичий».

Совещание началось после четырех часов пополудни, но до шести часов ожидали прибытия начальника штаба Л.Л. Беннигсена. По этому поводу П.П. Коновницын замечает, что вблизи избы, где проходило совещание, «была колода толстого дуба, поваленная, где мы, собираясь, сидели». Позже всех прибыл генерал Н.Н. Раевский. На совете присутствовали: генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, командир 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницын, генерал-лейтенант, командир 4-го пехотного корпуса в 1-й Западной армии граф А.И. Остерман-Толстой, главнокомандующий 1-й Западной армией М.Б. Барклай де Толли, генерал от кавалерии, начальник Главного штаба армии Л.Л. Беннигсен, генерал от инфантерии, командир 6-го пехотного корпуса в 1-й Западной армии Д.С. Дохтуров, начальник штаба 1-й Западной армии А.П. Ермолов, генерал от инфантерии, дежурный генерал армии П.С. Кайсаров, генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса 2-й Западной армии Н.Н. Раевский, командир 1-го кавалерийского корпуса Ф.П. Уваров, генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь. Совещание продолжалось не менее часа и, видимо, завершилось в восьмом часу вечера.

Из источников неясно, как располагались в избе участники военного совета. Лишь Коновницын вспоминает, что все они разместились «с входа в нее (избу. – М.П.) слева на лавке». А Беннигсен указывает на то, что Д.С. Дохтуров сидел «поодаль от стола, за которым не могли поместиться все присутствующие генералы».

Протокола заседания военного совета не вели, но сохранились воспоминания участников совещания и «журнал военных действий», позволяющие восстановить ход заседания. Первым, как старший по званию после М.И. Кутузова, выступил Л.Л. Беннигсен, который поставил перед участниками совета вопрос, что выгоднее: дать сражение под Москвой или оставить французским войскам древнюю столицу. Судя по «журналу военных действий», М.И. Кутузов уточнил поставленный вопрос: «Ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать оному столицу без сражения».

По обсуждаемому вопросу развернулась острая дискуссия, и мнения генералов разделились. Л.Л. Беннигсен считал необходимым ожидать Наполеона на подступах к Москве и дать ему здесь бой. Его позицию поддержали с определенной корректировкой П.П. Коновницын, Ф.П. Уваров, А.П. Ермолов, Д.С. Дохтуров. Коновницын, например, полагал дислокацию войск невыгодной и предлагал «идти на неприятеля

и атаковать его там, где встретят». Схожую позицию высказали Дохтуров («идти врагу навстречу»), Ермолов («атаковать неприятеля») и Уваров («идти на неприятеля и атаковать его»).

Кардинально противоположную позицию занял М.Б. Барклай де Толли, заявивший, что в случае неудачи армии будет трудно отступить по узким улицам Москвы. Он предложил в случае отступления войск идти к Волге по Владимирской дороге («Волга, протекая по плодороднейшим губерниям, кормит Россию»). Барклай поддержали А.И. Остерман-Толстой, К.Ф. Толь и Н.Н. Раевский («оставить город без сражения»).

Окончательное решение по обсуждаемому вопросу оставалось за главнокомандующим. Он, обратясь к членам совета, сказал, что «с потеряннием Москвы не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию». Закрывая военный совет, фельдмаршал подчеркнул: «Что бы ни случилось, я принимаю на себя ответственность пред государем, Отечеством и армиею».

К 10 часам вечера 1 сентября 1812 г. армия уже знала о решении военного совета. В это же время из Главной штаб-квартиры в Филях М.И. Кутузов в письменном виде излагает Ф.В. Ростопчину причины отказа от генерального сражения под Москвой. В частности, Кутузов пишет: «Неприятель, отделив колонны свои на Звенигород и Боровск, и невыгодное здешнее местоположение принуждают меня с горестью Москву оставить». В письме содержалась также просьба выделить полицейских офицеров для сопровождения армии при ее выходе из Москвы. С аналогичной просьбой к Ф.В. Ростопчину из Главной штаб-квартиры обратился генерал-квартирмейстер М. Вистицкий, предлагая прислать проводников «сего числа ко мне в главную квартиру, деревню Фили, и если не можно более, то хотя бы человек десять»¹².

Небезынтересно знать, кто был хозяином избы, в которой проходил военный совет, его возраст, семейное положение, дальнейшую судьбу. В литературе до сих пор нет единого мнения о том, кто же был владельцем этой избы. Одни авторы называют крестьянина Михаила Флорова, другие – Фролова, третьи – Андрея Севастьяновича Фролова, а четвертые – Андрея Севастьянова. Многочисленные источники демографического характера (ревизские сказки, исповедные ведомости) свидетельствуют о том, что крестьянин с именем Андрей Севастьянович Фролов, Михаил Флоров или Андрей Севастьянов в деревне Фили не проживал. В документах упоминается только Михаил Фролов, в избе которого действительно проходил военный совет. Фроловы были самой большой семьей среди филевских жителей в 1812 г.: в ней насчитывалось 16 человек, в том числе 6 мужчин и 10 женщин. Глава семьи имел трех женатых сыновей: Максима, Ивана и Михаила,

а также двух малолетних внуков: Ивана и Дмитрия. Женская часть семьи была представлена дочерью домохозяина, солдаткой Акулиной, тремя невестками – Авдотьей Михайловой, Авдотьей Дмитриевой и Федосьей Васильевой, а также шестью малолетними внуками – Прасковьей, Варварой, Матреной-старшей, Марией, Матреной-младшей и Татьяной. Михаил Фролов скончался в 1813 г. В метрической записи Покровской церкви от 23 февраля 1813 г. читаем: «Деревни Филей умре крестьянин Михаил Фролов по христианской должности с покаянием... погребен 25-го числа на отведенном кладбище»¹³.

Ранним утром 2 сентября М.И. Кутузов покинул свою штаб-квартиру в Филях вместе с отступающей из Москвы армией. Одна из колонн войск под командованием Ф.П. Уварова двинулась с Поклонной горы через Дорогомиловскую заставу, мост и центр города. Линию старой диспозиции: Фили – Троице-Голенищево – Воробьевы горы – занял арьергард русской армии под командованием М.А. Милорадовича, сдерживавший наступающие силы противника. После отхода арьергарда с занятых позиций в Москву тремя колоннами вошли войска Наполеона. По свидетельству С.Н. Глинки, «первая перешла Москву-реку у Воробьевых гор, вторая перешла ту же реку на Филях, тянулась в Тверскую заставу. Третья, или средняя, вступила в Москву через Драгомиловский мост». Сам император Наполеон обозревал древнюю столицу с Поклонной горы. Затем заночевал в одном из трактиров Дорогомиловской слободы, а 3 сентября он переехал в Кремль¹⁴.

Война нанесла огромный ущерб Филевско-Кунцевской вотчине Нарышкиных. В ведомости о пострадавших селениях Подмосковья за 1813 г. указывалось, что в селе Покровском, Фили тож, и в деревне Чашниково (все – владения Д.Л. Нарышкина) «разграблено неприятелем имущества, хлеба, сена, соломы большое количество, лошадей с конской сбруей – 151, коров – 71, овец – 211, дворовой птицы». Аналогичное положение складывалось и в селе Знаменском, Кунцево тож, в котором «имеющаяся в оном селе церковь, господский дом, магазин с казенным запасом хлеба неприятелем разграблены, а крестьяне лишены всего своего имущества и скота и все дома их выжжены до основания». Согласно «ведомости о селениях по Московскому уезду, сожженных неприятелем», подготовленной в 1816 г., «в вотчине господина Дмитрия Львовича Нарышкина в деревне Филях сожжено 11 домов, вновь выстроено 5, но без принадлежностей. Староста объявил, что хотя помещиком отпущено на обстройку сожженных домов по 60 дерев, но остальные 6 домов по смерти хозяев оных построены быть не могут». В деревне Мазилово к этому времени все сгоревшие крестьянские избы были построены заново¹⁵.

Ощутимо пострадали приходские церкви. В Покровском храме французские солдаты в верхней церкви Спаса Нерукотворного устроили портняжную мастерскую и почти полностью расхитили уникальную коллекцию живописных разноцветных изображений на стекле, размещенных в оконных рамах. По преданию, эти старинные цветные стекла были привезены Петром I при победе под Нарвой в 1704 г.; некоторые из этих фрагментов затем были «найжены в лагерях неприятельских». Кроме того, в верхней церкви в иконостасе «по многим местам резьба поломана» и были утрачены хоругви. В нижнем храме – Покрова Богородицы французы устроили конюшню и сильно повредили иконостас; из восьми колоколов два были разбиты. За самоотверженность приходские священники церкви Покрова в Филях и Знамения в Кунцеве Григорий Гаврилов и Лука Соловьев были награждены бронзовыми крестами «на Владимирской ленте для ношения»¹⁶.

Война нанесла Филевско-Кунцевской местности и большой людской урон. За четыре года между 6-й (1811 г.) и 7-й (1816 г.) ревизиями в Филевской вотчине скончалось 23 крестьянина (в том числе в 1813 г. – 15), а в Кунцевской – 29 (17). Общее число населения в вотчинах резко сократилось. В Филях в 1816 г. числилось 72 человека, в то время как в 1811 г. – 98, в Мазилове – 101 житель, а в 1811 г. было 133. Особенно тяжелым становилось положение в семьях погибших ратников: некоторые из них были лишены мужской рабочей силы (по деревне Фили – семьи Николая Григорьева, Алексея Якимова и Якова Матвеева, а по деревне Мазилово – Никиты Иванова и Михаила Соина). Хозяйство таких дворов держалось на трудовых возможностях женщин, стариков и подростков. В частности, в деревне Фили у погибшего ратника Якова Матвеева осталась 21-летняя вдова Авдотья с малолетним сыном Иваном. Аналогичная ситуация складывалась во дворе ратника Алексея Яковлева, в котором мужская рабочая сила была представлена только 16-летним подростком Николаем. В деревне Мазилово 35-летняя вдова-ратница Анна осталась с малолетними детьми. У невернувшегося ополченца Николая Иванова хозяйство поддерживалось лишь трудом женщин. Подобного рода дворы явно боролись за выживание и без посторонней помощи (родственников, сельского мира, помещика) не могли существовать¹⁷.

После издания Манифеста от 30 марта 1813 г. о роспуске Московского и Смоленского ополчений ратники стали возвращаться на родину. Из 20 ополченцев домой вернулись только 9 (т.е. 45%) воинов, в том числе в деревню Мазилово 8 и в деревню Фили – только 1. Все вернувшиеся ратники (исключая двух воинов) получили серебряную медаль в память Отечественной войны 1812 года. По деревне Мазилово медали получили Илья Алексеев Курушин (во время призыва ему

было 18 лет), Федор Иванов Вольнов (18 лет), Филипп Прокофьев Пронин (22 года), Григорий Сергеев Валуев (26 лет), Федор Федоров Седов (26 лет), Никита Иванов Галетов (27 лет). В деревне Фили это был Семен Яковлев (46 лет)¹⁸.

Итак, жители подмосковных селений Фили и Кунцево внесли посильный вклад в победу в войне 1812 года. А то место, где когда-то находилась неприметная деревня Фили и проходили исторические события, в настоящее время стало одним из центров мемориального комплекса, посвященного героям и событиям Отечественной войны 1812 года.

¹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 38. Л. 69 об.; Д. 132. Л. 1310.

² Там же. Ф. 203. Оп. 747. Д. 853. Л. 549–557; *Глинка С.Н.* Записки о 1812 годе. СПб., 1836. С. 9; *Михайлов Б.* Храм в Филях. История прихода и храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях. XVII – XX века. М., 2002. С. 110.

³ *Федоров В.Н.* Ратники 1812 года из села Шевардино // Вопросы истории. 2003. № 1; *Прохоров М.Ф.* Участие Можайского ратника Т.К. Ускова в Отечественной войне 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2011; и др.

⁴ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4199. Л. 386 об., 397 об.; Д. 4204. Л. 231; Ф. 51. Оп. 8. Д. 132. Л. 1178, 1298; Московское дворянство в 1812 году (далее – Московское дворянство...). М., 1912. С. 284.

⁵ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 32. Л. 11; Д. 38. Л. 63 (подсчет наш).

⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4449. Л. 12; Московское дворянство... С. 131, 133. Не исключена вероятность, что вместо 1-го и 2-го егерских полков составители донесения ошибочно назвали 2-й и 3-й пехотные полки, которыми ни А.И. Талызин 2-й, ни Демидов не командовали. Для уточнения отметим, что накануне 26 августа 1812 г. 1-й пехотный полк, а также 1-й и 2-й егерские полки находились в Можайске и входили в состав 3-й дивизии под командованием Ф.И. Талызина 1-го. По опубликованным данным, 1-й егерский полк формировался не только в Москве, но и в Рузе, 2-й егерский полк комплектовался в Бронницах, а 3-й егерский – в Москве (см.: Москва и Отечественная война 1812 г. М., 2011. С. 264).

⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1951. С. 97.

⁸ *Володин П.М.* О роли и численности Московского народного ополчения 1812 года // Исторические записки. Т. 72. М., 1962. С. 251–255. По данным «полковых списков Московской военной силы», 2-й пехотный полк был направлен во 2-ю армию (см.: Московское дворянство... С. 133).

⁹ Московское дворянство... С. 133, 146; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 18; Ч. 2. М., 1955. С. 632; *Володин П.М.* Указ. соч. С. 255–256.

¹⁰ *Харкевич В.* 1812 год в воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильнюс, 1903. С. 138; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным (далее – Бумаги...). М., 1908. Ч. 10. С. 314–315, 455; *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 года. Киев, 1911. С. 78; *Ермолов А.П.* Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 200.

¹¹ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 609, 804, 1345.

¹² *Харкевич В.* Указ. соч. Вып. 1. Вильнюс, 1900. С. 127–128, 189; Бумаги... С. 314–315; *Беннигсен Л.Л.* Указ. соч. С. 503; М.И. Кутузов. Сборник доку-

ментов. Т. IV. Ч. 1. С. 220–221, 233–234; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 414–124.

¹³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 304. Л. 349; *Прохоров М.Ф.* Новые документы о владельцах Кутузовской избы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997. С. 73–85; *Он же.* Генеалогия рода Фроловых – владельцев Кутузовской избы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012.

¹⁴ *Глинка С.Н.* Указ. соч. С. 69; *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 418–424; *Михайлов Б.* Указ. соч. С. 112–114.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 383. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–26; Д. 190. Л. 27–28.

¹⁶ *Михайлов Б.* Указ. соч. С. 110–112; *Мазин К.А., Прохоров М.Ф.* Церковь Знамения в Кунцево как объект регионального туризма // Туризм и сервис в панораме тысячелетий. М., 2009. С. 8.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 38. Л. 11–17, 63–69 об.; Д. 132. Л. 1178–1191, 1298–1310 (подсчет наш).

¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4199. Л. 181–182, 405 об.; Д. 4204. Л. 397.

Н.Н. Трошин

Некоторые особенности финансирования Отечественной войны 1812 года

При составлении росписи государственных доходов и расходов на 1812 г., в связи с подготовкой к предстоящей войне с Францией, требования Военного министерства, в отличие от других ведомств, было решено удовлетворить в полном объеме. Однако каких-либо специальных средств на финансирование военных действий предусмотрено не было. Об этом говорит хотя бы тот факт, что ассигнования «1) на новые гвардейские полки 230 309 и 2) на обмундирование и вооружение рекрутских депо первой линии 2 619 035»¹ рублей, которые можно было бы отнести к таковым, были запрошены военным министром лишь в самый последний момент. Всего же, по утвержденной Александром I росписи, на военные расходы было ассигновано в 1812 г. 153 611,9 тыс. рублей².

Однако уже к началу апреля стало ясно, что этих средств недостаточно. По данным министра финансов Д.А. Гурьева, им было отпущено Военному министерству к 6 апреля 1812 г. в общей сложности 48,3 млн рублей ассигнациями, что на 7 млн рублей превышало сметные расходы на первую треть года. Сверх того, по указу от 23 марта 1812 г. надлежало отпустить до 1 мая на экстраординарные расходы по двум западным армиям еще 13 млн рублей, да провиантский департамент только на продовольствие этих армий просил дополнительно до 12 млн рублей³. Таким образом, еще до начала военных действий сверхсметные расходы достигали порядка 32 млн рублей.

Тем не менее, согласно отчету об исполнении бюджета, который был представлен, правда, только 25 апреля 1823 г. уже новым министром финансов Е.Ф. Канкриним, все расходы Военного министерства в 1812 г. составили 160 842,6 тыс. рублей⁴. Эта цифра, впрочем, никогда не подвергалась проверке. Тайна, которой были окутаны отечественные финансы в первой половине XIX в., делала расходование бюджетных средств не только бесконтрольным, но и в значительной части безотчетным. Департамент экономии Государственного совета, куда этот отчет вместе с другими отчетами об исполнении бюджета за период

с 1808 по 1823 г. поступил в мае 1825 г., прямо указал, что «ревизия сумм, в отчетах сих показанных, не принадлежит к обязанностям его»⁵. Но и другие ведомства, например Государственный контроль, не взяли на себя эту задачу.

С другой стороны, у нас нет оснований сомневаться в достоверности суммы расходов Военного министерства. Действительно, итоговая величина лишь на 4,7% превышает сумму, назначенную по росписи. Однако о финансовых трудностях, которые испытывало правительство в 1812 г., свидетельствует хотя бы то, что роспись по Военному министерству была исполнена лишь на 81%⁶. Недофинансирование сметных расходов наряду со сверхсметными ассигнованиями было характерной чертой русских финансов того времени, но именно сметы Военного министерства составляли ранее исключение из этого правила. Кроме того, надо учесть оставшиеся неисполненными расходы в размере 16 756 тыс. рублей, которые фактически составляли текущий долг Военного министерства, покрытый уже в следующие годы.

Принимая во внимание, что 6 524,3 тыс. рублей было заплачено в 1812 г. в счет расходов, произведенных в предшествующие годы⁷, чрезвычайные военные расходы на Отечественную войну 1812 г. составили 46 589,2 тыс. рублей. Столь скромные цифры не должны вызывать удивления. Дело в том, что основная часть затрат по содержанию армии в 1812 г. была фактически возложена на плечи населения.

Еще до начала военных действий министр финансов Д.А. Гурьев предложил не закупать продовольствие и фураж для содержания расположенных на западной границе армий, а собрать все необходимое путем реквизиций с собственного населения. Первоначально, правда, предполагалось, что расплачиваться за полученные по реквизициям продовольствие и фураж войска будут облигациями Государственного казначейства. Об этом говорилось в именном указе, данном Александром I на имя главнокомандующих обеих Западных армий 24 апреля 1812 г.⁸ Но в России не было ни опыта, ни условий для обращения такого рода бумаг, к тому же существовали опасения, что их выпуск может только усилить обесценение ассигнаций⁹. В результате эти облигации, хотя и были доставлены в войска (в 1812 г. их было передано в кассы полевого интендантского управления на сумму 8,75 млн рублей, причем одна 500-рублевая облигация была при пересылке где-то утеряна¹⁰), практически не использовались.

Реквизиции тем временем продолжались. Там, где поблизости не было армейских складов, военные начальники раскладывали поставку необходимого провианта на местное население. За все взятое продовольствие, фураж и прочие вещи было строжайше повелено выдавать квитанции. В армии не сразу привыкли к «новому порядку, без денежного

продовольствия». Поэтому, после прихода 1-й Западной армии в Дрисский лагерь, полевому интендантскому управлению были предъявлены, по примеру прошлых кампаний, большие денежные претензии за весь недополученный от него провиант и фураж. Однако управление, по словам генерал-интенданта Е.Ф. Канкрина, «решилось в оных прямо отказать»¹¹. После оставления Смоленска русская армия уже практически полностью снабжалась на счет местного населения. Немалая часть продовольствия и особенно фуража была получена также за счет фуражировок. Это была «жестокая мера», признавал впоследствии Е.Ф. Канкрин, «со многими другими ужасами, так что делались драки с собственными нашими крестьянами», но в тех условиях единственно возможная¹².

Фактически квитанции можно рассматривать в качестве своего рода займа или ссуды, сроки и условия погашения которой не известны заранее. Но в условиях низкой кредитоспособности правительства такие принудительные займы, при всех их недостатках, оказываются одной из немногих возможных альтернатив печатанию необеспеченных бумажных денег.

Другим источником финансирования военных расходов в 1812 г. стали «пожертвования». В литературе о них говорится обычно в связи с формированием ополчений, которое началось после получения на местах указа Александра I от 6 июля 1812 г. В действительности пожертвования носили более широкий характер и далеко не всегда были добровольными. В принципе Александр I отрицательно относился к тому, что губернаторы понуждали дворянство делать пожертвования на те или иные цели. Однако в данном случае именно он выступил с подобной инициативой. Так, еще 1 мая Александр I дал указ на имя военного министра, в котором извещал того, что обмундированием, амуницией и обозом новые полки, формируемые из рекрутов недавно объявленного набора, будут снабжены за счет пожертвований со стороны дворянства и купечества¹³. Соответствующие указания гражданским губернаторам, побудить дворян и городские сословия сделать необходимые пожертвования, были направлены 13 мая 1812 г.¹⁴ На такие же пожертвования дворянства рассчитывало правительство и при составлении продовольственных запасов для армии в прифронтовых губерниях¹⁵.

Фактически о пожертвованиях надо говорить и в тех случаях, когда военное ведомство осуществляло закупки по ценам значительно ниже рыночных. Здесь особо необходимо отметить серпуховского купца 1-й гильдии В.В. Варгина, который на протяжении Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1815 гг. был одним из главных поставщиков комиссариатского департамента, сохраняя при этом

довоенные цены. Только в 1812 г. им было поставлено 12 млн аршин холста, причем холст рубашечный им ставился по 25 копеек за аршин, а подкладочный – по 18 копеек¹⁶, что было значительно ниже текущих рыночных цен. Оценивая заслуги В.В. Варгина в Отечественной войне 1812 года, управлявший Военным министерством А.И. Горчаков писал в своем представлении Комитету министров: «Варгин, производя в течение 1812, 1813 и 1814 годов громадные поставки на десятки миллионов рублей каждый год без условий письменных и без залогов, забывая о собственных пользах, доставлял казне прибыли миллионы рублей и изумлял всех необыкновенным искусством и умением поддерживать низкие цены в самое трудное время, при всеобщем расстройстве торговли»¹⁷. По этому представлению последовало в 1815 г. высочайше утвержденное положение Комитета министров о награждении Варгина за поставку в комиссариат большого количества вещей по выгодным для казны ценам еще одной золотой медалью «За усердие», украшенной по этому случаю бриллиантами, на андреевской ленте.

Сосчитать, сколько всего расходов было профинансировано за счет реквизиций и пожертвований, едва ли представляется возможным. После завершения Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813–1815 гг. Александр I повелел создать во всех губерниях, где проходили военные действия, ликвидационные комиссии для расчета по квитанциям¹⁸.

В Москве такая комиссия открыла свое присутствие 6 мая 1816 г., уведомив всех жителей губернии о начале приема имеющихся у них квитанций о взятых для войск припасах. В конце же августа губернский предводитель дворянства писал генерал-губернатору А.П. Тормасову о том, что «всех уездов московское благородное дворянство, движимое усердием и любовью к престолу и отечеству, за забранные в 1812 г. в их имениях для проходящих российских войск в виде ссуды продукты и разные вещи никаких денежных наградений не требует и сим в пользу казны жертвует»¹⁹. Всего таких благородных жертвователей набралось 160 человек, в том числе по Звенигородскому уезду 51 помещик, по Дмитровскому – 22, по Подольскому и Волоколамскому – по 20 в каждом, по Верейскому – 16, по Серпуховскому – 10, по Можайскому – 8, по Богородскому – 7 и по Рузскому – 6²⁰.

Московский генерал-губернатор срочно уведомил об этом решении дворянства А.А. Аракчеева, предложив наградить гражданского губернатора и предводителей дворянства различными орденами. По распоряжению Александра I полученные от А.П. Тормасова бумаги были переданы А.А. Аракчевым на рассмотрение в Комитет министров. После их изучения Комитет министров обратил внимание А.П. Тормасова на то, что отказ московского дворянства от своих претензий

не был скреплен подписями всех без исключения помещиков губернии. В пример ставилось лифляндское дворянство, которое единодушно приняло решение «сделать между собою раскладку платежа всем тем недостаточным дворянам, которые не пожелали бы пожертвовать своими претензиями». К вопросу же о награждении Комитет министров обещал вернуться после того, как будет получен новый отзыв от московских дворян²¹.

Тем временем московская ликвидационная комиссия продолжала свою работу, принимая квитанции от «жителей казенного ведомства, за исключением помещичьих, кои от получения денег отказались». Руководствуясь специально составленными для этого случая правилами, комиссия признала следующими к уплате квитанции на сумму в 4354 рубля 87 $\frac{3}{4}$ копейки. При этом для расчетов принимались среднесложные цены за первую треть последних четырех лет, с 1812 по 1815 г. Кроме того, квитанции на сумму 34 651 рубль 48 $\frac{1}{4}$ копейки были представлены министру финансов для дальнейшего разбирательства с интендантским управлением. Среди собранных расписок оказались также выданные военными чиновниками квитанции за отобранные обывательские подводы, которые комиссия отослала военному министру²². На этом комиссия свою деятельность завершила, получив в подтверждение того, что дворянство пожертвовало своими претензиями, уведомление коломенского уездного предводителя, в котором сообщалось, что дворяне этого уезда письменно объявили на то свое согласие, а тех, кто отказался, вызвался удовлетворить сам предводитель уездного дворянства²³.

Однако общего решения о пожертвовании претензиями пришлось ждать до декабря, когда большинство московского дворянства собралось в Первопрестольной для выборов на очередное трехлетие. На собрании было принято решение, что если объявятся несогласные на пожертвование, то остальные дворяне того уезда компенсируют эту сумму из своих собственных средств. Такое решение удовлетворило Комитет министров, который постановил «за пожертвование сие изъявить московскому дворянству признательность особою грамотой» за подписью Александра I. Что же касается испрашиваемых наград, то Комитет министров признал, что «они не приличны»²⁴, и в них отказал.

Аналогичная картина имела место и в других губерниях, где дворянство в большинстве своем также отказывалось от претензий по квитанциям²⁵. В результате общая сумма средств, поступивших за счет реквизиций, так и не была подведена. Что касается «пожертвований», то в литературе имеется оценка лишь тех средств, которые были собраны на содержание ополчения. По мнению М.И. Богдановича, «губернии, выставившие 220 тыс. ратников, пожертвовали деньгами,

припасами и поставками около шестидесяти миллионов рублей»²⁶. В энциклопедии «Отечественная война 1812 года» эта оценка повышена до 100 млн рублей²⁷.

О значительности средств, которые были потрачены на финансирование военных издержек непосредственно населением, говорил уже тогдашний министр финансов Д.А. Гурьев. Всего, по его мнению, «ополчениями, наборами, воинскими требованиями, нарядами и пожертвованиями, по весьма умеренному исчислению», было оплачено военных издержек на сумму, превышающую 200 млн рублей²⁸. Для сравнения – все обыкновенные доходы в 1812 г. составили немногим более 240 млн рублей²⁹. О том, что именно население несло на себе тяготы финансирования чрезвычайных военных издержек, свидетельствует и резкий рост недоимок. Только по прямым налогам они увеличились с 9 544,9 тыс. рублей на начало 1812 г. до 53 457,4 тыс. рублей к началу 1813 г.³⁰, или в 5,6 раз!

Таким образом, Отечественная война 1812 года и с финансовой, так сказать, точки зрения является действительно народной войной, поскольку на каждый рубль, потраченный из казны, приходится 4 рубля, в той или иной форме предоставленных непосредственно населением Российской империи.

¹ Архив Государственного Совета. Т. IV. Журналы по делам Департамента государственной экономии. Ч. I. СПб., 1881 (далее АГС). Стлб. 146.

² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 45. СПб., 1885 (далее СБРИО). С. 214.

³ Журналы Комитета министров. Т. II. СПб., 1891. С. 378.

⁴ СБРИО. С. 471.

⁵ АГС. Стлб. 248.

⁶ СБРИО. С. 471.

⁷ Там же.

⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (далее ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXXII. С. 303–304. № 25.096.

⁹ Подробнее см.: *Трошин Н.Н.* Русские финансы в 1812 году // Бородино в истории и культуре. Материалы международной научной конференции. 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 188–192.

¹⁰ Отчет за войну 1812–1815 гг. Варшава, 1815. С. 171–172.

¹¹ Русский инвалид. 1857. 29 мая. № 113. С. 475.

¹² Там же. 1857. 30 мая. № 114. С. 477.

¹³ ПСЗ. Т. XXXII. С. 305. № 25.099.

¹⁴ *Проходцов И.И.* Рязанская губерния в 1812 году преимущественно с бытовой стороны. Материалы для истории Отечественной войны. Глава «Формирование полков в Рязани». [www.history-ryazan.ru/node/6867 – 07.10.2012]

¹⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Шукиным. Ч. 7. М., 1903. С. 175–176. Подробнее см.: *Бессонов В.А., Штепа А.В.* Благотворительная помощь населения действующей армии в период Отечественной войны 1812 года (на примере Калужской губернии) //

1812 год. Люди и события великой эпохи. Материалы международной научной конференции. Москва, 23 апреля 2009 г. М., 2009. С. 13–14.

¹⁶ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное интендантское управление. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1903. С. 450.

¹⁷ Московские ведомости. 1859. 21 января. № 18. К сожалению, в дальнейшем былые заслуги В.В. Варгина были несправедливо забыты. Подробнее о его судьбе см.: *Баранова С.Ф., Кудреватова О.В., Родионов В.Н.* Дело Варгина – поставщика армии Его Величества. М., 2001.

¹⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 219–221.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 6. Т. 2. Д. 2526. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 8–8 об.

²¹ Там же. Л. 17–18 об.

²² Там же. Л. 21–21 об.

²³ Там же. Л. 21 об.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ Подробнее см.: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 245–252.

²⁶ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 67. Впрочем, среди приводимых им сумм по разным губерниям встречаются «пожертвования» на цели, отличные от содержания ополчения.

²⁷ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 523.

²⁸ Сборник исторических материалов... СПб., 1879. Вып. 1. С. 49–50.

²⁹ СБРИО. С. 463–464, 466.

³⁰ Там же. С. 463, 474.

А.Д. Кубрик

Социокультурные изменения в среде московских податных сословий после Отечественной войны 1812 года: приобретение фамилий

После ухода французов из Москвы, в условиях страшного разорения, многие рядовые москвичи были озабочены не только экономическими проблемами, но и таким, казалось бы, второстепенным делом, как получение официальных фамилий вместо прежних уличных прозвищ. Об этом интересном общественном явлении свидетельствуют архивные документы 1813–1816 гг., отложившиеся преимущественно в фонде 32 Московского городского магистрата Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Появление русских фамилий традиционно изучается в русле филологии, а исторические аспекты, с учетом региональной специфики, почти не затрагиваются. Данная работа посвящена выяснению обстоятельств и мотивов закрепления москвичами в юридических документах своих фамилий после Отечественной войны 1812 года. Это исследование можно считать одним из первых в отечественной историографии на подобную тему¹.

Во время Отечественной войны 1812 года Москву покинуло большинство населения, и многие в нее так и не вернулись, зато сюда переехало много людей из других регионов. Существенное изменение социального состава города стало, вероятно, одной из немаловажных причин, усиливших желание москвичей получить собственную фамилию.

Первое, что обращает на себя внимание в архивных делах, – это то, что инициатива получения фамилии исходила именно от представителей московского податного населения, а не от чиновников. Москвичи могли продолжать жить без фамилий и дальше, если бы не стремились к их получению. Поэтому нередки были случаи, когда отпущенные на волю крепостные фамилий не имели, а продолжали жить лишь с именем и отчеством, как и до получения вольной. Это видно из журналов заседаний Московского городского магистрата, на которых обсуждалась судьба, например, бывшей дворовой Марфы Матвеевой² (т.е. Марфы Матвеевны) и т. д.

Вообще говоря, если у человека фамилии не было, то в качестве нее в документах той эпохи могло использоваться отчество, как это видно из текстов резолюций Московского городского магистрата и из журналов его заседаний. Например, в отпусковой Николая Фролова, просившего закрепить за ним прозвище Латышев, при перечислении примет этого человека было указано: «А приметами оной Фролов росту двух аршин...» Так же, с использованием отчества вместо фамилии, он назывался в копии резолюции Московского городского магистрата, и так же сам проситель подписался на обороте прошения³. Схожее использование отчества в качестве фамилии встречается и в других делах⁴, а в некоторых документах человека могли звать по фамилии, еще не присвоенной на официальном уровне⁵.

В целом по документам первой четверти XIX в. уже заметно стремление к унификации имен вне зависимости от сословной принадлежности. В журналах заседаний Московского городского магистрата имена дворян и их крепостных отражались по одинаковому принципу «имя + фамилия»: дворянин Николай Левашов, его дворовый человек Алексей Самородов. Интересно отметить, что если о Левашове и Самородове не сказано, какое у них было отчество, то о жене дворового, наоборот, сказано: ее звали Матрена Федорова (т.е. Федоровна)⁶.

Схожая двучленная структура встречалась и в списках московских погорельцев, получивших денежную помощь после Отечественной войны 1812 года⁷: в этих списках отчества употребляются в качестве фамилий. Сам же порядок, в котором в этих документах перечисляются сведения о человеке, свидетельствует о желании чиновников выносить на первое место именно фамилию, а только потом сословную принадлежность или чин, имя и семейное положение. Последовательность элементов видна из цитат: погорельцы «Новиков, мещ[анин] Гаврило с женою» получили 100 рублей, а «Фомина, вд[ова] солд[атская] Катерина с мал[ой] дочер[ью]» получила 75 рублей⁸ и т. п.

Следует, однако, отметить, что и во второй половине XIX в. в среде московского мещанства встречались люди без фамилий, о чем свидетельствуют их списки, например, по Большой Садовой слободе⁹. Правда, из этих списков видно, что такие люди, как правило, не имели семьи, а значит, скорее всего, жили в Москве недавно и являлись в недавнем прошлом крестьянами.

За получение фамилии как таковой просители не платили, однако данный процесс все равно был довольно дорогим, так как было необходимо оформлять на гербовой бумаге стоимостью 50 копеек лист минимум четыре документа: 1) прошение, 2) сообщение из 2-го департамента Московского городского магистрата в дом Московского градского общества¹⁰, 3) копию резолюции Московского городского

магистрата, а также 4) подписку «достойных людей». Кроме того, еще взимали пошлину в размере 50 ½ копейки.

Для вольноотпущенных комплект документов был немного иным, и их оформление обходилось примерно в полтора раза дороже. Первыми двумя документами в деле являлись само прошение и отпускное свидетельство в подлиннике. Далее следовало получить копию резолюции Московского городского магистрата о необходимости взять подписку о «хорошем поведении» бывшего крепостного, подтверждавшую, что он «в штрафах и под подозрением не был». Затем в дело включалась копия указа Е. И. В. о включении человека в московское мещанство, купечество или цех. Последним документом, как правило, было отношение из дома Московского градского общества во 2-й департамент Московского городского магистрата о причислении просителя к определенному сословию. Таким образом, вольноотпущенные должны были получить минимум пять документов на гербовой бумаге стоимостью 50 копеек лист, а отпускное свидетельство могло быть на гербовой бумаге стоимостью 60 копеек лист¹¹ или даже еще дороже.

В некоторых случаях приобретение фамилии сопровождалось размещением информации об этом в газетах Москвы и Санкт-Петербурга. Публикация указа Правительствующего Сената стоила 5 рублей, и эта сумма шла в пользу Сенатской типографии. Упоминание об этом сборе и об указе встретилось далеко не во всех архивных делах¹². Следовательно, оформление фамилии стоило не менее 2 рублей 50 ½ копейки для лично свободных и не менее 3 рублей для бывших крепостных без учета вознаграждения составителям прошений. Заметим для сравнения, что, например, осенью 1813 г. пуд пшеничной муки первого сорта стоил 5 рублей 50 копеек, а фунт зернистой икры первого сорта – 96 копеек¹³.

Документами, означавшими конец хлопотам по приобретению фамилии, были ответ из Московского градского общества, подтверждавший финансовую состоятельность подписавшихся, извещение из дома Московского градского общества во 2-й департамент Московского городского магистрата о включении приобретенной фамилии в слободской реестр, а также необязательный документ – копия указа Е. И. В. «о позволении именоваться по народному прозвищу» и о публикации в ведомостях этой информации. Завершала процедуру отметка в посемейном списке купцов, имевшемся для каждой слободы и каждой гильдии¹⁴, хотя иногда отличить, где указано имя, а где отчество, сложно.

Подтверждение финансовой состоятельности требовалось не только самому просителю, но и трем его поручителям: «...ответствует он и поручители по законам...»¹⁵ (приведенная формулировка встречается

практически во всех расписках). Часть дел о приобретении фамилии закончилась ничем или сообщениями о том, что указанные в подписке статусы поручителей и их капиталы не совпадают с записанными в документах Московского градского общества¹⁶. Таким образом, можно предположить серьезность проверки, которую проводили чиновники. Большинство дел, закончившихся для просителей положительно, длились от 1 до 6 месяцев, а некоторые завершились меньше чем за месяц¹⁷. Следовательно, данный вопрос решался чиновниками весьма оперативно.

Пример того, как процесс кончился ничем и человек не обрел полноценной фамилии, содержится в деле мещанина Гаврилы Федотова, просившего присвоить ему фамилию Ревелев¹⁸. Пример же того, как фамилию людям дать забыли, содержится в деле бывших дворовых Екатерины Никитиной и Анисьи Кондратьевой. Эти женщины просили причислить их к московскому мещанству и утвердить их фамилии. Пока решался первый вопрос, чиновники просто забыли о второй просьбе – о придании юридического статуса уличным прозвищам обеих просительниц. При этом надо заметить, что эти женщины, будучи грамотными, уже подписывали свои прошения фамилиями – Губарева и Каминская соответственно¹⁹. Ряд дел и вовсе остался нерешенным, так как в них оказались только прошения людей без итоговых резолюций об удовлетворении их желания²⁰.

Отсутствие фамилии не снижало правоспособность мещан или купцов. Среди поручителей, гарантировавших честность намерений тех, кто хотел придать юридический статус своим уличным прозвищам, встретилось достаточно много бесфамильных людей. Например, поручителем купчихи третьей гильдии Дарьи Ивановой был купец третьей гильдии Иван Васильев, а за купца третьей же гильдии Бориса Степанова ручались также купцы этой гильдии Алексей Максимов и Василий Леонтьев²¹. Наконец, за купца третьей гильдии Якова Никитина ручались трое купцов той же гильдии, и все без фамилий: Иван Григорьев, Ульян Петров и тезка просителя Яков Никитин²². Видно, что все эти люди фамилий не имели.

От поручителей, московских мещан и купцов, требовалось только одно: они должны были быть «достойными», т.е. фигурировать в соответствующих слободских реестрах и других списках, быть мужчинами и главами семей.

Закрепление фамилии из уличного прозвища происходило в присутствии и по поручительству представителей того сословия, к которому принадлежал проситель. Это говорит о том, что получение фамилии было событием общественным и обсуждавшимся в сословной среде. Лишь в двух расписках поручителей были обнаружены подписи купцов

третьей гильдии и мещанина²³, и еще в одной расписке среди поручителей – купцов третьей гильдии – встретился купец второй, правда не имевший фамилии²⁴, т.е., возможно, ставший им недавно.

В другом городе или в органах самоуправления других сословий официально присвоенная фамилия вполне могла считаться недействительной. В некоторых прошениях встречается указание на пропуск фамилии при оформлении документов при переходе в московское мещанство или купечество и на другие ошибочные действия чиновников, из-за которых люди должны были дополнительно обращаться в органы власти²⁵.

Таким образом, в первой четверти XIX в. в одном из крупнейших русских городов – Москве – в среде наиболее многочисленных сословий было заурядным явлением не обладать никакой фамилией. Люди могли жить во второй столице без фамилии годами, владеть жилыми и производственными помещениями, заниматься бизнесом и вступать в различные взаимоотношения с органами власти. Имел человек фамилию или нет, с него все равно собирали налоги и заставляли отправлять повинности. Более того, отсутствие фамилии не являлось препятствием для занятия достаточно весомых должностей, например, оценщика или ратмана в Управе благочиния²⁶. Такая «неполноценность» не мешала и успешной торговле или руководству предприятиями, на что указывают значительные состояния некоторых бесфамильных людей (8 тыс. рублей объявленного капитала)²⁷.

В первой четверти XIX в., как показывает анализ документов, власти не принуждали москвичей узаконивать их уличные прозвища. Люди пользовались фамилиями при оформлении документов, в том числе финансового характера, лишь тогда, когда они уже были зафиксированы в соответствующих документах. Московский городской магистрат вел строгий учет всех жителей города по сословиям, существовали также списки всех москвичей по сословиям и по каждой слободе, которые хранились в доме Московского градского общества. Однако в этих списках люди записаны как по фамилии, имени и отчеству, а также месту жительства, так и только по имени и отчеству с указанием адреса. Поэтому при выдаче, например, денежных ссуд погорельцам после Отечественной войны 1812 года писать в прошениях фамилию, если ее у человека не было, не требовалось, на что указывают стандартная форма прошений²⁸, сами эти прошения²⁹ и списки людей, получивших деньги от Комиссии для рассмотрения прошений обывателей³⁰, о которых уже было сказано.

Тексты прошений, резолюций Московского градского общества и подписок поручителей показывают, что чиновников (например, сотрудииков Московского городского магистрата) интересовало

при закреплении в официальном статусе уличного прозвища буквально одно – имущественная состоятельность: не было ли на человеке долгов, не планировал ли он мошенничество, не пытался ли избавиться благодаря получению фамилии от податей и повинностей. В связи с этим интересно отметить, что никакого удостоверения того, что получаемая фамилия действительно являлась общеизвестным уличным прозвищем, чиновники не требовали. Лишь в одном из архивных дел был обнаружен запрос об истинности информации, что у просителя действительно не было фамилии³¹.

При решении дел по приобретению фамилии бюрократия первой четверти XIX в. руководствовалась не современными ей законами или циркулярами, а «Артикулом воинским с кратким толкованием» (составная часть Воинского устава 1716 г.). Этот сборник законов уже столетней давности для людей эпохи 1812 года предлагал проверять наличие умысла у тех людей, которые хотели переменить свое имя, и наказывать за обман и «вредительное намерение»³².

Нужно обратить внимание и на то, что в сохранившихся архивных делах нигде специально не подчеркивалось, что документы на имущество данного лица и другие важные бумаги после приобретения фамилии будет необходимо переписать с учетом новой фамилии. Следовательно, московские чиновники первой четверти XIX в. были способны организовать свое делопроизводство так, чтобы не заставлять людей в случае приобретения ими официальной фамилии по-новому регистрировать все документы об имуществе, браке, рождении детей и т.п.

Внятная мотивация просителей, желавших получить фамилию, из их прошений, как правило, не определяется. Специальных аргументов, описаний жизненных обстоятельств и других фактов обычно в этих документах не приводилось. Просители лишь указывали, где они жили и в каком сословии состояли, а далее жаловались, например, так: «...но прозвища у себя никакого не имею»³³. Далее, не объясняя никаких причин, просители писали, что они желают «записаться в московское мещанство с прозвищем»³⁴, «присовокупить себе прозвание»³⁵, «иметь фамилию по первобытному крестьянскому названию»³⁶ или просто «принять себе фамилию»³⁷.

Лишь в крайне незначительном количестве изученных документов был все же указан мотив для приобретения фамилии: стремление к удобству заключения контрактов для ведения коммерческой деятельности, а также для рекламы. Например, купец третьей гильдии Василий Дмитриев описывал причину, зачем ему нужна фамилия, так: «...я везде именуюсь именно Хахловым (так в источнике. – А.К.), а по моему торговому производству оно для меня удобнее с означением фамилии»³⁸. Мещанин Гаврила Федоров просил присвоить ему

фамилию Носков, поскольку «по торговой моей с братом промышленности без прозвания бывает немалая остановка»³⁹.

Можно предположить, что этот мотив был характерен и для тех прошений, где он не был отражен напрямую, поэтому экономическую подоплеку можно рассматривать как одну из наиболее реальных причин изучаемого общественного явления.

Сообщение же о том, что отсутствие фамилии препятствует в оформлении других каких-либо документов, встретилось буквально в одном из изученных прошений, в котором купец третьей гильдии Семен Афанасьев по прозвищу Кудряшов жаловался на невыдачу ему паспорта⁴⁰, хотя, вообще говоря, паспорта выдавались и тем людям, у кого фамилий не было⁴¹.

Документы не содержат упоминания о каком-то торжественном обряде дарования новой фамилии, да и вообще не говорят, что это событие могло кем-либо восприниматься как рубежная инициация. Кроме того, в прошении ничего не говорится о священниках, религии и Боге, а это означает, что приобретение фамилии считалось обществом первой четверти XIX в. сугубо гражданской процедурой, заключительным шагом по выделению себя с помощью фамилии среди соседей и партнеров по бизнесу. Лишь в одном прошении из всей подборки (более 30 архивных дел) упоминался священник, причем к получению фамилии он отношения не имел, а только подтверждал вступление в силу вольной для дворового человека Ивана Фадеева Рыкунова⁴².

Иногда прошения могли подаваться людьми, знакомыми между собой и, очевидно, подверженными определенной моде. Например, в один и тот же день были поданы прошения двух купцов третьей гильдии, выходцев из экономических крестьян Владимирской губернии и живущих по соседству в Садовой Большой слободе⁴³. При этом надо подчеркнуть, что Замоскворечье, частью которого была эта слобода, в наибольшей степени пострадало от пожара, который здесь не пощадил практически ни одного дома⁴⁴, а значит, можно предположить, что получение фамилии просителями могло проходить на фоне их серьезных материальных трудностей.

О превращении своего уличного прозвища Родионов в фамилию мечтал и купец Иван Алексеев, который не жалел на это денег, несмотря на большое семейство – жену, пятерых собственных детей и троих племянников, оставшихся на его попечении после умершего брата⁴⁵. Известие о его новой фамилии было напечатано в газетах, и это стоило ему, как было сказано ранее, 5 рублей.

Наконец, следующая история демонстрирует еще большее упорство в стремлении получить фамилию. Живописец из крепостных Герасим Петров добивался закрепления за ним и его женой фамилии Петровский

полтора года, поскольку «...за отлучкою из Москвы и по одержимой болезнью за делом хождения иметь не мог...»⁴⁶. Выздоровев, он возобновил свое ходатайство и добился положительного результата.

Необходимо коснуться и еще одной темы. Выбор фамилии в первой четверти XIX в. в среде русского православного податного населения Москвы происходил не произвольно. Фамилии никто себе специально не придумывал, тем более никто не создавал себе фамилию-талисман. Все изученные документы говорят о том, что фамилии образовывались от реально существовавших уличных прозвищ. Сами просители считали свои стихийно сформировавшиеся уличные прозвища именно фамилиями, употребляя это слово в значении «официально существующее общеизвестное имя (прозвище, прозвание), передающееся от родителей к детям»⁴⁷.

О том, что приобретаемые просителями фамилии были не выдуманными, а общеизвестными среди соседей и других знакомых, говорит и то, что люди могли стремиться закрепить не обязательно благозвучное и эффектное прозвище, а вполне нейтральное: Носков, Зайцева, Родионов, Прибылов⁴⁸ и т.п.; были прошения о присвоении в качестве фамилий даже насмешливых, если вдуматься, прозвищ. К примеру, некоторые писали так: «...я имею желание именоваться прозванием Козюлицыным, о чем подданнейше и прошу»⁴⁹; «...ныне я желаю с семейством по народному названию именоваться прозвищем Свинухиным»⁵⁰; «...подобных мне имен и отчеств есть довольное количество; почему я имею желание присовокупить себе прозвание Простакова»⁵¹ и т.п.

Занимались официальным закреплением уличных прозвищ по преимуществу мещане и купцы третьей гильдии. Купцы первой и второй гильдий в основном фамилии уже имели; купцы же третьей гильдии фамилии не имели почти в трети случаев⁵². Также о фамилиях мечтали выходцы из экономических крестьян и вольноотпущенные, которые параллельно с получением фамилии пытались приписаться к московским городским сословиям.

Таким образом, буквально все податные сословия, представители которых жили в Москве, хотели в ту эпоху обладать официальными фамилиями, и вероятно, что многие из них уже имели уличные прозвища. Это желание было свойственно и крепостным крестьянам, о чем можно сделать вывод на основании их прошений, поданных в момент приписки к московскому мещанству или купечеству, хотя, как уже было отмечено, не все они стремились иметь собственную фамилию. Самостоятельно же реализовать мечту о полноценной фамилии могли только лично свободные люди.

В документах не указывается дата и место рождения просителей, членов их семей и поручителей, равно как и время, с которого человек

живет в Москве и приписан к тому или иному сословию. Не приводятся и данные о характере производства или об источнике доходов. Однако в прошениях могло быть указано, каков был социальный статус человека до приписки к московским сословиям; для вольноотпущенных это было обязательно. Наконец, лишь в одном из прошений встретилось упоминание о размере капитала, а именно в прошении вольноотпущенного Андрея Лазарева Ускова, который владел более чем 8 тыс. рублей⁵³.

Среди просителей преобладали мужчины, причем многие из них указывали наличие жен, детей и братьев; имена же родителей и сестер приводились значительно реже. Одни тщательно перечисляли имена членов своих семей, а другие обходились только выражением, например, «потомство мое»⁵⁴. Можно предположить, что приобретение официальной фамилии считалось событием, касавшимся всей семьи просителя, и полученную фамилию должны были носить они все, хотя в поданных в Московский городской магистрат документах просители выступали сами за себя.

В заключение следует уточнить общепринятую концепцию происхождения фамилий, которая формулируется так: «Фамилия стала необходимой, чтобы дать человеку четкие координаты в обществе, более надежные и постоянные, чем давало прозвище»⁵⁵. Проведенное на московском материале исследование показывает, что по меньшей мере в Москве в первой четверти XIX в. стремление иметь каждому человеку более «четкие координаты в обществе» исходило именно от населения, а не от государства. И одним из факторов, задававших темп этому процессу, стало серьезное изменение социального состава жителей Москвы в послевоенный период.

¹ Необходимо отметить работу на схожую тему, но посвященную другому региону, другому периоду и несколько иным аспектам проблемы, а именно появлению уральских фамилий в XVII в.: *Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий: Опыт историко-антропологического исследования: Дис. ... д. и. н. Екатеринбург, 2002.*

² ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 21. Д. 143. Л. 46 об. – 47, 349.

³ Там же. Оп. 9. Д. 145. Л. 2 об., 5, 12 об.

⁴ Там же. Д. 205. Л. 2; Д. 209. Л. 2, 3; Д. 227. Л. 2; а также другие дела фонда 32.

⁵ См., например: Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 301. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 21. Д. 143. Л. 4. П. 119.

⁷ См. все дело, выразителен пример на л. 14: Там же. Ф. 16. Оп. 30. Д. 208.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ См.: Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 41. Л. 1, 2, 23, 38 и др. Документ не датирован, но по почерку можно предположить, что время его создания, скорее всего, относится к середине XIX в.

¹⁰ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216. Л. 1.

- ¹¹ См.: ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 404. Л. 2.
- ¹² Упоминание о публикации в газетах см.: Там же. Д. 273, 281, 350, 364, 391 и др.
- ¹³ См.: Там же. Ф. 105. Оп. 4. Д. 22. Л. 55 об., 56 и др.
- ¹⁴ См. пример такой отметки: Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 311 СФ. Л. 8 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 246. Л. 3.
- ¹⁶ См.: Там же. Д. 1390. Л. 3 об.
- ¹⁷ См., например: Там же. Д. 145 (с 12 по 19 января 1814 г.), 339 (с 22 апреля по май 1814 г.) и др.
- ¹⁸ См.: Там же. Д. 249.
- ¹⁹ См. указание уличных прозвищ в качестве фамилий в подписях Губаревой и Каминской под их прошением: Там же. Д. 316. Л. 1 об. См. также журналы заседаний 2-го департамента Московского городского магистрата, свидетельствующие о том, что просьбу признать уличные прозвища Губаревой и Каминской в качестве фамилий чиновники, очевидно, забыли, пока занимались их припиской к московскому мещанству: Там же. Оп. 21. Д. 143. Л. 46 об. – 47.
- ²⁰ См., например: Там же. Оп. 9. Д. 237, 241 и др.
- ²¹ См.: Там же. Д. 364. Л. 3; Д. 284. Л. 3.
- ²² См.: Там же. Д. 297. Л. 3.
- ²³ См.: Там же. Д. 1390. Л. 3–3 об.; Д. 1391. Л. 3–3 об.
- ²⁴ См.: Там же. Д. 361. Л. 3.
- ²⁵ См., например: Там же. Д. 56, 350 и др.
- ²⁶ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 364. Л. 22.
- ²⁷ См. пример: Там же. Д. 454. Л. 30 об. – 31.
- ²⁸ См.: Там же. Ф. 46. Оп. 8. Д. 567. Л. 18.
- ²⁹ См., например: Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 290. Л. 1, 3 об., 5 (прошения); Л. 2, 4, 8 (делопроизводственные документы).
- ³⁰ См.: Там же. Ф. 16. Оп. 30. Д. 208. Л. 14 и др.
- ³¹ См.: Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 361. Л. 3 об.
- ³² Артикул воинский с кратким толкованием // Воинский устав 1716 года. Глава 22. Артикул 202.
- ³³ ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 246. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Д. 145. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Д. 1390. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 361. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Д. 189. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Д. 56. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Д. 227. Л. 1.
- ⁴⁰ См.: Там же. Д. 1391. Л. 1.
- ⁴¹ См. пример: Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 316. Л. 7 и др.
- ⁴² См.: Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 392. Л. 1 об.
- ⁴³ См.: Там же. Д. 350 и 361.
- ⁴⁴ См., например, ведомость 1817 г. сгоревших в Москве в Отечественную войну домов: Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 382б. Л. 7 и др., а также многочисленную литературу, например: *Сытин П.В.* Пожар Москвы в 1812 году и строительство города в течение 50 лет // История планировки и застройки Москвы. Т. 3. М., 1972.
- ⁴⁵ См.: ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 247. Л. 1, 2.
- ⁴⁶ Там же. Д. 257. Л. 8.
- ⁴⁷ См. примеры в: Там же. Д. 56, 189, 205, 350, 361 и др.
- ⁴⁸ См.: Там же. Д. 227, 147, 247, 1408.

⁴⁹ См.: ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 9. Д. 526. Л. 1.

⁵⁰ См.: Там же. Д. 1135. Л. 1.

⁵¹ См.: Там же. Д. 2791. Л. 1.

⁵² См., например, список купцов третьей гильдии Большой Садовой слободы, в которой числилось наибольшее количество московских купцов: из 225 человек фамилий не имели 72. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 364. Л. 84–116.

⁵³ См.: Там же. Ф. 32. Оп. 9. Д. 259. Л. 1.

⁵⁴ См.: Там же. Д. 190. Л. 1.

⁵⁵ Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских фамилиях. СПб., 2010. С. 12.

В.С. Карташов

**Псевдогерой
Отечественной войны 1812 года
профессор Т. Реннер**

В «Слове о благочестии и нравственных качествах гиппократова врача», произнесенном на открытии обновленного медицинского факультета Императорского Московского университета 13 октября 1813 г., декан врачебного отделения профессор М.Я. Мудров описал грозные дни наполеоновского нашествия на Москву:

«Когда неистовый враг наш внес с собой в сердце России оружие и пламя, тогда замолкли науки и искусства в нашем святилище. <...> Бóльшая же часть воспитанников Московского университета, то есть те, кто могли препоясать меч, услышав воззвание Государя Императора, ополчиться противу врага, – бóльшая часть из них, оставя мирные науки и искусства, подняли оружие во спасение Отечества и во славу царя, отеческим милосердием их вскормившего. Наш же медицинский факультет совершенно закрылся за лишением профессоров и студентов или, лучше, покрыл себя славою и доблестями. Одни пошли на поле брани, другие поехали сопровождать раненых, на брани Бородинской уязвленных. <...> Профессор публичный ординарный, доктор Реннер, оставив кафедру ветеринарной науки, вступил в козацкие полки. Да благословит Всевышний подвиги его в пользу воинствующего народа!..»¹.

Профессор Т. Реннер был упомянут в речи М.Я. Мудрова среди защитников Отечества незаслуженно. Как сказано в Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, Реннер Теобальд (1779–1850) прибыл в Россию в 1802 г., был удостоен степени доктора медицины в 1810 г., а в 1811 г. – звания экстраординарного профессора ветеринарной науки Императорского Московского университета. В 1812 г. он был определен полковым врачом и отправился с русскими войсками за границу. В 1813–1814 гг. печатался в каталогах преподавания находящимся в отсутствии, при армии².

На самом деле, еще 5 февраля 1813 г. ординарному профессору Реннеру было предписано: «...по получении сего имеете вы немедленно отправиться в Москву к своей должности и явиться во временную комиссию, для управления делами Московского учебного округа учрежденную». Однако «доктор медицины Реннер изъявил желание вступить во 2-й Украинский казачий полк на военное время штаб-лекарем с тем, чтобы он числился в университете и по окончании кампании мог возвратиться по-прежнему к своему месту»³. Но, по донесению Совета университета попечителю университета П.И. Голенищеву-Кутузову от 21 февраля 1816 г., «ординарный профессор скотоврачебной науки Реннер, числящийся при армии, по прекращении теперь военных действий к должности до сих пор не является»⁴. Между тем, по сообщению Главного штаба Его Императорского Величества, «2-й Украинский казачий полк по окончании кампании вступил в границы России в августе месяце 1814 г.». В апреле 1816 г. П.И. Голенищев-Кутузов был уведомлен, что военный министр «приказал кому следует обратиться к Реннеру к прежнему его месту в университет».

В июне 1816 г. Реннер прислал в университет из Берлина письмо с прошением, «в коем прописывает, что он находился в третьем Украинском казачьем полку и что по причине своей болезни возвращаться к своей должности не может, почему просит снабдить его надлежащим аттестатом и выдать причитающееся ему жалованье; причем он оставляет половину доводящегося ему жалованья для общей пользы; при прошении приложил и свидетельство о своей болезни...»⁵.

По собранным по сему случаю сведениям оказалось, что «Реннера не только во 2-м Украинском полку, куда он намеревался определиться на время прошедшей кампании, не состоит, но он никогда как в сей полк, равно и ни в какое другое место военного ведомства не являлся. Поелику же Реннер ныне по желанию его уволен вовсе из университета <...> во все продолжение кампании никакой службы не нес, то по сему нисколько ему и жалованья не следует...». В результате, в сентябре 1816 г. в Правлении университета было определено: причитающееся Реннеру из Московского университета жалованье с 1 мая 1812 года 7920 руб. обратить в хозяйственную сумму университета⁶.

Реннер остался в Германии, в 1816 г. посещал лекции по анатомии в Берлинском университете и в том же году был назначен профессором сравнительной анатомии и директором ветеринарного института, вновь учрежденного при Йенском университете, исполнял должность йенского ветеринарного штабт-физика (городского ветеринарного

врача)⁷. А в России он до самой своей смерти числился в «Российском медицинском списке» как доктор⁸.

¹ Мудров М.Я. Избранные произведения. М., 1949. С. 169–170.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Часть II. М., 1855. С. 348–349.

³ ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 717. Л. 1–27.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Биографический словарь... С. 348–349.

⁸ Российский медицинский список на 1850 год. СПб., 1850. С. 326.

В.В. Павленко

Столетие войны 1812 года. Юбилейные торжества в Москве

Россия отмечает 200-летие Отечественной войны 1812 года и Бородинские торжества. И сегодня интересно вернуться на 100 лет назад, в 1912 год, и посмотреть, как же 100-летний юбилей Бородинской битвы праздновали в первопрестольной столице Российской империи.

Руководитель Межведомственной комиссии по подготовке празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года генерал от инфантерии В.Г. Глазов в мае 1910 г. представил свои предложения «По поводу чествования юбилея 1812 года», где он подчеркивал, что «100-летний юбилей столь знаменательного исторического события несомненно вызовет крайне разнообразные формы чествования в различных областях общественной жизни – в военной среде, в науке, в искусстве. И так как план Наполеона заключался в поражении нашей армии, а затем – занятии Москвы, которое он считал равносильным поражению России “в ее сердце”, то все мероприятия по чествованию юбилея могли быть разделены на 3 разряда: А – для армии, Б – для Москвы, В – общественные». В разряде Б (Москва) он отмечал, что «чествования должны носить двойной характер: 1) чисто военный, сосредоточенный в пределах Московского военного округа, и 2) общественный, относящийся исключительно к Москве»¹.

Спустя полтора года в высочайше одобренном «Соображении о порядке празднования предстоящего юбилея Отечественной войны 1812 года» особо подчеркивалось, что «торжества в Москве в последующие после 26 августа дни будут носить не исключительно военный характер, так как в них, несомненно, примут участие дворянство, земство и городское управление, что же касается войск, кои в то время будут составлять гарнизон г. Москвы, то участие их в московских торжествах имеет выразиться производством им общего парада»².

«Великим памятником славной исторической эпохе» Глазов называл предполагаемое открытие в Москве Музея в память войны 1812 года. К началу 1911 г. для его создания было собрано 170 тыс. рублей добровольных пожертвований. Но по программе требовалось отпустить

на строительство музея еще 450 тыс. рублей. Обсуждалось несколько мест, где бы он мог открыться. Первоначально речь шла о площадке рядом с храмом Христа Спасителя, чтобы сосредоточить там все памятники, связанные с именами героев войны 1812 года³. Постепенно от этой идеи по разным причинам отказались, а под музей решили передать часть здания кремлевского Арсенала. Собранные же для музея экспонаты хранились на складе в Потешном дворце и нижнем коридоре храма Христа Спасителя. Поскольку и в Арсенале к юбилею музей не был готов, все собранные предметы в августе 1912 г. были представлены на юбилейной выставке в Историческом музее.

Одним из главных пунктов юбилейной программы комиссия считала сооружение в Москве панорамы Бородинского боя, как наиболее яркого события Отечественной войны, которую должен был создать профессор живописи Ф. Рубо. В ноябре 1910 г. Николай II осмотрел эскиз панорамы и, выразив одобрение, распорядился передать на ее создание из сумм императорского двора 50 тыс. рублей. Всего же по контракту, заключенному Рубо с военным ведомством, он получил 120 тыс. рублей. По расчету, представленному руководителем Межведомственной комиссии В.Г. Глазовым, еще 350 тыс. были необходимы для постройки здания панорамы. Однако в апреле 1911 г. Совет министров одобрил выделение только части необходимых для проведения торжеств сумм, поэтому к августу 1912 г. планировалось открытие панорамы во временной постройке, по примеру временного здания, сооруженного в Санкт-Петербурге на Марсовом поле для Севастопольской панорамы. Основное же здание в Москве предполагалось возвести на деньги, собранные от входной платы. На оплату аренды земли и постройку временного здания выделялось из государственной казны только 50 тыс. рублей⁴.

«Правительственный вестник» в начале мая 1912 г. сообщал, что «при Московском окружном инженерном управлении образована специальная комиссия для устройства в Москве Бородинской панорамы 1812 года. Для панорамы будет возведено соответствующее временное здание на Чистопрудном бульваре. К постройке приступили в мае 1912 года»⁵. В июне та же газета извещала читателей, что строительство будет окончено к 10 июля. Сообщалось, что здание будет приспособлено для размещения в нем громадного холста с панорамой в 120 на 22 аршина. Павильон был построен по проекту инженера Воронцова-Вельяминова.

И еще одно предложение, касающееся Москвы, было внесено на обсуждение Комиссии в рамках подготовки к юбилею – «сделать надлежащие исправления и добавления для 177 мраморных досок, расположенных на стенах нижнего коридора храма Христа Спасителя».

На них были нанесены краткие описания (в хронологическом порядке) сражений 1812 года, но, как выяснилось, с большими неточностями. Предполагалось, что редактирование и исправление надписей, а также подготовка сметы расходов для этих работ будут возложены на Московское отделение общего архива Главного штаба⁶. На работы по исправлению мраморных досок планировалось выделить 22 640 рублей.

Вопрос об исправлении досок в храме Христа Спасителя неоднократно обсуждался в обществе. Так, на страницах газеты «Русский инвалид» один из авторов замечал: «Разве можно назвать эти доски историческими, как составители досок не потрудились для столь важного государственного дела проверить все ими написанное по архивным данным. Неужели же и к великому юбилею доски в храме так и останутся в таком безобразном состоянии, как в редакционном отношении, так и с точки зрения исторической правды? Ведь время еще есть, не надо только жалеть денег, ибо их трата оправдывается великой идеей – увековечивания великих событий на вечные времена»⁷. Но чем ближе был праздник, тем реже стали вспоминать о них, и доски в храме Христа Спасителя так и не были переделаны. Полковник Н.П. Поликарпов, один из авторов проекта, еще в начале обсуждения этого вопроса считал, что, «по единогласному мнению специалистов, это исправление досок сопряжено с такими техническими трудностями и денежными затратами, что приходится отказаться от мысли об исправлении этих досок и предоставить эту работу грядущим поколениям. Но теперь же необходимо составить верный текст надписей и поместить их на временных деревянных досках, развесив их по стенам Музея 1812 года»⁸.

В проекте, подготовленном полковником Поликарповым, было упоминание и еще об одном московском памятнике. Он писал, что до сих пор не исполнен рескрипт императора Александра I от 14 ноября 1812 г. на имя губернатора Москвы графа Ф.В. Ростопчина «на память многократных побед воздвигнуть в Москве из отнятых у французов орудий увенчанный лаврами столп». К тому времени проект памятника детально был разработан генерал-майором Петровым и его реализации мешало лишь отсутствие средств. Среди возможных мест установки памятника называли южный спуск к Москве-реке у храма Христа Спасителя и Московский Кремль. Комиссия предлагала отпустить на постройку памятника из отбитых у неприятеля пушек 185 тыс. рублей, однако деньги не были выделены.

Помощник главного архитектора Москвы Резанов и главный архитектор храма Христа Спасителя И.И. Поздеев там же, на площади, прилегающей к храму Христа Спасителя, предлагали установить

памятники героям Отечественной войны: императору Александру I и Барклаю де Толли со стороны Москвы-реки, императору Николаю I и М.И. Кутузову со стороны Пречистенки и в промежутке между ними две часовни, посвященные иконам Смоленской и Владимирской Богоматери⁹. Но и этот план не был реализован.

Одно из сохранившихся, почти в первоизданном виде, свидетельств вековой давности, которое может и ныне рассказать нам о грандиозных торжествах столетнего юбилея в Москве, – Бородинский мост у Дорогомиловской заставы. Городская управа хотела приурочить его открытие к годовщине Бородинской битвы. Были разработаны условия конкурса для строительства моста и представлены на рассмотрение Городской думы. В марте 1910 г. предполагалось опубликовать условия конкурса, с предоставлением проектов к 15 ноября 1910 г. Окончание рассмотрения проектов и присуждение премий намечалось к 15 февраля 1911 г. Были учреждены три премии – по 6 тыс., 4,5 тыс. и 3 тыс. рублей. Планировалось, что к марту 1911 г. могут быть завершены торги на постройку моста и сданы работы «с учетом, чтобы береговые устои и быки» были закончены не позднее 1 октября 1911 г., сборка металлических частей моста и окончательная отделка – к 1 августа 1912 г. Стоимость моста шириной 12 сажень предварительно оценивалась в 900 тыс. рублей¹⁰.

Московской городской думой обсуждался вопрос и о художественно-архитектурных украшениях Бородинского моста. Согласно проекту академика архитектуры Р.И. Клейна, новый мост возводился как памятник Бородинскому сражению. По обеим сторонам въезда на него планировалось поставить по обелиску. С лицевой стороны обелиски должны были украшать бронзовые барельефы с изображением на правом из них сражения на Шевардинском редуте, а на левом – поклонения войск на Бородинском поле иконе Смоленской Божьей Матери Одигитрии. На оборотной стороне обелисков предполагалось разместить гербы Московской и Смоленской губерний, а на остальных двух сторонах – инициалы императора Александра I и бронзовые доски с именами павших героев Отечественной войны. На четырех углах намечалось поставить изваяния орлов, поддерживающих гирлянды из лавровых листьев¹¹. Но закладка моста в присутствии военных и гражданских властей состоялась только 19 февраля 1912 г.¹² 25 августа 1912 г. прошел молебен по случаю открытия движения, хотя мост еще не был окончательно готов. Освящение моста перенесли на следующий, юбилейный год 300-летия царствования дома Романовых.

Русская православная церковь также участвовала в подготовке юбилейных торжеств. Московским митрополитом была организована особая комиссия под председательством епископа Анастасия,

в которую вошли известные археологи и историки, а также художник В.М. Васнецов. Комиссии было поручено заниматься разработкой вопросов об участии московского церковного управления в праздновании предстоящего столетия Отечественной войны 1812 года.

Принял участие в подготовке к торжествам и Церковно-археологический отдел при Московском обществе любителей духовного просвещения. Он начал сбор и публикацию материалов по истории церкви Московской епархии за время войны 1812 года. Были подготовлены статьи председателя отдела священника Н.Я. Скворцова «Ведомость о состоянии церкви Китайгородского сорока города Москвы после неприятельского нашествия» и секретаря отдела дьякона Н.П. Виноградова «Сведения о состоянии церкви Рузского уезда Московской епархии после неприятельского нашествия». Эти исследования были опубликованы в Трудах отдела и в Чтениях общества¹³.

В апреле 1912 г. совещание московских думских комиссий постановило истратить 6000 рублей на ремонт Триумфальных ворот и привести в порядок за счет города могилы и надгробные памятники героям войны 1812 года на московских кладбищах. На это выделялось 1200 рублей. Предполагалось привести в порядок могилы на Пятницком кладбище: генерал-майоров Р.А. Чичагова, П.Н. Тактакова, ротмистра гусарского полка М.И. Готовцева, который был в свите императора Александра I в Париже, генерал-майора С.Е. Иванова 3-го, участника шведской и французской кампаний, капитана 2-го ранга П.Б. Головачева, генерал-майора Б.А. Асламбекова и протоиерея А. Грешнева; в Новодевичьем монастыре – могилы писателей-современников эпохи Отечественной войны М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова и Дениса Давыдова. На Введенском иноверческом кладбище планировалось проведение работ на могиле графа П.И. Палена, а в Новоспасском монастыре – на могиле священника Петра Гаврилова, убитого французами на паперти церкви Св. Сорока Мучеников. На Дорогомиловском кладбище велись работы на братской могиле 300 воинов, павших на Бородинском поле¹⁴.

Во всех городских школах планировалось организовать чтения по истории Отечественной войны с выдачей популярных брошюр¹⁵. На приобретение световых картин для чтений об Отечественной войне ассигновано было 600 рублей, на раздачу в городских школах учащимся брошюр – 2000 рублей. По сообщениям «Московских ведомостей», юбилейное издание «Двенадцатый год» генерала Е.В. Богдановича раздавалось с 15 августа в Москве в церквях, войсковых частях и учебных заведениях, а также вручалось прибывшим на торжества городским головам, волостным старшинам и депутациям. Книгу также раздавали в Смоленске и на Нижегородской ярмарке. Всего было распространено более 200 тыс. экземпляров¹⁶.

21 мая 1912 г. на объединенном заседании Городской управы и Комиссии о пользе и нуждах общественных под председательством московского городского головы обсуждался вопрос о подготовке города к торжествам и о выделении на празднование дополнительных средств. На украшение Бородинского моста, здания Городской думы и других зданий было ассигновано 20 000 рублей. На иллюминацию Городской думы отводилось 3000 рублей, 500 рублей на иллюминацию городского сада в Сокольниках, 1500 – на устройство концерта на Сокольничьем кругу с иллюминацией, 2000 – на оплату оркестра для игры на бульварах, в скверах и садах, 2500 рублей – на изготовление медалей в честь юбилея Отечественной войны. На организацию празднования в городских школах и на изготовление подарков от учащихся высочайшим особам ассигновано было до 3200 рублей. Решено было выделить 10 000 рублей для раздачи бедным через городские попечительства. Кроме того, на непредвиденные расходы планировалось 15 000 рублей.

Совещание постановило присвоить имя императора Александра I одному из городских училищных зданий, постройка которого намечалась в первую очередь.

Для приема высочайших особ в здании Городской думы отводилась сумма в 10 000 рублей¹⁷. Именно к визиту Николая II в Москву, намеченному на 27–30 августа 1912 г., были приурочены главные торжества. Накануне официальных торжеств, 25 августа, в Казанском соборе была совершена панихида по императору Александру I и всем павшим в Отечественную войну вождям и воинам. По ее окончании возложили венки на могилы воинов, похороненных на московских кладбищах.

26 августа все войска, сосредоточенные в Москве, собрались на Ходынском поле, где после благодарственного молебна был зачитан высочайший приказ по армии и флоту, а затем прошла репетиция парада. Публику на репетицию пускали по билетам, сбор от которых предназначался Московскому воздухоплавательному обществу, на средства которого были выполнены строительные работы на Ходынском поле.

Предлагалось несколько программ пребывания императора в Москве. Так, в Российском государственном историческом архиве сохранилась очень интересная переписка, где обсуждается вопрос о церковных службах в дни высочайшего посещения Москвы. По мнению Московской церковной комиссии, праздник в первую очередь «должен иметь важное воспитательное значение для народа. Соответственно предстоящие юбилейные торжества в Москве должны быть ознаменованы прежде всего торжественной всенародной церковной молитвой». Поэтому в Москве предполагалось провести:

29 августа – заупокойное богослужение в храме Христа Спасителя – памятнике Отечественной войны 1812 года с поминовением всех участников и деятелей этой достопамятной эпохи, так как в этот день издавна совершается поминовение воинов, за Веру, Царя и Отечество на брани живот свой положивших;

30 августа – торжественную литургию в Успенском соборе, крестный ход с несением московских святынь и с участием всего московского духовенства и благодарственное молебствие на Красной площади по праздничному чину. 30 августа – день памяти св. благоверного князя Александра Невского, покровителя всех императоров Александров.

Но в последующем, уже в Петербурге, решили перенести на 27 августа (первый день пребывания императора в Москве) крестный ход из Успенского собора и следующее затем молебствие. Крестный ход должен был начаться сразу после высочайшего выхода в Успенский собор в 2 часа 45 минут. Это изменение, внесенное в церковно-богослужебную сторону предстоящих торжеств, вызвало целый ряд возражений. В записке отмечается, что «совершенно не в духе Москвы устраивать торжественные крестные ходы и всенародные моления без совершения литургии и в столь сравнительно поздний час дня. Крестные ходы всегда совершаются в Москве или до литургии, или следуют непосредственно за ней и стоят в неразрывной связи с нею. Если на этот раз будет сделано отступление от этого исконного московского народно-церковного обычая, то есть основания опасаться, что это смутит совесть всех, кому дороги добрые заветы старины, и самое молебствие, совершенное при такой обстановке, может не произвести того подъема народного духа, которого надо ожидать в столь знаменательный момент нашей исторической жизни». Также представлялось неестественным, что «император без всякого церковного молитвословия проследует через Успенский собор, чтобы только присоединиться к стоящему наготове крестному ходу. К тому же придворные чины, которые следуют позади крестного хода, будут идти узкой лентой по особо устроенному помосту, и последние ряды достигнут места совершения молебствия в то время, когда оно уже будет приближаться к концу. Таким образом, многие из означенных лиц не будут иметь возможности приобщиться к всенародной молитве и не услышат высочайшего манифеста, который будет читаться с высоты помоста народу». Более того, после двух напряженных дней в Бородино, говорилось в записке, первый день по прибытии императора в Москву нецелесообразно делать центральным днем московских юбилейных торжеств.

Автор записки сокрушался, что «вопреки установившемуся повсюду порядку празднования исторических юбилеев, поминовение

участников войны 1812 года будет следовать за празднованием победы, а не предупреждать его, как это обыкновенно бывает». По словам секретаря церемониальной части, эти изменения произошли главным образом из-за того, что царь выразил желание в первый же день по приезде в Москву «явить себя народу торжественным выходом с Красного крыльца в Успенский собор». И далее автор отмечает, что «преклоняется перед таковой волей императора, однако предлагает разделить эти два момента: 27 августа назначить только высочайший выход в Успенский собор с установленной встречей и кратким молебствием в соборе, а 30-го – торжественную литургию, крестный ход и благодарственное молебствие, причем государь может пожаловать в собор по его изъявлению – к литургии или прямо к крестному ходу»¹⁸.

Свое несогласие с новой программой высказал и преосвященный епископ Анастасий. В личной беседе с градоначальником Москвы А.А. Адриановым он подчеркивал, что крестный ход уместнее устроить 30 августа после литургии; поздний крестный ход, посреди дня 27 августа, не соответствует правилам москвичей, так как его положено совершать натошак. Адрианов, в свою очередь, изложил графу Бенкендорфу свои соображения по поводу крестного хода, намеченного 27 августа из Успенского собора к Лобному месту. Он считал, что нет надобности в крестном ходе к Лобному месту, так как среди московских обывателей оно связано с местом казни. Также он отмечал, что крестный ход будет и на Бородинском поле, поэтому достаточно ограничиться императорским выходом в Успенский собор, где будет прочитан манифест¹⁹.

Здесь не случайно уделено столько внимания, казалось бы, незначительному факту в программе торжеств. Именно в этом подробном изложении хотелось показать желание жителей столицы придать истинно московский характер торжествам, в первую очередь в неукоснительном следовании традициям Первопрестольной, пережившей разорение наполеоновскими войсками. Эти замечания были учтены при подготовке окончательного варианта «Порядка празднования в Москве».

Итак, 27 августа 1912 г. император с семьей прибыл на Александровский (ныне – Белорусский) вокзал в Москву. Его встречали 130 начальников отдельных воинских частей Московского военного округа, 13 уездных предводителей дворянства, 13 председателей земских уездных управ, 52 начальника административных и судебных учреждений Московской губернии, статс-дамы и фрейлины во главе со статс-дамой баронессой Фредерикс. С вокзала государь направился в Большой Кремлевский дворец, по пути остановившись у часовни Иверской иконы Божьей Матери.

В два часа дня состоялся высочайший выход в Успенский собор, после чего императорскую семью встречали в Доме дворянского собрания. В соответствии с утвержденным планом в вестибюле Николаю II поднесли хлеб-соль, а императрице и великим княжнам в аванзале супруга московского уездного предводителя дворянства преподнесла букеты цветов. В большом зале после представления императору дворян Московской губернии было исполнено краткое музыкальное отделение и в это время сервирован чай. Затем губернский предводитель дворянства князь Урусов от имени всех дворянских обществ поднес императору стяг в память 100-летнего юбилея. На изготовление стяга было получено всемиростивейшее соизволение в мае 1912 г.²⁰

28 августа началось с парада войск частей Московского военного округа на Ходынском поле. Перед началом церемониального марша императору были представлены депутации для поднесения хлеба-соли: от Московского воздухоплавательного общества во главе с его председателем генерал-майором свиты его величества губернатором Москвы В.Ф. Джунковским, от правления Русского монархического союза в Москве, от правления Общества русских патриотов в Москве и от крестьян села Всехсвятского²¹. Тогда же, 28 августа, в 4 часа дня в Кремле на Боярской площадке был устроен обед для прибывших в Москву волостных старшин из всех губерний и областей Российской империи, включая и представителей инородческого населения²².

В тот же день, в 5 часов вечера, императорская чета посетила Городскую думу, где городской голова под звуки марша Преображенского полка поднес Николаю хлеб-соль. (Стоит отметить, что по правилам, принятым с середины XIX в., хлеб-соль и цветы были единственными возможными подношениями императору и императрице. Поэтому дарители могли соревноваться только в фантазии и стоимости при изготовлении подносных блюд и солонок, хотя и здесь существовал негласный запрет на подношение блюд из драгоценных металлов.) Императорскую семью в Большом думском зале встречали весь состав Московской городской думы и дамское общество, а в Малом зале – учащиеся, попечительницы и попечители школ, городские служащие. Императору продемонстрировали модель Бородинского моста, и городской голова преподнес медали в память Двенадцатого года. А в Малом зале учащиеся городских училищ вручили подарки для наследника и царских дочерей. Далее всех гостей ждал сервированный чай и стол с десертами. Городской голова поднес их величествам шампанское в кубках и провозгласил здравицу в их честь²³. Вечером того же дня состоялся парадный обед для военных чинов в Кремле, где присутствовали прямые потомки героев Бородинского сражения и Отечественной войны, а также французские гости, приехавшие на торжества.

29 августа в храме Христа Спасителя прошла божественная литургия с возгласением заупокойной ектении и поминовением всех погубивших. Днем в Кремле на Царской и Сенатской площадях императора приветствовали учащиеся московских средних учебных заведений, ремесленных школ и городских училищ Министерства народного просвещения, а также земских и церковно-приходских школ Московской губернии. От каждого заведения предполагалось участие от 1 до 4 взводов по 16 человек. Во время церемониального марша каждая школа шла со своим стягом, который несла знаменная группа из трех человек. Сводный батальон от всех учебных заведений в составе 500 человек показал императору упражнения сокольской гимнастики, и детский хор в 3000 голосов исполнил юбилейную кантату под руководством директора Консерватории, композитора и дирижера Ипполитова-Иванова. Затем государь осмотрел выставку Музея 1812 года, открытую в Историческом музее, и панораму Бородинского боя во временном павильоне на Чистых прудах.

В последний день визита в Москву, 30 августа, в день памяти св. Александра Невского, прошла литургия в Успенском соборе Московского Кремля, а затем состоялся крестный ход на Красную площадь, где был зачитан высочайший манифест и совершен молебен. Последним пунктом московского визита императорской семьи было посещение Кустарного музея, прием депутаций от земств и кустарей.

Визиты императора в Москву были не очень частыми. Впервые после революционных событий 1905–1907 гг. он посетил Первопрестольную в мае 1912 г. по случаю открытия памятника императору Александру III и Музея изящных искусств. Поэтому понятно желание московских властей как можно полнее показать Николаю достижения города и губернии, чем и был обоснован, в частности, его визит в Кустарный музей Московского губернского земства. Городские власти хотели представить все многообразие ремесленных промыслов Московской губернии. В музее императора ждали мастера, которые показывали приемы своей работы и готовую продукцию. Депутации от кустарей различных промыслов поднесли Николаю свои изделия²⁴.

Вечером в Большом Кремлевском дворце был дан парадный обед в честь героев войны 1812 года, после чего императорская семья отбыла в Смоленск²⁵.

Император остался доволен проведенными торжествами. Была объявлена «высочайшая благодарность московскому губернатору В.Ф. Джунковскому за отменный порядок при высочайшем посещении Бородинского и Ходынского полей и при проследовании по Московской губернии; московскому градоначальнику А.А. Адрианову – за отличный порядок на улицах города во время высочайшего

пробывания в Москве»²⁶. Заведующий Музеем кустарных изделий Московского губернского земства А.Г. Крапивин был пожалован бриллиантовым перстнем, а художник при музее Н.Д. Бартрам – золотой булавкой с бриллиантами.

В благодарность за участие в смотре 29 мая в Кремле на Сенатской и Царской площадях Николай II распорядился отправить свои портреты в московские земские и церковно-приходские школы. Всего было разослано 30 000 портретов императора²⁷.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 85. Л. 6 об.

² Там же. Ф. 922. Оп. 1. Д. 120. Л. 118.

³ Там же. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 85. Л. 8.

⁴ ГАРФ. Ф. 1838. Оп. 1. Д. 350. Л. 17.

⁵ Правительственный вестник. 1912. № 99. С. 2.

⁶ Там же. 1911. № 22. С. 2.

⁷ Русский инвалид. 1911. № 175. С. 5.

⁸ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 120. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 59–60.

¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 85. Л. 23.

¹¹ Правительственный вестник. 1911. № 256. С. 2.

¹² Там же. 1912. № 63. С. 4.

¹³ Там же. 1911. № 31. С. 3.

¹⁴ Московские ведомости. 1912. № 137. С. 3.

¹⁵ Там же. № 77. С. 3.

¹⁶ Там же. № 204. С. 3.

¹⁷ Там же. 23 мая.

¹⁸ РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1772. Л. 7–9.

¹⁹ Там же. Ф. 472. Оп. 45. 1912 г. Д. 44 а. Л. 38.

²⁰ Там же. Л. 224.

²¹ Там же. Л. 471.

²² Там же. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1579. Т. 1. Л. 194.

²³ Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1772. Л. 139.

²⁴ Там же. Л. 166.

²⁵ Там же. Л. 51.

²⁶ Московские ведомости. 1912. 2 сентября.

²⁷ Там же. 19 сентября.

Л.В. Митрошенкова, С.В. Львов

Программа Музея 1812 года в Москве (1908–1919): судьба проекта в эпоху проектов

В предлагаемой статье рассматривается история формирования, развития и частичного воплощения в жизнь программы Музея 1812 года. Хотя в полной мере она так и не была реализована и Музей войны 1812 года на карте Москвы не появился, его программа и история попыток ее воплощения заслуживают внимательного изучения. Во-первых, потому, что была реализована значимая часть этой программы: в Москве появился необычный музей – панорама «Бородино». Во-вторых, многие концептуальные идеи, положенные в основу создания Музея 1812 года, не только отвечали современному им уровню развития музейного дела (что важно само по себе в историческом аспекте темы), но и сегодня не лишены актуальности с точки зрения теоретического музееведения. В состав Особого комитета по сооружению в Москве Музея 1812 года входили высокообразованные люди, среди которых немало было специалистов музейного дела и коллекционеров. Например, такие известные музейщики, как А.А. Бахрушин, П.И. Щукин, Н.С. Щербатов, которые стояли у истоков созыва Предварительного музейного съезда и внесли весомый вклад в развитие основных положений музееведческой науки того времени. Все свои знания, свое понимание музейной работы во всех ее наиболее важных направлениях (от комплектования и описания коллекций до ведения экскурсий и составления каталогов) они могли и пытались реализовать, создавая Музей 1812 года «с нуля». Частично их разработки были использованы при организации панорамы «Бородино».

Деятельность членов комитета по созданию Музея 1812 года рассматривается в рамках данной работы как проектная, поскольку имела все характерные черты таковой: четко выраженные цели, ясно осознаваемые задачи, внятную программу, разделенную на виды и этапы работ. С этой же точки зрения предлагается оценка результатов, полученных к концу существования Особого комитета. В дальнейшем в данной работе будет употребляться именно это, сугубо современное, но терминологически точное слово – проект.

В историографии попытка осмысления проектной деятельности по созданию Музея 1812 года и панорамы «Бородино» предпринимается впервые. Работа основана на материалах Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года (ОПИ ГИМ. Ф. 160) и документах по строительству здания для Бородинской панорамы, сохранившихся в фонде штаба Московского военного округа (РГВИА. Ф. 1606).

История создания Музея 1812 года достаточно хорошо известна¹. Однако, приступая к рассмотрению темы, важно обратить внимание на то, что особенную активность в разработке, продвижении и окончательном оформлении идеи создания Особого комитета, целью которого должна была стать организация Музея Отечественной войны 1812 года, проявили офицеры штаба Московского военного округа (генерал-лейтенант А.П. Воронцов-Вельяминов, полковники Генерального штаба В.А. Афанасьев, В.П. Никольский и П.А. Воронцов-Вельяминов). Как мы увидим в дальнейшем, именно этому ведомству удалось довести до реализации пусть не весь проект, но, по крайней мере, значимую его часть.

Анализ деятельности Особого комитета позволяет выявить концептуальные положения, которыми руководствовались его члены, занимаясь устройством Музея 1812 года. С самого начала они считали, что музей должен стать «местом наглядного изучения этих выдающихся в летописи России страниц». И потому, согласно разработанной на первых же общих заседаниях программе, Особый комитет обращался к потомкам участников войны и ко всем, у кого могли бы сохраниться относящиеся к ней реликвии, с просьбой помочь «выполнить задачу музея по собранию мемуаров, документов, портретов, гравюр и прочих предметов, имеющих отношение к великой борьбе нашей родины с нашествием двенадцати языков»².

Опубликованный в газетах «список наиболее желательных» реликвий включал следующие предметы (перечисляем строго в порядке, принятом комитетом):

- 1) портреты героев, военачальников и деятелей 1812 г.;
- 2) их же скульптурные изображения;
- 3) карты и планы полей сражений и походов того времени;
- 4) гравюры и эстампы с изображением различных сражений и отдельных эпизодов 1812–1814 гг.;
- 5) предметы обмундирования и экипировки, которые, как особо оговоривалось, должны были показываться «в полной сборке», на манекенах;
- 6) боевое оружие;
- 7) особо выделялись «разного рода модели памятников»;
- 8) реликвии (среди которых перечислялись «разного рода мундиры, ордена, медали, подзорные трубы» и другие предметы, относящиеся к конкретным героям 1812 года);

9) документы («различные воззвания, объявления, афиши, прокламации, фальшивые ассигнации»);

10) рукописи мемуаров, записок и другие документы, «принадлежащие участникам славной эпохи»;

12) посвященные Эпохе 1812 года разного рода издания (книги, брошюры, атласы)³.

Наиболее активные члены Особого комитета музея (секретарь комитета полковник В.А. Афанасьев, председатель исполнительной комиссии и, позднее, секретарь Особого комитета военный инженер полковник П.А. Воронцов-Вельяминов, генерал-майор свиты Е. И. В. В.Ф. Джунковский, товарищ председателя Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III князь Н.С. Щербатов, мануфактур-советник А.А. Бахрушин, действительный статский советник П.И. Щукин и др.), судя по сохранившейся переписке и текстам протоколов общих и комиссионных заседаний, понимали создаваемый ими музей в духе теории, разработанной Н.Ф. Федоровым, как совокупность всего того, что хранит не только материализованную, но и неовещественную память человечества. Иначе говоря, они считали своей задачей собирание всей возможной информации, во всех доступных видах, о событиях, героях и памятниках Эпохи 1812 года и обо всем, что так или иначе имело к этой эпохе отношение. Очевидно, именно эта концепция вызвала появление пунктов 7 и 12 приведенного выше списка.

Важнейшим положением, на основании которого предполагалось организовать работу Музея 1812 года, был принцип открытости. Собранная в нем информация должна была предоставляться в свободном доступе всем желающим. «Презентацию» москвичам своего собрания члены Особого комитета задумали уже на первых заседаниях и осуществили в 1909 г., открыв в залах Исторического музея выставку, посвященную Отечественной войне 1812 года⁴. Подчеркнем, что учащиеся гимназий и лицеев, а также нижние воинские чины посещали выставку бесплатно. Позднее, в 1912 г., посещение юбилейной выставки было организовано на тех же основаниях: для учащихся и нижних чинов доступ был свободным, экскурсии для них проводились бесплатно. С января 1911 г. и вплоть до прекращения деятельности Особого комитета в 1919 г., с разрешения председателя или (что случалось чаще) секретаря Особого комитета, желающие допускались для осмотра собранных Музеем 1812 года коллекций, хранившихся в Кремле, в помещениях Потешного дворца, а позднее – Арсенала. Всегда – бесплатно. Кроме того, члены Особого комитета разрешали различным фирмам и организациям использовать изображения принадлежащих Музею 1812 года предметов для выпуска разного рода юбилейной и рекламной

продукции, издания книг, альбомов, открыток и пр., посвященных Отечественной войне 1812 года. При этом плату взимали только за изображения, предоставляемые для использования в коммерческих целях. За публикации в книгах для детей и народа деньги с издателей не брали.

Активная просветительная деятельность в целях, как тогда говорили, «широкого патриотического воспитания» проводилась Особым комитетом Музея 1812 года на протяжении всего периода его существования. Проводилась эта работа в форме экскурсий по выставкам (1909 и 1912 гг.), лекций для военнослужащих, научных сообщений на заседаниях самого комитета, в Российском военно-историческом обществе и в собраниях Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. Кроме того, комитет, в лице, прежде всего, В.А. Афанасьева, хранителя музея генерал-майора В.А. Петрова и нескольких наиболее активных своих членов, устанавливал и по возможности поддерживал связи с общественными и научными учреждениями, органами местной власти, художниками и деятелями культуры в разных регионах страны.

При рассмотрении вопросов комплектования, создания выставочных экспозиций, при подготовке публикаций члены комитета особое значение придавали соблюдению принципа научной достоверности. Серьезное отношение к этому вопросу особенно ярко проявилось при обсуждении ошибок и неточностей в исторических текстах, помещенных в каталоге юбилейной выставки 1912 г. Даже была приостановлена продажа этого издания до особого выяснения существенности замечаний, высказанных некоторыми членами комитета⁵. Другим примером может служить история приема в музей серии картин В.В. Верещагина. Ссылаясь на их позднее происхождение и множество допущенных художником исторических неточностей, многие члены комитета не считали возможным включение этих картин в собрание Музея 1812 года⁶. Высказывались также отдельные сомнения в художественной ценности работ Верещагина. А к этому вопросу члены комитета также относились очень взыскательно. Немало было случаев отказа в приеме на хранение произведений искусства, не соответствовавших высоким требованиям к их художественным достоинствам.

Выбирая место для сооружения или готовое здание для размещения будущего Музея 1812 года, члены Особого комитета учитывали, что, с одной стороны, «дело увековечения Отечественной войны в памяти потомства – дело исключительной важности и значения с национальной и государственной точек зрения. Памятники, воздвигаемые для этой цели, должны быть расположены таким образом, чтобы соблюдены были все требования как в смысле красоты и величественности самих монументов, так и в смысле гармонии их с окружающей обстановкой»⁷.

С другой стороны, они стремились предусмотреть возможность создания в будущем музее удобной и обширной экспозиции, а также считали необходимым выделить помещения для не вошедших в экспозицию предметов (фондохранилищ), библиотеки и архива⁸. Музей 1812 года должен был стать, говоря современным языком, одним из наиболее комфортных и привлекательных в Москве мест для проведения культурного и образовательного досуга.

В концентрированном виде цели создания Музея 1812 года в Москве четко сформулированы в Положении, разработанном под руководством председателя Исполнительной комиссии Особого комитета, московским губернатором В.Ф. Джунковским осенью 1912 г. Приведем выдержку из этого документа, касающуюся принципов организации будущего учреждения:

«1. Музей 1812 года имеет своим назначением поддерживать в русском народе любовь и интерес к истории родной страны, и в частности к лучшей ее странице, запечатлевшей грандиозную борьбу России с соединенными силами всей Европы, предводимыми величайшим военным гением, а также давать возможность всестороннего изучения эпохи Отечественной войны.

2. Музей 1812 года представляет хранилище реликвий великой Отечественной войны 1812 года и походов 1813–1815 гг. на освобождение Европы, а также всевозможных материалов по истории эпохи.

3. Для наилучшего достижения своего назначения к Музею 1812 года могут быть впоследствии присоединены однородные и вспомогательные учреждения (панорамы, частные музеи), а также специально воинские благотворительные учреждения, как то: инвалидные дома, школы и т.д. в память Отечественной войны.

4. Музей 1812 года состоит в ведении Министерства внутренних дел и имеет управление в лице высочайше утвержденного Особого комитета, состоящего при московском генерал-губернаторе.

5. Непосредственное во всех отношениях управление Музеем 1812 года и могущими быть присоединенными к нему однородными учреждениями возлагается на директора музея.

6. Для содействия директору музея в управлении музеем и могущими быть к нему присоединенными учреждениями учреждается Исполнительная комиссия (Хозяйственный комитет), где председательствует директор музея, а членами входят не менее пяти членов комитета по особому избранию и заведывающие отделами Музея 1812 года и могущими быть к нему присоединенными учреждениями.

7. Для внутреннего контроля и проверки денежной и материальной отчетности и ведения описей Музея 1812 года учреждается Ревизионная комиссия в составе трех членов по особому избранию Особого комитета.

8. Средства на содержание и дальнейшее пополнение коллекций Музея 1812 года отпускаются из Государственного казначейства по смете Министерства внутренних дел особой статьей по части московского генерал-губернатора или по другой части того же министерства.

9. Отчетность по суммам Музея 1812 года представляется на общем основании для ревизии в Государственный контроль.

10. Вся переписка по делам Музея 1812 года производится от имени Особого комитета и директора музея через его канцелярию. Все денежные выдачи, как на основании штатов и сметных ассигнований, так и по обязательствам, сметам и квитанциям поставщиков и подрядчиков, производятся под ответственностью директора музея, хранителя и казначея.

11. Музей 1812 года имеет свою печать с изображением Российского государственного герба царствования императора Александра I и надписью «Музей 1812 года»⁹.

Резюмируя, подчеркнем, что все процитированные статьи первого раздела Положения свидетельствуют о том, что музей создавался и должен был действовать как государственное учреждение. И обратим особое внимание на пункт 3, свидетельствующий о планах членов Особого комитета относительно панорамы «Бородино».

Несколько слов о ее создании в контексте рассматриваемой темы.

Как известно, первым официальным обращением, в котором говорилось о создании художником Ф.А. Рубо панорамы к 100-летию Отечественной войны, стало письмо члена Государственного совета К.А. Орловского к министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу от 6 ноября 1909 г.¹⁰ Фредерикс доложил предложение Орловского Николаю II¹¹, который его сразу же одобрил. Первоначально предполагалось поручить руководство этим проектом генералу от кавалерии Н.Н. Сухотину, возглавлявшему Комитет по созданию Русского военно-исторического музея. Но Сухотин предложил возложить эту задачу на генерала от инфантерии В.Г. Глазова – председателя Особого комитета Музея 1812 года. После короткого обсуждения между Фредериксом и Глазовым было принято и утверждено императором решение поручить руководство созданием панорамы Особому комитету по устройству в Москве Музея 1812 года. Было важно, подчеркивалось в документе, «чтобы рассмотрение вопроса об устройстве панорамы Отечественной войны 1812 года было возложено не на него лично, а именно на комитет по устройству в Москве музея 1812 года, потому что главная деятельность генерала сосредоточена в Петербурге и в Москве он бывает только наездом, чтобы давать известные директивы работающим там самостоятельно лицам. По мнению генерала Глазова, самое подходящее место для панорамы Отечественной войны

1812 года – Москва, помимо исторических мотивов и потому, что комитет по устройству музея там работает»¹². Если точнее, в Москве работал один из инициаторов идеи создания панорамы – полковник Генерального штаба В.А. Афанасьев. Он и другие члены Особого комитета при обсуждении предложенной им задачи на заседании 13 февраля 1910 г. выразили свое полное согласие и готовность. Тут же была образована специальная комиссия по панораме и даже составлена примерная смета расходов на ее создание. При этом особо оговаривалось, что «согласно сообщению генерала от инфантерии Глазова, Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года средств не имеет и потому материальной поддержки для устройства панорамы оказать не может».

В справке, подготовленной на высочайшее рассмотрение для утверждения государственного финансирования, сказано: «По мнению Комиссии по устройству в Москве панорамы Бородинского боя, означенная панорама, принимая во внимание великое значение этого боя во всей эпопее Отечественной войны, положившей начало славе императора Александра I и гибели Наполеона, а также показавшей всему миру мощь русского народа, может иметь величайшее моральное значение для самых широких масс нашей родины и будет одним из самых желательных видов ознаменования столетней годовщины этого события. Затраченные 350 тыс. рублей вольют в сердца русских людей ту мощь, которую 100 лет назад явили наши предки, защищая родину. Доход же с панорамы, если принять в расчет первый год осмотра Севастопольской панорамы, можно ожидать при 100 000 посетителей около 50 тыс. рублей, так как к юбилейным дням Бородина можно ожидать и большего интереса в широких массах и большего съезда. Таким образом, по мнению комиссии, эта панорама с избытком окупит расходы по эксплуатации ее и принесет с собой никакими тысячами неоценимый подъем духа»¹³. Создание панорамы рассматривалось как часть проекта Музея 1812 года, и здание для нее собирались построить на площади храма Христа Спасителя, рядом с тем местом, где предполагалось в тот момент сооружение самого Музея 1812 года. На строительство двухэтажного каменного здания требовалось 350 тыс. рублей. Картина с предметным планом должна была размещаться на втором этаже, а на первом предполагалось расположить фондовые помещения и комнаты для служащих¹⁴.

Сумма, однако, показалась императору непомерной. И вопрос был передан на рассмотрение Министерства финансов. В результате проведенного ведомством анализа выяснилось, что четкой, обоснованной и согласованной программы подготовки к юбилейным торжествам 1912 г. еще не было разработано, и даже не было в различных военных ведомствах единства мнений о том, какие именно пункты должны ее

составлять. Формирование единой программы юбилейных мероприятий, финансируемых из государственного бюджета, было поручено образованной в 1910 г. Межведомственной комиссии по подготовке к празднованию 100-летия Отечественной войны 1812 года. Возглавил ее генерал от инфантерии В.Г. Глазов. Юбилейные проекты прошли жесткий отбор. Не получил финансирования даже Музей 1812 года (несмотря на попытки В.Г. Глазова отстаивать его интересы). Официально это объяснялось наличием у Особого комитета собственных средств, собранных по разрешенной правительством всероссийской подписке.

Однако, как представляется, главной причиной отказа стало отсутствие четкой позиции Особого комитета по вопросу о концепции будущего музея и единого и твердого мнения в отношении выбора места для его расположения. Как уже упоминалось, такая согласованная программа после титанических усилий В.Ф. Джунковского была принята лишь осенью 1912 г. При этом еще раз подчеркнем, что среди членов комитета, непосредственно знавших музейное дело, существенных разногласий относительно принципов организации и деятельности Музея 1812 года не возникало. Единоы были члены комитета только в понимании общности целей создания Музея 1812 года и панорамы Бородинского сражения.

В отношении необходимости создания панорамы Бородинского сражения и возведения для нее специального здания не возникало разногласий не только внутри Особого комитета, но и между самыми разными ведомствами, включая финансовое. Согласно желанию государя, панорама должна была открыться к юбилею Отечественной войны, и ее создание без возражений включили в план мероприятий, финансируемых государством.

Разница в отношении государства к финансированию Музея 1812 года и панорамы не сказалась, однако, на планах их объединения в одно учреждение. При всех обсуждениях вопросов строительства здания для Музея 1812 года размещение панорамы предусматривалось либо в непосредственной близости от него, либо прямо вместе с ним¹⁵.

Но дела со строительством здания Музея 1812 года затянулись настолько, что, в конце концов, летом 1911 г. премьер-министр П.А. Столыпин принял волевое решение об отказе в разрешении на строительство вообще и о передаче под Музей 1812 года Сенатского фаса Кремлевского Арсенала. Вопрос о строительстве здания панорамы, таким образом, оказался нерешенным. Тем не менее проектирование возможного совместного устройства музея и панорамы продолжалось, о чем свидетельствует утвержденное осенью 1912 г. уже упоминавшееся Положение о Музее 1812 года¹⁶. Но вот строительством здания

для панорамы, которую уже начал писать в Мюнхене художник Ф.А. Рубо, долгое время не занимался никто.

Только в ноябре 1911 г. была организована юбилейная комиссия при штабе Московского военного округа, которая и взяла на себя эти нелегкие труды (наряду с возведением памятников на Бородинском поле и подготовкой различных юбилейных торжественных мероприятий)¹⁷. В штабе Московского округа, где служили люди, прямо заинтересованные в создании панорамы (В.А. Афанасьев и П.А. Воронцов-Вельяминов), отнеслись к этой задаче весьма ответственно.

Юбилейная комиссия Московского военного округа в очень сложных условиях обеспечила строительство временного деревянного здания для панорамы «Бородино» к началу запланированных торжеств. По документам, отражающим деятельность комиссии, отчетливо видно, насколько результат зависел от высокой степени личной ответственности, компетентности и решительности нескольких конкретных людей. Прежде всего, это должно отнести к командующему округом генералу от инфантерии Павлу Адамовичу Плеве, председателю окружной юбилейной комиссии генералу от инфантерии Петру Петровичу Яковлеву, председателю исполнительной комиссии по строительству панорамы генерал-лейтенанту Нилу Николаевичу Шелковникову, члену комиссии военному инженеру полковнику Павлу Алексеевичу Воронцову-Вельяминову и постоянно участвовавшему в ее работе губернатору Москвы генерал-майору Владимиру Федоровичу Джунковскому.

Работы комиссии по сооружению панорамы (выделенной внутри окружной юбилейной комиссии) были организованы по близкому современным проектировщикам принципу: все действия были четко нацелены на получение нужного результата. В очень краткие сроки определили оптимальный размер и место расположения здания панорамы, подготовили архитектурный и инженерный проект и, используя все возможные для этого средства, включая временные заимствования из личных финансовых сбережений и широкое использование административного ресурса военного ведомства, реализовали его.

К общему сожалению, здание панорамы не могло быть построено на слишком дорогой земле в самом центре города, но округ выделил под это благородное дело принадлежавший ему участок на Чистых прудах. В данном случае приходится отметить полную незаинтересованность в возникновении нового музея, проявленную Московской городской думой (во главе с Н.И. Гучковым) и причтом храма-памятника Отечественной войны 1812 года – собора Христа Спасителя. Они не посчитали возможным пойти на какие-либо финансовые или административные уступки для сооружения панорамы «Бородино» в исторической части города.

Не имея на руках никаких чертежей и технических спецификаций для строительства подобного деревянного павильона, специально предназначенного для демонстрации живописного шедевра широкой публике, инженер П.А. Воронцов-Вельяминов разработал собственный проект здания (включая оснащение его электрикой, водоснабжение и пожарную безопасность), которое оказалось хотя и не идеальным, но вполне рентабельным и простояло более 10 лет (с 1918 г. использовалось под другие нужды). Члены комиссии штаба округа при поддержке своего военного руководства преодолели массу бюрократических препон и объективных трудностей, связанных с резким вздорожанием летом 1912 г. строительных материалов и рабочих рук. Военные инженеры и техники штаба округа помогали решать множество сложных задач, возникавших перед строителями по мере возведения различных частей здания. В своеобразное соревнование «на лучшее техническое предложение» включились даже подрядчики строительных работ: для экономии средств выписывали приборы из Германии (именно так!), осваивали новые способы обработки материалов и пр. и пр.

В результате в августе 1912 г. на карте Москвы появился совершенно новый музей – панорама «Бородино». Сила творческих устремлений, заложенных при его создании, была такова, что даже после закрытия музея и демонтажа картины в 1918 г. эти идеи не исчезли. Не исчезли, хотя в обществе резко сменились ценностные ориентиры. Оказалось, что и подлинное чувство патриотизма (в лучшем, чистом, настоящем смысле этого слова), и высочайший взлет таланта художника не подверглись забвению. И картина, и музей остались востребованы и возродились уже в новой социальной и культурной обстановке и на новом уровне исторического развития. К 150-летию Отечественной войны панорама была отреставрирована и размещена в специально возведенном для нее здании, где находится и по сей день. И в здании, построенном для панорамы, возник, наконец, отдельный и довольно крупный музей, посвященный Отечественной войне 1812 года. Так, через 50 лет, воплотилась идея членов Особого комитета о совместном существовании панорамы «Бородино» и Музея 1812 года.

В начале XX в., в эпоху огромной популярности множества грандиозных по своим замыслам «прожекторов» создания различных культурно значимых учреждений и программ, среди которых особое место занимал и Музей 1812 года, проект сооружения панорамы «Бородино» резко выделяется своей успешной реализацией. Анализ сохранившихся архивных документов позволяет обозначить составляющие этого успеха. На наш взгляд, таковыми являлись: историко-культурная значимость, цельность, локальность события и соразмерность задуманного финансовым, временным, человеческим ресурсам. При относительно

невысоких затратах (по сравнению с организацией и строительством Музея 1812 года, например) создание панорамы «Бородино» эффективно решало конкретную задачу правительства страны – ярко и торжественно отметить 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года¹⁸. Кроме того, если в работе Особого комитета принимало участие слишком много людей с разными взглядами, то реализацию строительства и организации панорамы осуществляли всего несколько человек, по счастью, вполне согласных друг с другом. В современной терминологии, это была хорошая «проектная команда». Немаловажное значение, как и в любом масштабном деле, имел общий высокий уровень образованности и ответственности ее участников. Иные факторы успеха – историко-психологического и социального характера – являются предметом уже совсем другого исследования.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что панорама, созданная талантливейшим художником и посвященная пусть и локальному в пространственно-временном измерении, но многомерному и масштабному в духовно-исторической перспективе событию, даст жизнь еще не одному проекту, служащему делу сохранения и преумножения отечественной культуры.

¹ Разгон А.М. Очерк истории военных музеев в России (1861–1917) // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. VII. М., 1962. С. 179–184; Петров Ф.А. Музей 1812 года // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 183–188; Он же. Музей 1812 года // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 485; Саваренская Т.Ф., Петров Ф.А. Мемориальный ансамбль 1812 года // Московский журнал. 1991. № 5. С. 59–64; Петров Ф.А. Материалы ОПИ ГИМ по истории Отечественной войны 1812 года // Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 3. Материалы по военной истории России. М., 1997. С. 107–146; Митрошенкова Л.В., Львов С.В. Очерк истории Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года // Бородино в истории и культуре: Мат-лы Междунар. науч. конф. 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 346–375 и др.

² Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ Подробнее об этом см.: Первый выставочный проект Музея 1812 года: выставка в Императорском Историческом музее (21 февраля – 30 апреля 1909 г.) // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. мат-лов XVII Всерос. науч. конф. 24 октября 2009 г. С. 260–272; Букреева Е.М. В память Отечественной войны 1812 года (К истории первой выставки Музея 1812 года) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. мат-лов к 200-летию Отечественной войны 1812 года. Вып. IX. М., 2010. С. 250–264.

⁵ Годовой отчет высочайше утвержденного Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года за пятый 1912–1913 год. М., 1913. С. 27.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 1. Л. 488.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3. Л. 343.

⁸ Там же. Л. 336–337 об.

⁹ Там же. Д. 2. Л. 5–6.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1064. Л. 2–3, 23 об.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 10 об.

¹³ Там же. Л. 14 об.

¹⁴ Там же. Л. 15 об, 21.

¹⁵ См. об этом в документах Особого комитета: ОПИ ГИМ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 3. Л. 310а, 332, 334, 362–364, 369.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 5–6.

¹⁷ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 770. Л. 127.

¹⁸ То же, как нам кажется, можно сказать и в отношении следующих крупных юбилейных проектов, связанных с панорамой «Бородино». А именно: возведение здания на Кутузовском проспекте и открытие отреставрированной панорамы к 150-летию Отечественной войны в 1962 г. и масштабная реставрация художественного полотна, ремонт и резэкспозиция музея к 200-летию юбилею, в 2012 г.

Е.Е. Колоскова

**Киносъёмки юбилейных торжеств
в память 100-летия Отечественной войны 1812 года
в Высочайшем присутствии.
Документальный кинематограф
как форма сохранения духовных традиций**

Празднование юбилеев ратных подвигов в России как государственная традиция сложилось сравнительно недавно, в первой четверти XVIII столетия. Уже к началу XX в. сформировался определенный ритуал, включавший торжественное богослужение с крестным ходом, военный парад, праздничное застолье с высокими гостями и обязательные народные гулянья.

Все эти мероприятия были заложены и блестяще реализованы в ходе Бородинских торжеств 1912 г. Как и многие другие значимые события отечественной истории начала XX столетия, они не остались без внимания историков и журналистов, особенно в последние несколько десятилетий. Главными источниками для этих исследований являлись многочисленные публикации в периодической печати 1912 г., а также документы центральных и местных архивов. Визуальным документам отводилась, как правило, лишь вспомогательная роль.

В рамках общероссийской государственной программы празднования теперь уже 200-летнего юбилея и федеральной целевой программы «Культура России», при финансовой поддержке Правительства Москвы, российские архивисты предприняли попытку изменить эту традицию, подготовив альбом «Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Бородино – Москва – Смоленск»¹. Издание является результатом исторической реконструкции, основанной на документах, фотографических источниках и воспоминаниях современников. Такой подход позволил максимально полно представить масштаб организации и проведения празднеств.

Уже с конца XIX в., с развитием репортажных кинофотосъёмок, фотография и кинематограф становятся уникальными историческими документами. Богатое фотографическое и кинохроникальное

наследие страны безгранично расширяет возможности для изучения истории и культуры России. Благодаря фотографии и кинематографу мы заново переживаем события, участниками которых были наши предшественники, можем прикоснуться ко времени, остановленному объективом.

Фотодокументы и хроникально-документальные свидетельства, представленные в настоящем издании из собраний Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, являются полным и исчерпывающим аудиовизуальным отчетом о состоявшихся торжествах.²

Альбом включает более 300 фотографий, выполненных известными мастерами, получившими право на съемки в августе 1912 г. В соответствии с принятыми мерами безопасности Высочайших особ допуск фотокорреспондентов и кинооператоров осуществлялся по получении специального разрешения от Министерства Императорского двора. Многие из этих работ были включены в состав подарочных альбомов, преподнесенных последнему российскому императору Николаю II в память о юбилейных торжествах.

Авторами фотографий являются мастера фотоателье «К.Е. фон Ган и К^о»³, «А.А. Оцуп»⁴, К.К. Буллы⁵; фотографы М.И. Грибов⁶, И.Е. Дремин⁷, В.С. Иванов⁸, А.И. Савельев⁹, С.Г. Смирнов¹⁰, а также великая княжна Ольга Николаевна¹¹.

В процессе подготовки издания комплексное и всестороннее изучение большого массива архивных документов и материалов, мемуаров и публикаций периодической печати, освещавших организацию и проведение торжеств, позволило с максимальной полнотой и достоверностью, практически по часам, воссоздать картину празднования языком документальной фотографии.

Наряду с фотографиями в издание включены кадры из хроникально-документальных съемок кинофирм А. Дранкова¹², А. Ханжонкова¹³, «Пате»¹⁴ и «Гомон»¹⁵.

К сожалению, несовершенство фото- и кинотехники того времени не позволяло осуществить съемки непосредственно в помещениях. Это обстоятельство является главным объяснением полного отсутствия фотографий и киносъемок, запечатлевших царскую семью на богослужениях в храмах Бородина, Москвы и Смоленска, во время посещений Исторического музея и Бородинской панорамы Ф.А. Рубо, участия в торжественных приемах в Кремле и Дворянском собрании в Москве, а также в других юбилейных мероприятиях, состоявшихся согласно расписанию торжеств вне «открытого воздуха».

Работа с источниками позволила собрать обширный корпус документов, способствовавших атрибуции значительной части сохранившегося фотографического наследия о Бородинских торжествах.

Альбом включает восемь глав. Первая посвящена организации Бородинского поля к празднествам, две главы рассказывают о торжествах в Бородине 25 и 26 августа, четыре – отведены пребыванию императорской семьи в Москве 25–30 августа. В последней главе освещается посещение императором Смоленска 31 августа.

Опубликованные архивные документы сопровождается научно-справочный аппарат, включающий указатели и комментарии к репродукциям. В качестве основы комментариев к фотографиям использованы воспоминания московского губернатора В.Ф. Джунковского¹⁶, благодаря личному участию которого юбилейные торжества в Москве и Московской губернии приобрели совершенно невиданный размах. В координации с Министерством Императорского двора и Департаментом полиции им был разработан комплекс мер обеспечения безопасности императора и августейшей семьи в ходе торжеств¹⁷, выработаны церемониалы основных мероприятий. И именно его полные и точные воспоминания о юбилейных торжествах 1912 г., дополненные записями из дневников и писем императора Николая II¹⁸, записками великого князя Гавриила Константиновича¹⁹ и офицеров гвардейских частей²⁰, стали своего рода канвой, объединяющей и дополняющей фотодокументальный корпус издания.

В приложении к альбому помещены тексты таких документов, как Высочайший манифест²¹, Высочайший приказ по армии и флоту²², приказ по Военному ведомству²³, письмо императора Николая II к вдовствующей императрице Марии Федоровне, а также описание памятников и памятных знаков, установленных на Бородинском поле в 1839–1912 гг.²⁴, собранные В.Ф. Джунковским для работы «Бородинского общества охраны памятников», созданного в 1913 г. с целью ухода за монументами и общего благоустройства поля.

Чуткий и отзывчивый на любое биение пульса жизни, кинематограф также откликнулся на состоявшиеся торжества. Еще задолго до начала официального празднования почти все фирмы начали подготовку кинолент на сюжеты из эпохи Наполеоновских войн вообще и Отечественной войны в частности. Во главе этих фильмов стояла грандиозная, по мнению критиков того времени, картина «1812 год» (совместное производство фирм «Пате» и А. Ханжонкова).

Документальный кинематограф, в свою очередь, предоставил уникальную возможность своему зрителю стать непосредствен-

ным очевидцем Бородинских торжеств 1912 г. Все, что происходило в эти дни, запечатлел на своей чувствительной пленке волшебный аппарат. То, что было снято утром в Бородине, Москва уже видела вечером, а за Москвой увидели съемки один за другим и другие российские города. Непрерывно с 25 по 31 августа раздавался характерный треск синематографических аппаратов, с предельной точностью и с полной объективностью запечатлевая все юбилейные мероприятия.

Российским государственным архивом кинофотодокументов в качестве приложения к альбому подготовлено мультимедийное издание на основе хроникально-документальных съемок из собрания РГАКФД, выполненных кинофирмами «Пате», «Гомон» и акционерным обществом «А. Дранков и К^о» в дни торжеств в высочайшем присутствии в Бородине, Москве и Смоленске 25–31 августа 1912 г.

Непростую задачу пришлось решить в процессе монтажа фрагментов кинохроники, так как практически ни одна из полных авторских версий фильмов, снятых в 1912 г. и тогда же показанных широкой публике, не сохранилась. По сообщениям прессы того времени известно о четырех премьерах, посвященных торжествам 1912 г. Так, 7 сентября 1912 г. фирмой «Пате» была выпущена на экран первая серия пятисерийного фильма о праздновании 100-летия Бородинской битвы «Августовские торжества в Высочайшем присутствии»²⁵, 11 сентября в Туле состоялась премьера фильма А.О. Дранкова [«Бородинские торжества 100-летия юбилея Отечественной войны 1812 года и московские торжества 27, 28, 29 августа в присутствии Е. И. В. государя императора, всей августейшей семьи и всех министров»]²⁶. 23 сентября в Пскове фирма «Гомон» выпустила на экран фильм «Бородинские торжества в присутствии государя императора и его августейшего семейства»²⁷. 5 сентября 1912 г. в Смоленске состоялся выпуск фильма производства «Пате де Пари» «Посещение Е. И. В. государем императором сего [года] 31 августа г. Смоленска»²⁸. Съемки производили операторы: фотограф Его Величества Ган-Ягельский, Дранков, Новицкий, Козловский, Кюнст. Имена других, к сожалению, пока установить не удалось. Из немногочисленных публикаций в периодических изданиях за 1912 г., освещавших вопросы развития кинематографии в России, таких как «Живое слово», «Живой экран», «Вестник кинематографии», «Кине-журнал», «Синема-Пате», «Сине-Фоно», удалось почерпнуть информацию о работе хроникеров в юбилейные дни.

Всем кинооператорам, производившим съемки торжеств для синематографических фирм, были пожалованы бронзовые медали на владимирской ленте в воспоминание о юбилее²⁹.

К сожалению, большая часть кинодокументов первых десятилетий отечественного кинематографа безвозвратно утрачена, что явилось следствием двух революций, гражданской войны и изменения социально-политической формации страны, повлекшим национализацию всей кинопромышленности в 1918–1919 гг. В результате практически не сохранились ни первоначальный монтаж фильмов, ни полный объем этих произведений, оказались утраченными авторские титры. Большинство кинодокументов остались, к сожалению, в виде разрозненных фрагментов или со значительными купюрами, а их оригиналы хранятся в единственном экземпляре и имеют существенные физические повреждения, препятствующие их всестороннему источниковедческому изучению. Именно поэтому на первом этапе работы с кинодокументами было важным воссоздать последовательное расположение сюжетов событий, запечатленных на киноленту, на основе уже изученного фотографического ряда, а затем произвести общую реконструкцию всех сохранившихся киносъемок в соответствии с программой празднования.

Для удобства просмотра хроники была произведена растяжка съемок с 16 до 24 кадров в секунду, составлены титры на основе «Высочайше утвержденной программы пребывания Их Императорских Величеств на праздновании 100-летия Отечественной войны в Бородине и Москве. 1912»³⁰ и осуществлено музыкально-звуковое сопровождение в форме аутентичной военной и духовной музыки.

Для озвучения фильма использованы полковые марши Ахтырского гусарского, лейб-гвардии Егерского, лейб-гвардии Измайловского, Кавалергардского, 16-го пехотного Ладожского, лейб-гвардии Преображенского, лейб-гвардии Семеновского полков, а также марш «На вступление в Париж» 1814 г. Х. Вальха, неофициальный гимн России 1791–1816 гг. «Гром победы раздавайся» О.А. Козловского, увертюра П.И. Чайковского «1812 год».

Использовалась духовная музыка: «Боже, царя храни» (оркестровая и хоровая записи 1906, 1912 и 1915 гг.), «Многие лета» Д.С. Бортнянского, «Упокой, Спасе» в исполнении хора храма Христа Спасителя (записи 1906–1912 гг.), «Вечная память», «Свете тихий», «С нами Бог», «Придите, поклонимся» из литургии «Иоанн Златоуст».

Звуковой фон составили также живые записи движения лошадей из художественных фильмов «Хождение по мукам» (реж. Г.Л. Рошаль, 1957 г.) и «Бег» (реж. В.Н. Наумов, А.А. Алов, 1970 г.).

Смею надеяться, что настоящее мультимедийное издание представляет интерес не только для научного сообщества и исследователей кино. Это уникальная возможность всем поколениям россиян, особенно молодежи, ощутить причастность к судьбе

своего Отечества, приобщиться к его ратным подвигам и духовным традициям.

Ныне, в дни празднования 200-летнего юбилея, в очередной раз хотелось бы напомнить, что сохранение исторической памяти народа – родного языка, традиций, памятников письменности и материальной культуры – является главной задачей не только архивов и музеев. Сохранение этой памяти – одна из основ дальнейшего существования каждого государства. И сегодня, по прошествии 100 лет со дня юбилейных Бородинских торжеств, мы видим, что архивы России, сберегающие эти уникальные фотографии и кинодокументы на протяжении всего сложного XX века, внесли свою скромную лепту в решение этой фундаментальной задачи.

В заключение хочу привести строки одной из публикаций журнала «Сине-Фоно» за 1912 г.: «Экран увековечил эти события. И через сто лет, к следующему юбилею, наши потомки извлекут из архива эти ленты и будут видеть, как их предки праздновали знаменитое столетие. И они поблагодарят тех, кто потрудились на увековечение этого празднования... И большая часть этой благодарности будет относиться так же и к операторам».

¹ Юбилейные торжества в память 100-летия Отечественной войны 1812 года в Высочайшем присутствии. Бородино – Москва – Смоленск: Альбом. М.: Полиформ, 2012.

² РГАКФД. Альбомы № 243, 246; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 416. Л. 1–22.

³ «К.Е. фон Ган и К^о» – фотоателье, открыто Александром Карловичем Ягельским совместно с К.-Л. Якобсон, урожденной фон Ган, в Царском Селе (1891–1916). Фирма названа по имени владелицы, которой принадлежало исключительное право собственности на фотографические материалы императора Николая II. В 1897 г. привилегия собственности на съемку императорской семьи перешла к А.К. Ягельскому с присвоением ему звания «Фотограф Его Величества» (1911).

⁴ «Оцуп А.А.» – фотоателье, владелец Александр Адольфович Оцуп, фотограф учреждений вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Создал множество фотопортретов членов императорской фамилии, деятелей науки и культуры. Удостоен высочайших наград и благодарностей от их императорских величеств государя императора и государыни императрицы. До 1917 г. владелец фотоателье в С.-Петербурге на ул. Бассейной, 2–7.

⁵ Булла Карл Карлович (Карл Освальд) – профессиональный фотограф, основатель самой известной фотографической династии. Первое собственное фотоателье – С.-Петербург, ул. Садовая, 61 (1875). Занимал ведущее место среди фотографов, освещавших хронику политической и общественной жизни России. Участник и призер многочисленных выставок. Сотрудничал с российскими и зарубежными изданиями: «Нива», «Огонек», «Столица и усадьба», «Die Woche», «Illustration» и др. Имел звания: фотограф Императорского двора (с 1896), потомственный гражданин С.-Петербурга (с 1910), поставщик двора

короля Сербского (с 1910) и двора ее императорского высочества великой княгини Марии Павловны (с 1912). В 1916 г. передал дело сыновьям.

⁶ Грибов Михаил Иосифович – профессиональный фотограф, член Русского фотографического общества (с 1895). Владелец «Русской фотографии» в Москве на ул. Волхонка, 7 (с конца 1890), на ул. Лубянка, 18 (с 1911). Выполнил серию снимков о пребывании императора Николая II в Москве (1898), Сарове (1903), снимал военные парады в высочайшем присутствии, большие маневры под Курском (1902), виды Москвы и др. Специальный корреспондент журнала «Искры».

⁷ Дремин Иван Евгеньевич – профессиональный фотограф. Владелец фотомастерской в С.-Петербурге, ул. Сиверская, 23 (1908–1914).

⁸ Иванов Вячеслав Сергеевич – профессиональный фотограф. Владелец фотоателье в Москве, ул. Тверская, 50 (1907–1911).

⁹ Савельев Александр Иванович – журналист, фоторепортер. Сотрудничал со многими изданиями, штатный сотрудник журнала «Искры» (1905–1916).

¹⁰ Смирнов Сергей Григорьевич – профессиональный фотограф. Владелец фотоателье в С.-Петербурге, Петербургская сторона, Большой пр., 80.

¹¹ Ольга Николаевна – великая княжна, старшая дочь императора Николая II, занималась любительской фотосъемкой.

¹² Дранков Александр Алексеевич – предприниматель, основатель компании по производству и прокату художественных и документальных фильмов «А. Дранков и К^о» (1907–1917).

¹³ Ханжонков Александр Алексеевич – кинодеятель, организатор и руководитель первого отечественного кинопредприятия по производству и прокату художественных и документальных фильмов (1906–1920).

¹⁴ «Пате» – французская кинокомпания по производству и продаже киноаппаратуры. Занималась съемками художественных и документальных фильмов и их прокатом. Образована братьями Пате (1896). С начала 1900-х гг. на российском рынке.

¹⁵ «Гомон» – французская кинокомпания по производству и продаже киноаппаратуры. Занималась съемками художественных и документальных фильмов. Образована Л. Гомоном (1896). С 1907 г. на российском рынке.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–38. Воспоминания В.Ф. Джунковского.

¹⁷ Там же. Ф. 97. Оп. 3. Д. 108. Л. 1–485. Переписка о мерах охраны во время празднования столетия Отечественной войны в Бородине и Москве; Там же. Ф. 826. Оп. 1. Д. 189. Л. 1–46. Доклад помощника начальника Московского губернского жандармского управления московскому губернатору В.Ф. Джунковскому о подготовке объектов на Бородинском поле к празднованию.

¹⁸ Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. С. 1–3. Дневник императора Николая II; Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 14–18. Письмо императора Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне. 10 сентября 1912 г.

¹⁹ Романов Г.К. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. М., 2008.

²⁰ Ходнев Д.И. Бородинские торжества в 1912 г. // Россия. Нью-Йорк, 1962. 14, 18 июня (№ 7392, 7394).

²¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 1–1 об.

²² Приказы по военному ведомству за 1912 год. СПб., 1913. С. 435.

²³ Там же. С. 765.

²⁴ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 190. Л. 30–133.

²⁵ Сине-Фоно. 1912. № 23. С. 10–12.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Кине-журнал. 1912. № 17. С. 25–26.

²⁸ Вишневский В.Е. Документальные фильмы дореволюционной России. 1907–1916. М.: Музей кино, 1996. С. 147.

²⁹ Сине-Фоно. 1912. № 23. С. 14.

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Особое делопроизводство 1912. Д. 121. Литер. Ю. Д. 121. Т. 1. Л. 270–271 об.

В.М. Хлесткин

**Отечественная война 1812 года: взгляд из Москвы
(презентация издания Главархива Москвы
«1812 год. Московский календарь»)**

Москва 1812 года отразила в своей судьбе весь драматизм Отечественной войны, всю готовность русского народа к самопожертвованию в борьбе с нашествием «двунадесяти языков» Европы, всю его волю к победе. Московский пожар стал своего рода русским национальным катарсисом, уже не допускающим никакого примирения с противником и обрекающим Наполеона и его армию на злую участь в России.

«Мы современники и вполне не понимаем пожара Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вместе с русскими; мы должны гордиться и оставить удивление потомкам и чужестранцам», – писал Михаил Лермонтов в 4-й сцене драмы «Странный человек».

Этот беспримерный в истории человечества акт национального самопожертвования, каким является пожар Москвы в 1812 году, остается и сегодня, спустя 200 лет, как будто эмоционально невместным нам и все еще готов оправдывать слова Константина Батюшкова: «Потерю Москвы немногие постигают. Она, как солнце, ослепляет» (в письме к П.А. Вяземскому от 3 октября 1812 г.).

В «Московском календаре 1812 года»* сделана попытка актуализировать значение Москвы, которое пока не находит адекватного отражения в отечественной историографии, и тем самым раздвинуть семантические рамки наших представлений о той достопамятной эпохе. Вот в чем, прежде всего, заключается новизна данного издания. Оно построено на широком документальном материале и, по сути, представляет собой документальное повествование, говорящее языком Истории и обладающее поэтому самоочевидностью исторической правды.

---

* 1812 год. Московский календарь / Сост. В.М. Хлесткин. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. – 528 с.: ил.

В структурном отношении «Московский календарь 1812 года» – это документальная хроника Отечественной войны, связанная от начала до конца темой Москвы. Отличие его от предыдущих хроник – в специфической подаче материала. За единицу «Календаря» принято знаковое событие, относящееся к военной, административной или идеологической стороне войны. В своей совокупности эти документы создают целостную картину Эпохи 1812 года, в которой находят отражение и драматический ход военных действий, и усилия правительства, направленные на достижение победы, и идеология Отечественной войны, передающая смысл нашей борьбы с врагом и наше понимание врага, и, наконец, роль и значение Москвы в этой борьбе.

Москва, свидетельствует «Календарь», стала воплощением самопожертвования русского народа в борьбе с врагом, и именно это самопожертвование всего нашего народа, всех его сословий дало право назвать войну 1812 года Отечественной. Огонь московского пожара зажег русские сердца мщением и осветил вступление русских войск в Париж.

Сегодня, когда многие догматы и ценности отечественной истории пересматриваются; когда правда Отечественной войны во многом нивелирована; когда «образ врага» пытаются представить чуть ли не как образ друга; когда обсуждается и, разумеется, осуждается «поведение» главных действующих лиц Эпохи 1812 года, таких как фельдмаршал М.И. Кутузов и граф Ф.В. Растопчин; когда пожертвование Москвы рассматривается с точки зрения «вины»; когда – как ни удивительно! – ставится под сомнение даже народный характер Отечественной войны 1812 года, – словом, когда искажается весь смысл и все содержание Эпохи 1812 года, буквально озарившей русское самосознание, очень важно вернуться к первоначальному смыслу Отечественной войны и представить ее национальное переживание. «Московский календарь 1812 года» как раз и дарит такую возможность.

В «Календаре 1812 года» вводится собственная периодизация Отечественной войны, в которой выделяются следующие этапы: 1-й – подготовка к войне, которая определенно начинается в 1810 году; 2-й – начальный период войны, отмеченный плановым отступлением в Дрисский лагерь; 3-й – стихийный период войны, который начинается выходом русской армии из Дрисского лагеря и заканчивается Бородинским сражением; и, наконец, 4-й – сознательный период войны, который начинается непосредственно после Бородинского сражения и завершается к концу 1812 года полным разгромом наполеоновской армии. Тем самым «Календарь» проводит принципиальное различие между М.Б. Барклаем де Толли и М.И. Кутузовым как полководцами, олицетворяющими принципиально разные периоды Отечественной

войны – стихийный и сознательный, соответственно. Календарный формат вообще оказался настоящим откровением в работе над данной книгой. Он послужил своего рода масштабной сеткой, которая позволила обозначить подлинное значение действующих лиц и событий Эпохи 1812 года.

В своем окончательном виде «Московский календарь» представляет собой новый, современный, общедоступный и систематизированный источник документов о Москве 1812 года. Он ориентирован на самого широкого читателя, проявляющего интерес к отечественной истории, и прежде всего на учащуюся молодежь, которая в Эпохе 1812 года всегда будет иметь повод гордиться немеркнувшей славой своего Отечества.

Теперь мне хотелось бы остановиться подробнее на значении и роли Москвы в 1812 году, чтобы, во-первых, стали понятны побудительные причины, вызвавшие появление «Московского календаря», а во-вторых, объяснить наконец, почему Наполеон пошел на Москву и почему Москва сыграла такую роковую роль в его судьбе.

Выше уже говорилось, что значение Москвы в 1812 году недостаточно актуализировано в отечественной историографии; оно присутствует скорее на уровне ощущения, нежели на уровне смысла. И вот почему.

Дело в том, что если значение Москвы как источника материальных ресурсов государства сознавалось у нас с самого начала, еще в период подготовки к войне¹, если, в том числе, сознавалось и нравственное значение Москвы², то политическое значение Москвы оказалось забыто за те 100 лет, что столица была перенесена в Санкт-Петербург, и не учитывалось нами даже после того, как война началась и стала приближаться к Москве. По существу, Москва осознала угрожающую ей опасность не раньше, чем был взят Смоленск, бывший в народном сознании «ключом к Москве».

Сегодня французские авторы пытаются уверить нас в том, что Наполеон не имел намерения идти на Москву (и что, следовательно, мы сами в том виноваты, что Наполеон оказался в Москве, включая, разумеется, и все последствия этого непрошеного «визита»)³. Но, думается, что Наполеон вряд ли согласился бы с тем, что оказался в Москве по недоразумению. Во всяком случае, мы его точно в Москву не приглашали, и французским авторам не мешало бы с этим как-то считаться... или даже обратить внимание на то, что говорит сам Наполеон по этому поводу.

«Я иду в Москву и в одно или два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию. Меня ждут там. Москва сердце Империи; без России континен-

тальная система есть пустая мечта», – говорит Наполеон французскому посланнику в Варшаве аббату де Прадту накануне вторжения в Россию⁴.

А вот что Наполеон говорит посланцу императора Александра I генералу А.Д. Балашову в самом начале войны, в Вильно: «Я пришел, чтобы раз навсегда покончить с колоссом северных варваров... Надо отбросить их во льды, чтобы в течение 25 лет они не вмешивались в дела цивилизованной Европы... Мир я подпишу в Москве... Цивилизация отвергает этих обитателей севера. Европа должна устраиваться без них»⁵.

А затем в Смоленске генералу П.А. Тучкову, плененному в сражении при Валутиной горе: «Не лучше ли трактовать о мире прежде потери баталии, чем после? Да и какие последствия будут, если сражение вами проиграно будет? Последствия те, что я займу Москву, и какие б я меры ни принимал к сбережению ее от разорения, никаких достаточно не будет: завоеванная провинция или занятая неприятелем столица похожа на девку, потерявшую честь свою. Что хочешь после делай, но чести возвратить уже невозможно. Я знаю, у вас говорят, что Россия еще не в Москве, но это же самое говорили и австрийцы, когда я шел на Вену, но когда я занял столицу, то совсем другое заговорили. И с вами то же случится. Столица ваша Москва, а не Петербург. Петербург не что иное, как резиденция, настоящая же столица России – Москва»⁶.

Отсюда понятно, что захват Москвы имел для Наполеона особый смысл – тем самым он хотел, что называется, показать России ее место – за пределами Европы; хотел в буквальном смысле заставить нас признать своей настоящей столицей Москву, столицу допетровской Руси, древней Московии, столицу «скифов», расположенную «во льдах Сибири» и чуждую Европе.

По существу, это был антипетровский проект, который имел целью вернуть Россию в допетровское состояние, вытеснить ее из европейского политического и культурного пространства и, более того, подчинить ее диктату политической системы, созданной Наполеоном. Как таковой, этот проект находился и находится в русле исторически сложившегося неприятия России Европой, которое мы наблюдаем и сегодня.

Наконец, со всей определенностью политическая цель «русской кампании» Наполеона выражена в его воззвании к войскам накануне вторжения в Россию – «положить конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы»⁷. И эта цель могла быть достигнута только в Москве.

Так почему же, в таком случае, «русская кампания» Наполеону не удалась? Что пошло у него не так и в какой момент? Ведь, как ни крути,

а Наполеон достиг-таки Москвы!? Сам Наполеон, вспоминая впоследствии, уже в ссылке, о «русской кампании», говорил: «Во всей этой войне я находился под влиянием дурного гения, порождавшего в решительные минуты препятствия, которые не могли быть предусмотрены»⁸.

Давайте рассмотрим, где же этот «дурной гений» замешался в планы Наполеона и что он такое мог собой представлять? Ведь до самого вступления Наполеона в Москву мы не находим в обстоятельствах военной кампании ничего, что не могло бы быть предусмотрено или ожидаемо завоевателем – не станем же мы относить к числу неожиданностей сопротивление противника, пусть даже и самое отчаянное!?

Тем не менее, вот цель достигнута – Наполеон в Москве! И что же? Москва сгорает прямо у него на глазах! Такого он, действительно, предположить никак не мог! Вот где только начинается влияние «дурного гения, порождавшего в решительные минуты препятствия, которые не могли быть предусмотрены», – в Москве!

Наполеон сразу понимает значение московского пожара – как свидетельство непримиримости русских, – но не хочет этого принять. Еще целый месяц он «из упрямства» (выражение М.И. Кутузова) сидит в «спаленной Москве», игнорируя факт ее сожжения и пытаясь представляться победителем. Тщетно! С каждым днем его «московское сидение» все больше сбивается на карикатуру – русские мира не дают и, очевидно, не желают, «великая армия» все больше становится похожа на банду мародеров, сожженная русскими столица совсем не похожа на трофей победителя, а сам он не знает, что предпринять, чтобы выйти из создавшегося положения, «сохранив лицо».

И вот, пока Наполеон пребывал в такой нерешительности, русские показали, кто же был хозяином положения на самом деле, – 6 октября при Тарутине был разбит авангард «великой армии» под командованием Мюрата. Только теперь у Наполеона открылись глаза. Он вдруг ясно увидел, что Москва была не что иное, как ловушка, в которую заманил его Кутузов, и что, сидя в ней, он только даром потерял время. А ведь он всегда знал: «Потеря времени на войне невозместима»⁹. Он тут же бросается вон из Москвы, гонимый предчувствием грозящей катастрофы... но игра уже сделана. При Малоярославце, где русская армия преграждает Наполеону дорогу, он уже не находит себя способным на сражение. «Этот дьявол Кутузов не получит от меня новой битвы!» – произносит он в сердцах и в первый и единственный раз в своей жизни уклоняется от сражения. Отныне он ищет спасения в бегстве, и хотя лично для себя он его находит, вся его армия на обратном пути из России была разбита.

А теперь возникает интересный вопрос: как же могло случиться, что та цель, которую Наполеон перед собой ставил, к которой он стремился от самых границ России и которой он таки достиг, т.е. захват Москвы, вместо желанного торжества обернулась провалом всей его стратегии? Что здесь, в этом захвате Москвы, было такого, что не укладывалось в ожидаемый им результат, что невозможно было ему предвидеть? Неужели «великодушный пожар», которого «предузнать», говоря словами Пушкина, Наполеон не смог, был всему виной?

Нет, не только. Московский пожар, безусловно, сыграл свою роль: он не мог не иметь нравственного влияния на противника, и в этом, прежде всего, следует искать причину разложения наполеоновской армии в Москве; и уже по этой причине московский пожар обретает значение нравственной победы русского народа над врагом!¹⁰ Но было еще одно обстоятельство, которого Наполеон также «предузнать» не смог и которого игнорировать никак не получалось (его он также мог бы отнести насчет «дурного гения, порождавшего в решительные минуты препятствия, которые не могли быть предусмотрены»), – *он не смог разбить русскую армию в генеральном сражении при Бородине*. Вот где только сказался настоящий результат Бородинской битвы – в Москве, и сказался не в пользу Наполеона. Вот где только Наполеон мог в полной мере осознать коварство Кутузова при уступке ему Москвы, и вот где Кутузов стратегически уже переиграл Наполеона – в Москве!

Можно сколько угодно отвлеченно спорить о том, кто же победил при Бородине – мы или французы. Спор этот бесплоден, ибо очевидного результата победы на Бородинском поле не было ни у одной из сторон, но результат этого сражения становится очевиден там, где каждая из сторон в нем более всего нуждалась, – в Москве, и Наполеон на своей стороне его не находит. Так что для Наполеона Бородинское сражение оказалось сражением с отложенным концом, какого еще не было в его практике, и концом тем более чувствительным, что он осознал его там и тогда, где и когда менее всего был к этому готов, – в Москве.

Это впоследствии, уже в ссылке, Наполеон будет утверждать: «В Москве весь мир уже готовился признать мое превосходство: стихии разрешили этот вопрос»¹¹. Но это не более чем слова. Ведь достаточно было только русской армии не признать этого мнимого «превосходства» Наполеона, чтобы его не признал и «весь мир». «Стихии» же отказали Наполеону в признании уже потом, в последнюю очередь.

После Москвы для Наполеона все перестает быть прежним – и он сам, и его армия. Современников поразила и привела в недоумение

та перемена, которая обнаружилась в наполеоновской армии сразу же по выходе ее из Москвы. «Чем больше размышляю, тем непонятнее кажется мне сие отступление, которое не было следствием потери главного сражения, но предпринято без всякого приготовления; думать надобно, что причиною оно было какое-нибудь непредвиденное приключение. Какое отступление! Не видно, чтоб оно совершаемо было под начальством великого полководца; беспорядок, смятение, недостаток господствуют во французской армии с первого дня сей ретирады»¹².

Чтобы понять, до какой степени спонтанным и неподготовленным было французское отступление из Москвы, достаточно сказать, что за месяц своего сидения в Москве французы даже не удосужились подковать своих лошадей, чтобы подготовить их к зимней кампании. В результате, на возвратном пути вся их кавалерия была потеряна, а с ней вместе – и артиллерия, лишенная конной тяги. Невольно задумаешься вопросом: в каком же смятении должен был пребывать полководец, если не озаботился о таких насущных вещах?!

И вот наиболее авторитетное тому подтверждение: «Бонапарте неузнаваем. Порою начинаешь думать, что он уже больше не гений. Сколь беден род человеческий!»¹³. Это пишет М.И. Кутузов жене, что любопытно, того же 3 ноября 1812 г., накануне боев под Красным, где наполеоновская армия потерпела сокрушительное поражение¹⁴ и где ее отступление превращается в паническое бегство.

Перемена военного счастья, происходящая после бегства Наполеона из Москвы, производила на современников впечатление чего-то чудесного, достойного благодарения небес. «Оборот, который приняла война, есть неудобопонятный», – пишет в декабре 1812 г. дежурный генерал 1-й армии П.А. Кикин государственному секретарю А.С. Шишкову и в том же письме выдвигает идею о сооружении в Москве храма-памятника Христу Спасителю, которая и была поддержана Манифестом от 25 декабря 1812 г.¹⁵

Но если все-таки оставаться на почве земного объяснения событий, к чему, собственно, и призвана история, то мы должны будем признать, что эта перемена военного счастья связана непосредственно с Москвой. Москва исчерпала весь стратегический ресурс Наполеона, опрокинула все его расчеты. После Москвы «русская кампания» Наполеона уже не имеет военного решения, оставляя ему лишь надежду на спасение, увы, тщетную.

Здесь также становится понятен и стратегический замысел Кутузова – он был основан именно на пожертвовании Москвы. Вспомним слова Кутузова, сказанные на военном совете в Филях полковнику Толю: «Vous craignez la retraite par Moscou et moi je la considère

comme une Providence car cela sauve l'armée. Napoléon est comme un torrent que nous ne pouvons pas encore arrêter. Moscou sera l'éponge qui le recevra»¹⁶.

И замечательно, что сознание этой жертвенной уступки Москвы передалось русскому народу¹⁷. С.Н. Глинка совершенно прав, когда говорит, что с той минуты, как Наполеон вошел в Москву, он вступил в бой со всем русским народом. И теперь мы можем сказать, что не «дурной гений» Наполеона был главным виновником его неудачи в «русской кампании», – это были патриотизм русского народа и доблесть русской армии во главе с фельдмаршалом М.И. Кутузовым.

¹ Иллюстрацией этого может служить Записка М.Б. Баркляя де Толли «О защите западных пределов России» от марта 1810 г., где говорится: «Москва будет служить главным хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы». Цит. по: Материалы Военно-ученого архива. Отечественная война 1812 года. Отд. 1. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 3.

² О чем могут свидетельствовать, например, слова главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Раstopчина: «Я очень хорошо видел, что Москва подает пример всей России. Ей подобало служить регулятором, маяком, источником электрического тока». Цит. по: *Росточин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С. 261.

³ Автор идеи Фернан Бокур (1921–2005).

⁴ Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 557–558. Любопытно, что тому же де Прадту довелось первому услышать и знаменитые слова Наполеона, сказанные по возвращении из России: «От великого до смешного – один шаг».

⁵ *Арман де Коленкур.* Поход Наполеона в Россию (Мемуары). Смоленск, 1991. С. 81–82.

⁶ Цит. по: Отечественная война 1812 года. Сб. док. и мат. Л.; М., 1941. С. 52.

⁷ Цит. по: *Савелов Л.М.* Московское дворянство в 1812 году. М., 1912. С. 89.

⁸ *Веймарн Ф.В.* Барклай де Толли и Отечественная война 1812 года // Русская старина. 1912. № 8. С. 326.

⁹ Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2000. С. 176.

¹⁰ Здесь мы хотели бы прибегнуть к свидетельству современников, которые по поводу мнимого нравственного превосходства французов, утверждаемого ими в литературе, замечают, что «нравственное превосходство французского войска над русским состояло только в воображении французских писателей». Цит. по: *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1. СПб., 1834. С. 157.

¹¹ Максими и мысли узника Святой Елены. СПб., 1995. С. 72.

¹² Из письма русского офицера от 3 ноября 1812 года // Сын Отечества. 1812. № 7. С. 39.

¹³ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 251.

¹⁴ Было взято более 26 тыс. пленных, более 200 орудий, 6 полковых знамен, маршалский жезл Даву и личные вещи Наполеона, что, однако, не помешало французам представить бои под Красным как свою победу и даже удостоить ее почетного места на триумфальной арке в Париже. Но такова уж французская историография «русской кампании» – она насквозь фантазийна.

¹⁵ Москвитянин. М., 1846. Ч. 1. № 1. С. 160.

¹⁶ «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо оно спасает армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва – это губка, которая всосет его в себя». Цит. по: Записка о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // *Военский К.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911. С. 70.

¹⁷ «Эта великая жертва принесена была без ропоту, без мятежа и народного негодования в самой Москве и в губерниях только потому, что повеление шло от Кутузова». (Из воспоминаний А.П. Бутенева // *Русский архив.* 1881. Кн. 3. № 5. С. 81–83.)

С.А. Тихомиров

**Исторические судьбы московских монастырей
в документальном наследии эпохи
наполеоновского нашествия
(письма Преосвященного Августина (Виноградского)
к Святейшему Синоду)**

Исследователям уже давно известна переписка со Святейшим Синодом Преосвященного Августина (Виноградского), который в эпоху Отечественной войны 1812 года возглавлял московскую кафедру, являясь викарием Московским, епископом Дмитровским¹. Он заступил на кафедру во время болезни митрополита Платона (Левшина)² и стал возглавлять Московскую митрополию после его преставления в 1812 г. Избранные письма церковного иерарха в Святейший Синод были написаны в сентябре – ноябре 1812 г., в период наиболее активных действий, связанных с судьбами первопрестольного града после оставления его русской армией в начале сентября 1812 г. На страницах переписки оживают сложные перипетии эпохи наполеоновского нашествия: в срочном порядке различные ценности московских монастырей требовалось эвакуировать в тыловые губернии, иерарх заботился о судьбах чудотворных и особо почитаемых икон, ближайшая оккупация диктовала ему необходимость огласить наставления священно- и церковнослужителям, монашествующим по их пребыванию в столице.

Впервые в научный оборот переписку частично ввели историки Н.Ф. Дубровин³ и П.И. Щукин⁴. Сегодня письма Преосвященного Августина хранятся в Российском государственном историческом архиве, в фонде Святейшего Синода⁵. Сохранилось их немного. При изучении архивных фондов РГИА и научной литературы мне удалось выявить шесть документов, говорящих о судьбах московских монастырей в эпоху наполеоновского нашествия⁶.

Источники эти неоднократно использовались в исторических исследованиях, их обильно цитировали, однако они никогда не анализировались в совокупности с другими документами⁷. Их изучение крайне актуально для воссоздания реалий и подробностей событий эпохи Отечественной войны 1812 года. И научное прочтение писем Преосвященного

Августина в совокупности с другими источниками, например, его письмами к обер-прокурору Святейшего Синода А.Н. Голицыну⁸, воспоминаниями и ответами на вопросы при создании «Описаний происшествий в московских монастырях в 1812 году» настоятелей и монахов московских монастырей⁹, а также другими источниками, позволит создать объективную историю жизни Московской митрополии во время наполеоновского нашествия. Подробному изучению этих документов автор публикуемой в настоящем сборнике статьи намерен посвятить свои дальнейшие изыскания.

О московских событиях эпохи наполеоновского нашествия писали много, плодотворно и с разных методологических точек зрения¹⁰. Литературный критик В.Г. Белинский в одном из своих сочинений говорил: «У всякого народа своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа...». Отступление русской армии, совет в Филях, эвакуация, оставление и оккупация Москвы французами – критические моменты в истории дворянской столицы времен александровского царствования. Но, несмотря на все страдания и лишения, несмотря даже на самые сильные ранения: разграбление, пожар и гибель Первопрестольной, русский народ показал, что победить его невозможно¹¹.

Историк И.И. Полосин в статье «Кутузов и пожар Москвы 1812 года», опубликованной более полувека назад, впервые в отечественной историографии поставил «вопрос о том, как проходила эвакуация Москвы в 1812 году»¹². Исследователь подчеркивал, что вряд ли «историки знают, когда и как началась и как протекала эвакуация столицы, как и где размещались беженцы? Кто, почему и зачем оставался в Москве, оккупированной французами? Каково было отношение общественного мнения, гражданской эвакуации, Ростопчина и командования армией (Кутузова) к оставлению Москвы, к пребыванию русских в Москве при французах? Как после, по очищении Москвы от французов, протекала работа комиссии по рассмотрению дел о лицах, оставшихся в оккупированной французами Москве? Как происходила реэвакуация? Как решались вопросы размещения реэвакуированных?»¹³.

Высказанные И.И. Полосиным суждения о малоизученности вопросов московской эвакуации вытекали из неразработанности историографической традиции, поскольку при всей широте освещения роли первопрестольного града Москвы в событиях Отечественной войны 1812 года обстоятельные научные сочинения о судьбе московского имущества – и светского, и церковного, и гражданского, и военного – накануне отступления российской армии из Москвы долгое время практически отсутствовали. Единственное исключение составляет вышедшая в Москве накануне столетия Отечественной войны 1812 года

брошюра С.Н. Цветкова, которая специально была посвящена эвакуации ценностей Московского Кремля в Вологду¹⁴.

Источники, о которых пойдет речь в этой публикации, частично расскажут о московских монастырях, в основном о хронологии эвакуации и последствиях для православных обитателей оккупации Первопрестольной в эпоху наполеоновского нашествия.

Рапорт епископа Дмитровского, викария Московского Августина (Виноградского) Святейшему Правительствующему Синоду, датированный 6 сентября 1812 г., посвящен рассказу Преосвященного о подготовке к отправлению ценностей московских монастырей в Вологду, а также о распоряжениях главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина, последовавших в связи с отходом русских войск из Москвы в начале сентября 1812 г.¹⁵

Из рапорта следует, что первоначально, «за несколько прежде», последовало устное распоряжение Ф.В. Ростопчина о немедленном приготовлении монастырских ризниц к эвакуации «в случае опасности от неприятеля», а 13 августа градоначальник «письменно отнесся» все драгоценные ризничные вещи монастырей и соборов отвезти в Вологду.

В сохранившейся копии с предписания Ф.В. Ростопчина, предположительно датированной 2 сентября 1812 г., говорилось: «Нечаянное решение князя [М.И.] Кутузова оставить Москву злодею должно решить и Ваше[му] Преосвященству отправиться немедля. Но именем государя сообщаю Вам, чтобы Вы Владимирскую, Иверскую и Смоленскую Богоматери взяли с собою. Народ ночью сего не приметит, а предлогом [будет то], что им хочет молиться войско. Путь Ваш – на Владимир»¹⁶.

Исходя из этого распоряжения графа Ф.В. Ростопчина, «драгоценные утвари, состоящая в камнях, жемчугах, золото и серебро из ризниц митрополии Московской, Савина, Петровскаго, Богоявленскаго, Крестовоздвиженскаго, Знаменскаго и Перервинскаго монастырей, из собора Архангельскаго и других соборов и церквей, собраны и отправлены в город Вологду вместе с Патриаршею ризницею». Настоятеля этих монастырей отправились с ценностями в Вологду.

Как видно из источника, Преосвященный Августин попечение по спасению церковных ценностей поручил ректору Московской духовной академии архимандриту Симеону (Крылову-Платонову)¹⁷. Экспедиция с ценностями московских монастырей, судя по документу, отправилась в Вологду 31 августа 1812 г.

Одновременно с церковными ценностями эвакуации подверглись «дела консисторския важнейшия, как-то: указы, книги метрическия и ведомости о суммах церковных».

При прочтении рапорта понимаешь, что к формированию эвакуационных обозов власти подходили избирательно. В Первопрестольной были оставлены «серебряные оклады на иконах и паникадилах в монастырях и соборах», поскольку главнокомандующий в Москве граф Ф.В. Ростопчин «не мог согласиться на обобрание оных». Причиной осторожности в действиях градоначальника послужила напряженная обстановка в Москве и опасение «не сделать волнения и беспокойства в народе».

Далее Преосвященный Августин рассказывал о своих действиях как епархиального архиерея. Ссылаясь на решение М.И. Кутузова о сдаче Москвы французским войскам, церковный иерарх сообщил о своем отъезде во Владимир 2 сентября 1812 г.

Из документа видно, что он лично ведал вопросом эвакуации наиболее почитаемых в народе икон – Владимирской Божией Матери¹⁸ из Успенского собора Московского Кремля и Иверской Божией Матери¹⁹ из одноименнопосвященной часовни на Красной площади. Особо Преосвященный обращал внимание на икону Смоленской Божией Матери²⁰, увезенную с собой епископом Смоленским Иринеем (Фальковским)²¹ из Смоленска в Москву, а затем – в Ярославль.

В поездке архиерея сопровождал архимандрит Златоустовского монастыря Лаврентий (Бакшевский)²².

Следующий рапорт Преосвященного Августина, адресованный Святейшему Синоду, датируется 25 сентября 1812 г. Он сообщал о получении от главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова предписания распорядиться отбитыми у французов церковными ценностями из Москвы²³.

Ссылаясь на предыдущий документ, отправленный в Санкт-Петербург 6 сентября 1812 г., архиерей извещает церковные власти о своем прибытии во Владимир 5 сентября 1812 г.

Пробыв в этом городе два дня, иерарх, согласно повелению графа Ф.В. Ростопчина «всем московским присутственным местам из Владимира отправиться далее», «выехал из Владимира 8-го числа [сентября] и остановился в уездном городе Муром, где доселе и остаюсь».

Из последующего текста явствует, что Преосвященный Августин по благословию епископа Владимирской епархии Ксенофонта (Троепольского)²⁴ проживал в третьеклассном Благовещенском монастыре²⁵. Оттуда иерарх намеревался отправиться далее «в Коломну, в город, принадлежащий Московской епархии»²⁶. Однако по причине военного времени он вынужден был изменить свои планы, поскольку «обстоятельства того еще не позволяют».

Еще в этом документе архиерей сообщал о получении от главнокомандующего русской армией М.И. Кутузова предписания о всевоз-

можном попечении и заботе о «снятом неприятелем со святых икон» серебре и прочей церковной утвари, «которая перехвачена нашими партиями и представлена была Его Светлости вместе с французским курьером, который вез святотатственную добычу оную».

Выяснилось, что «в слитках, которые, как видно, слил неприятель, оказалось: серебра, с разными металлами смешанного, пуд четырнадцать фунтов; в изломанных окладах, венцах, сосудах, кадилах и других церковных утварах оказалось серебра пуд тринадцать фунтов; выжиги неслитой в крохах четыре фунта; гасу золотого тридцать аршин; гасу серебряного пятьдесят аршин; бахромы золотой с серебром сорок аршин; двенадцать кистей золотых с серебром и при них семь аршин золотых снурков; позументу золотого и серебряного половинчатого шестьдесят аршин; тесьмы серебряной с золотом до шестидесяти аршин; спорок с риз серебряной материи; ризы парчевыя поношенные; воздух большой зеленого бархата, шитый золотом, с коего крест сорван; два воздуха малые и третий большой тафтяные, обложены мишурным позументом; спорок с епитрахили серебряной материи; поруча голубаго бархата, шитая золотом; поруча парчевая ветхая; ораль серебряной материи ветхий; два полотнища парчи, в каждом меры аршин с четвертью; наконец, облачение священническое католической церкви из разных шелковых материй, обложенное мишурным позументом, и антиминос из Униатской церкви. Так нечестивый галл ругается святыне не только нашей, но и своей, которых чтителем себя нарицает».

Сообщая в Святейший Синод об этом обстоятельстве, Преосвященный Августин спрашивал «указнаго предписания, куда оное серебро и церковную утварь обратить благоволено будет. Причем прилагаю копию с отношения ко мне Его Светлости князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова».

Для выяснения судьбы отбитого у французов церковного серебра исследователям интересен фрагмент письма М.И. Голенищева-Кутузова к епископу Дмитровскому, викарию Московскому Августину от 14 сентября 1812 г.: «Неприятель, жадный опустошать все, что ему ни удастся, и во храмах Господних корыстоваться. Курьер, ехавший во Францию, который вез серебро, с образов снятое, и утварь, перехвачен нашими партиями. Я таковое серебро посылаю с отправляемым во Владимир гвардии поручиком Матевским к Вашему Преосвященству, яко ближайшему пастырю епархии Московской»²⁷.

В ответе на это письмо церковный иерарх 25 сентября 1812 г. писал: «Светлейший князь, милостивый государь мой! Почтеннейшее письмо Вашей Светлости от 14-го сего месяца и при нем серебро, снятое святотатственными руками жаднаго неприятеля со Святых икон, и некоторую церковную утварь я имел честь получить 23-го числа того же

месяца. О чем рапортовал и Святейшему Синоду с надлежащим описанием оных священных вещей. Богоотступный галл пускает стрелы свои и противу самага неба. Нечестие его простирается до толе, что не только ругается олтарем нашим, но и своим, которым поклоняется. Между утварью, присланною от Вашей Светлости, я нашел некоторыя утвари и католической церкви. Но Бог поруган не бывает. Праведный гнев Его чем медленнее постигает нечестивых, тем жесточае поражает их. Верую, что Бог Отец наших восстанет в помощь нашу и испустит перуны праведнаго мщениа на язык нечестивый, дерзнувший вторгнуться в достояние Его и осквернить храм святой Его. После туч, покрывающих любезное отечество наше, скоро настанет ведро тишины и спокойствия и слава Монарха нашего воссияет яко солнце. День и ночь воссылаю о сем недостойныя молитвы мои к престолу Господа сил и, призывая благословение небесное на все Российское воинство и на Вас, мужественнаго и мудраго военачальника его, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть, Светлейший князь! Милостивый государь мой! Вашей Светлости покорнейший слуга и богомolec Августин, епископ Дмитровский, Московский викарий»²⁸.

Следующий документ такой же тематики, датированный 17 октября 1812 г., – объяснительное письмо ремесленника Н.П. Кампиони священнику церкви Вознесения Господня, что близ Сретенки, Алексею Маркову о передаче церковного серебра, оставшегося у него после переплавки, – иллюстрирует повседневную практику разрешения поставленных жизнью вопросов²⁹:

«Священный Иерей, Алексей Маркович!

Данной мне французскими неприятелями с угрожениями различных штук лом серебра для сплавки я сплавил, и оное у меня осталось, я о нем сперва сего октября 7-го дня Вам, Священнику, объявлял, что имею желание оное сплавленное серебро, как скоро безопасно будет от неприятелей, возвратить в Варсонофьевскую Вознесенскую церковь, а ныне того же месяца 17-го дня все серебро в слитках без остатку вношу в церковь на пользу Вознесенской Варсонофьевской церкви, предоставляя оное в полное распоряжение Вашего Священства, а серебро в слитках весом четыре пуда три фунта с половиною, также при сем не изломанных вещей, после сплавки мне теми же французскими неприятелями принесенных для сплавления же: потир серебряной и вызолоченной, дискос, лжица и два блюдца серебряные же, оное как принесенное неизломанным, то и осталось в целости, то и прошу их возвратить, куда следует в церковь, учиня о них надлежащее объявление.

Доброжелатель Ваш иностранной нации временной цеховой мастер Николай Кампиони».

И приложенное к этому документу свидетельство священника церкви Вознесения Господня, что близ Сретенки, А. Маркова о церковном серебре, находящемся во владении ремесленника Н.П. Кампиони, подтверждает возврат украденного серебра в разряд церковного имущества с последующей его переплавкой: «Свидетельствую сим, г[осподи]н Кампиони заявил, что он похищенное неприятельскими войсками в слитках серебро, в которое принудили его неприятели слить, желает возвратить в церковь Вознесенскую, как скоро российские войска вступят в Москву.

В чем, сим своеручно свидетельствуя, подписуюсь.

Церкви Вознесения Господня, что близ Сретенки, священник Алексей Марков».

В рапорте от 4 ноября 1812 г. Преосвященный Августин сообщал Святейшему Синоду о своем пути в Первопрестольную, описывал обстановку в московских монастырях после оккупации Москвы армией Наполеона³⁰.

Ссылаясь на предписание главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина от 19 октября 1812 г., он извещал церковные власти в Санкт-Петербурге о получении приглашения «направить путь к первопрестольному граду». Из сообщения архиерея явствовало, что обстановка в Москве диктовала ему необходимость возвратиться в Первопрестольную, ибо «жители желают возвращения моего, церкви освящения и все истинные христиане – присутствия чудотворных икон». Поэтому, как сообщал Преосвященный, он 20 октября 1812 г. отправился «в подлежащий путь» из Мурома, «где было мое пребывание», во Владимир, куда и прибыл 22 октября 1812 г.

Во Владимире церковный иерарх посетил гражданского губернатора А.В. Супонева³¹, который по поручению Ф.В. Ростопчина передал ему предписание сделать остановку в этом губернском городе и «ожидать от него другого отношения с нарочным». Далее Преосвященный писал: «Я ожидал онаго [сообщения] пять дней, но [его] не получил, [и] 27-го числа отправился к Москве».

По дороге из Владимира к Москве епископ Дмитровский Августин получил от Ф.В. Ростопчина письмо следующего содержания: «...по приезде моем в Москву узнал я, что при первом обозрении соборов открылось, что все мощи святых угодников вынуты и разбросаны, а у некоторых оторваны члены, в том числе у царевича Димитрия³² отрублена голова, а Алексея митрополита³³ мощей и совсем нет, о чем третьяго дня с отправленным мною курьером я представил Его Императорскому Величеству на разрешение тайно или открытым образом при народе собрать святые мощи и положить в раки. Почему и прошу покорнейше Ваше Преосвященство остановиться в Богородске и ожидать от меня уведомления».

В тексте рапорта иерарх сообщал, что по пути в Москву он «остановился в загородном Черкизовском доме³⁴, принадлежащем митрополии Московской». Далее в рапорте описывались события в Москве, о которых архиерей узнал от сакеллария Успенского собора Московского Кремля Александра Афанасьева³⁵. «Как только услышал я, – передает слова сакеллария Преосвященный Августин, – что неприятель 11-го числа сего месяца очистил Кремль, тот же час поутру же и пошел в собор, уводя с собою кладбищенского, что на Ваганькове, священника³⁶ и портнаго, жившего со мною, Матвея Жукова. По входе моем в собор нашел я немало черного народа³⁷, котораго с нуждою выгнав, запер собор своим замком. На другой день, по требованию господ генералов [И.Д.] Иловайскаго [4-го]³⁸ и [А.Х.] Бенкендорфа³⁹, ходил я также с помянутым портным, за неимением при мне сторожей, не зная, где кто и живет.

Ожидая их, сколько мог, при сем случае усмотрел я, что собор совершенно неприятелем разграблен. Не только оборвал он со всех святых икон, не оставляя и верхния, оклады в иконостасе со всеми их украшениями, но и самыя местныя и около передних столпов большия иконы, древностию своею доселе прославлявшися, похитил или истребил, оставя одни пустыя места. Ковчеги с частями разных святых мощей, три сосуда, каждодневно употребляемые, два креста серебряные, подсвечники выносные и малые, лампы, большое паникадило, кадило, блюда и ковши, также всегда употребляемые, также похитил. Не оставил никакой утвари, как-то: Евангелиев, риз, стихарей, подризников и прочих вещей, потребных к священнослужению, равно на престольных, жертвенничных и наложных одежд, пелен, покровов, что все истребил или сжег, как свидетельствует найденный в соборе на полу бывшим со мною помянутым Жуковым небольшой сверток выжиги.

Драгоценныя же ризничныя вещи, состоящия в золоте, камнях, жемчуге, и много разных серебряных утварей отправлены в Вологду с Патриаршею ризницей.

Коснулся [неприятель] и святительских мощей.

Святителя Петра⁴⁰ раку открыл, но [мощи] его остались в раке.

Святителя Филиппа⁴¹ раку изломал и мощи выбросил, которыя я поднял, положил на святой престол, который неприятелем обнажен.

Мощи же святителя Ионы⁴² остались неприкосновенными и все в целости.

Наконец, подорвал колокольню⁴³, под которой имеется церковь Иоанна писателя Лествицы, но и тот поврежден, отчего все окончины выбиты.

По выходе же помянутых генералов паки запер я собор и просил, чтобы к дверям поставлен был караул, который и поставлен.

И я более в Успенский собор не входил, потому что в Кремль никого не впускали».

Находясь, вероятно, под большим впечатлением от прочитанного, Преосвященный Августин захотел лично после допуска в Кремль, «когда мне открыт будет Кремль и соборы», «освидетельствовать соборы, монастыри, в нем находящиеся».

Как следовало из рапорта, иерарх обещал Святейшему Синоду «не умедлить... сделать подробное о всем донесение Вашему Святейшеству, также о всех монастырях, соборах и церквах, в Москве состоящих». Епископ планировал собрать «надлежащая и подробная сведения, в каком они остались состоянии после неприятеля»⁴⁴.

Рапорт Преосвященного Августина в Святейший Синод, датированный 12 ноября 1812 г., рассказывал о получении предписания императора Александра I о восстановлении московских монастырей после оккупации Первопрестольной армией Наполеона и о личном освидетельствовании святых мощей московских церковным иерархом⁴⁵.

Преосвященный Августин извещал церковные власти в Санкт-Петербурге о получении 6 ноября 1812 г. письма обер-прокурора Святейшего Синода А.Н. Голицына, в котором тот доводил до сведения архиерея императорское повеление о возобновлении епархиальной жизни в Москве: «...вследствие полученного донесения об освобождении Москвы от врага, государь император, за первый долг поставляя водворить в сем граде мир Церкви, несправедливым оружием потрясенный, и восстановить свободное богослужение, желает, чтобы Ваше Преосвященство, по предварительному сношению с главнокомандующим армиями генерал-фельдмаршалом князем Кутузовым, не умедлили возвратиться в столицу. Присутствие архиерея, яко духовного вождя, полезно и необходимо. От местного усмотрения Вашего зависеть будет избрать себе место пребывания».

По власти Божией спасены соборы и некоторые церкви от разрушения.

Государь император поручает Вашему Преосвященству, уготовав и устроив оныя к принесению в них бескровных жертвы, освятив по чиноположению. После сего должно быть крестное хождение по городу, в очищение от всяких скверных иноплемных. Распоряжению Вашего Преосвященства предоставляется собрать столько духовных, сколько можно будет в первый раз, и снабдить храмы Божии священно- и церковнослужителями.

Государь император надеется, что Вы, яко архипастырь, употребите в сем случае возможное попечение о благе Церкви и пользе Отечества.

Во всяком случае, можете сноситься с главнокомандующим армией⁴⁶, наипаче же с генерал-адъютантом Павлом Васильевичем Голенищевым-Кутузовым⁴⁷, заступающим место барона [Ф.Ф.] Винцингероде⁴⁸, и который будет содействовать нам по мере Ваших требований».

Вторая часть документа гласила о возвращении Преосвященного Августина из Владимира в Москву.

В Первопрестольную иерарх въехал 7 ноября 1812 г.

Как следовало из повествования архиепископа, его возвращение ознаменовало и возвращение в столицу чудотворных икон Владимирской и Иверской Божией Матери, столь почитаемых в народе. Несколько месяцев вынужденной эвакуации он безотлучно находился при них, воздавая молитвы Богородице, славя за благодати, от них происходящие. С их появлением в Москве после изгнания врага в сердцах и умах жителей поселялась надежда на восстановление поруганных святынь и возобновление московских церквей и монастырей.

На следующий день, 8 ноября 1812 г., он остановился в Сретенском монастыре, «который создан в память Сретения Владимирския Богоматери». По церковному календарю в этот день праздновался день Архистратига Михаила. И в этот праздник, как того требовал церковный канон, совершалась литургия. Иконы Владимирской и Иверской Божией Матери архиерей перед службой, как описывалось в рапорте, «внес в теплую церковь Сретенскаго монастыря». Затем совершалось молебное пение Божией Матери, «потом пето многолетие государю императору и всей Высочайшей фамилии, Вашему Святейшеству, Правительствующему сигклиту и воинству». Завершилась служба «литургией и молебном по случаю тезоименитства Его Высочества великого князя Михаила Павловича⁴⁹».

Вечером 8 ноября 1812 г., как явствует из рапорта, Преосвященный встретился с главнокомандующим в Москве графом Ф.В. Ростопчиным. Они посетили Успенский и Архангельский соборы Московского Кремля.

В рапорте архиепископ в точности передал увиденную обстановку в соборах: «Мощи святителя Ионы мы нашли так, как они были до нашествия неприятельскаго. Рука нечестия не дерзнула коснуться их. Осматривали главу, руки, ноги, и все нашли неповрежденным сколько от времени, столько и от злодея. Самая рака ничем не тронута. Серебро, которым она обита, нимало не оборвано, решетка, ее ограждающая, на своем месте, оклад округ образа, на стене написанного, цел и не поврежден.

Рака святителя Филиппа стоит также на своем месте, только передняя дольная доска отколота. И потому святыя мощи сдвину-

лись на помост церковный, который, как я уже рапортовал Вашему Святейшеству, ключарь, поднявши, положил на святой престол, где я и нашел их. И по освидетельствовании оказалось, что они в таком же состоянии, в каком были до неприятеля, даже политура, которая накладывалась на главу его, саккос пресчатый из золотой материи, покров на подобие передней части саккоса, по малиновому бархату богато вышитый, целы и невредимы.

Мощи святителя Петра всегда были сокрыты и запечатаны, но безбожный злодей открыл их. Мы взяли смелость освидетельствовать их и нашли в совершенной целости. Хищная рука нечестиваго врага совсем не касалась их.

Мощей царевича Димитрия в Архангельском соборе не оказалось. По выходе неприятеля из Москвы священник Воскресенскаго девичьяго монастыря Иван Яковлев, желая спасти их от расхищения благочестиво буйной черни⁵⁰, сокрыл их в Воскресенском монастыре, в соборной церкви, над царскими дверьми, за иконостасом, о чем после мне было объявлено, и святые мощи возвращены в свое место».

9 ноября 1812 г. московский архипастырь в сопровождении архимандрита Симоновского монастыря Герасима и четырех духовных лиц «для отыскания местных икон» повторно посетил Успенский собор Московского Кремля.

Через два дня после своего возвращения в Москву, 10 ноября 1812 г., как известно из рапорта, епископ Дмитровский Августин служил в Сретенском монастыре, а «после литургии с духовенством, какое собрать мог, с крестным ходом перенес икону Иверския Богоматери в Ея часовню».

Подойдя к часовне, Преосвященный совершил чин освящения воды, окропил поруганную святыню, где ранее находилась чудотворная икона Иверской Божией Матери, освятил часовню, а затем «внес икону и поставил на своем месте».

Для поновления соборов Московского Кремля архиерей предлагал в рапорте «прежде всего... сделать окончины, которые от подкопов все вышиблены». Он предпринимал попытки найти «мастеров и стекол, но и того, и другого еще мало в Москве». И поскольку денежных средств для реставрации в казне Московской митрополии не хватало, Преосвященный «денег для сего занимал у главнокомандующаго, графа Федора Васильевича Ростопчина».

Далее московский архипастырь писал: «11-го числа Симоновский архимандрит, по совету и настоянию моему, дал заимообразно из монастырской суммы две тысячи рублей директору Духовной типографии на поправки оной и на содержание работников».

Завершая свой рапорт, Преосвященный Августин констатировал:

«Монастыри мужские: Чудов ограблен, но не созжен, Новоспасский – разграблен и созжен, Симоновский и Донской – только разграблены, Заиконоспасский, Петровский – целы, но ограблены, в Богоявленском – братския кельи сгорели, Греческий и Златоустов – целы, только разграблены, Данилов – весь цел, все в нем спасено, и мощей благоверного князя Даниила⁵¹ рука вражия совсем не касалась, Андроньев – сгорел, также Крестовоздвиженский, Перервинский и Угрешский – целы, только разграблены, Покровский – цел, в Знаменском – сгорели братския кельи.

Монастыри женские: Вознесенский – цел, только разграблен, Новодевичий – цел, только разграблен, Алексеевский, Зачатьевский, Никитский, Ивановский и Георгиевский – сгорели, Страстной, Рождественский – целы, только разграблены.

Духовенство московское собирается.

Многия церкви, которыя менее потерпели от неприятеля и при коих осталось сколько-нибудь прихода, освящаются».

«Подробнейшее же о всем донесение имею представить Вашему Святейшеству по собрании обстоятельных сведений о всех монастырях и церквах...» – делал заключение в этом рапорте Преосвященный Августин.

В рапорте Святейшему Правительствующему Синоду от 25 ноября 1812 г.⁵² Преосвященный Августин сообщал об осмотре после наполеоновской оккупации кафедрального Чудова монастыря, проведенном архимандритом ставропигиального Симонова монастыря Герасимом и заместителем Чудова монастыря иеромонахом Константином. Особое внимание в этом документе архиерей обратил на факт обретения и освидетельствования мощей святителя Алексея, митрополита Московского, проведенного 12 ноября 1812 г. Преосвященный заметил, что при осмотре раки святого монашествующими обнаружилось хищение серебра и драгоценностей, украшавших ее, а рака сама «обнажена», и святые мощи открыты. И в этой ситуации Преосвященный не преминул самостоятельно освидетельствовать мощи святителя Алексея, после чего «нашел их в целости».

Далее викарий Московский, епископ Дмитровский Августин церковным властям в Санкт-Петербурге сообщал о получении корреспонденции от иеромонаха Саввина монастыря Иустина о судьбе сей обители в период неприятельского нашествия, отправленной 23 ноября 1812 г. Как видно из письма, мощи преподобного Саввы, «в оном монастыре опочивающия, находятся в целости, как были до неприятеля». Настоятель обители сообщал Преосвященному, что «монастырь Саввинский по власти Божией спасся от пожара, только потерпел

некоторое разграбление от неприятеля, который занимал его прежде конницей своею, а потом пехотою».

Итак, в представленном обзоре переписки Преосвященного Августина, епископа Дмитровского, викария Московского затронуты вопросы о спасении ценностей московских монастырей в период Отечественной войны 1812 года. Подробнейшим образом в документах описаны хронология и действия церковных властей в ходе эвакуации церковных ценностей. Учитывая масштабность событий, наличие большого корпуса материалов, следует заметить, что окончательный ответ в изучении исторических судеб монастырей и церковью Первопрестольной может быть найден только при комплексном подходе к критике источников. Необходимо всестороннее рассмотрение документов, не только представленных в данной публикации, но и других источников, хранящихся в многочисленных фондах отечественных архивов. Поиск ответов на извечный вопрос русских историописателей «Откуда есть пошло» представит развернутую картину событий до и после оккупации армией Наполеона Москвы, действий гражданских и церковных властей столицы в эпоху Отечественной войны 1812 года.

¹ Архиепископ Августин (Виноградский) (1766–1819) – иерарх Русской православной церкви, архимандрит Можайского Лужецкого монастыря (1798–1801), архимандрит московского Богоявленского монастыря (1801–1802), ректор Славяно-греко-латинской академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря (1802–1804), епископ Дмитровский и викарий Московский (1804–1814), во время Отечественной войны 1812 года проявил себя с наилучшей стороны, за что возведен в сан архиепископа Дмитровского (1814), назначен архимандритом Троице-Сергиевой лавры (1814), стал членом Святейшего Синода и управляющим Московской митрополии, с 1818 г. – архиепископ Московский и Коломенский.

² Митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) – иерарх Русской православной церкви, автор «Краткой церковной российской истории» (М., 1805), с 1775 г. – архиепископ, с 1787 г. – митрополит Московский и Коломенский, в 1811 г. ввиду тяжелой болезни уволен от епархиальных дел до выздоровления. Во время Отечественной войны 1812 года, будучи тяжелобольным, увезен из Москвы, куда прибыл, чтобы быть со своей паствой.

³ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882.

⁴ Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 7: Копии с рапортов московского викария Августина Синоду 1812 года. М., 1903.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 810.

⁶ Мной подготовлена публикация источников по истории эвакуации московских монастырей в 1812 г. Подробнее см.: Тихомиров С.А. Неизвестные и малоизученные источники по истории московских монастырей в эпоху наполеоновского нашествия // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. Сыктывкар, 2012 (в печати).

⁷ Подробнее об использовании этих источников в историографии эвакуации ценностей московских монастырей см.: *Фортуатов Ф.Н.* Памятные заметки вологжанина // *Русский архив.* 1867. № 12. Стлб. 1649–1708; *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода. М., 1871. Ч. III. Кн. 2; *Шимко И.И.* Московские департаменты Сената и подведомственные им архивы в 1812–1814 годах // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. С. 1–25; *Степановский И.К.* Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 72–73; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1905; Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1912. Т. 1–12; *Розанов Н.П.* Московские святые в 1812 году. М., 1912; *Любавский М.К.* Московский университет в 1812 году. М., 1913; *Бураков Ю.Н.* Под сенью монастырей московских. М., 1991; *Сорок сороков.* М., 1992. Т. 1–3; *Зырянов А.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999; *Мельникова Л.В.* Монастыри Московской епархии во время Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всероссийской научной конференции. М., 2001. С. 178–187; *Мельникова Л.В.* Русская Православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002. С. 118–173; *Тихомиров С.А.* «Я в Вологду попал бог весть какой печальною судьбою...» // Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2004. С. 83–88; *Груцо И.А.* Эвакуация ценностей Московского Кремля во время Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2007. С. 134–143; *Мельникова Л.В.* Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007. С. 138–186; *Зарицкая О.И.* Спасение ценностей Троице-Сергиевой лавры в 1812 году // Церковь и общество в России на переломных этапах истории: Сборник тезисов Всероссийской научной исторической конференции Московской духовной академии. Сергиев Посад, 2012. С. 178–179; *Иов (Чернышев), иеродиакон.* Николо-Угрешский монастырь в Отечественную войну 1812 года // Там же. С. 179–183; *Тихомиров С.А.* Эвакуация ценностей московских монастырей и церквей в Вологду в период оккупации Первопрестольной // Там же. С. 188–193; *Борисенко М.Г.* К вопросу об отношении французской армии к монастырям Москвы // Война 1812 года: события, судьбы, память: Материалы международной научно-практической конференции. Витебск, 2012. С. 122–126; *Мишина А.В.* Городской пейзаж Москвы первой четверти XIX века в изобразительном искусстве и литературе, как память и историческое свидетельство о пожаре Москвы // Там же. С. 261–265; *Тихомиров С.А.* Неизвестные и малоизученные источники по истории московских монастырей в эпоху наполеоновского нашествия // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук...

⁸ Голицын Александр Николаевич (1773–1844) – князь, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1803–1816), министр духовных дел и народного просвещения (1816–1824).

⁹ Например, в литературе известно «Доношение Московскому архиепископу Августину Новодевичья монастыря игумении Мефодии о французах, в сем монастыре стоявших в 1812 году», опубликованное в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (Кн. 2. М., 1871. С. 80–85). Кроме того, известны другие издания этого документа. Например, см.: *Розанов Н.П.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода. Ч. 3. М., 1871.

С. 28–32. Из новейших исследований упомянем наиболее полное археологическое исследование источника: Шлионская Л.И. Свидетельства современников о событиях 1812 г. в московском Новодевичьем монастыре // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. IV: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 147. М., 2005. С. 82–100. Также в 2011 г. Л.И. Шлионской подготовлена книга воспоминаний очевидцев событий 1812 г. в московском Новодевичьем монастыре. Сборник предвядется рассказом о том, как жила Первопрестольная в трагические дни наполеоновской оккупации столицы, что происходило тогда в монастырях, и в первую очередь в Новодевичьем (см.: Пушки у святых ворот: Рассказы очевидцев о событиях 1812 года в Московском Новодевичьем монастыре / Авт.-сост. Л.И. Шлионская. М., 2011).

¹⁰ Историография вопроса имеет давнюю исследовательскую традицию. Первые публикации появились вскоре после оставления Москвы французскими войсками. Полагаю, что рассмотрение историографической традиции московских событий 1812 г. заслуживает особого внимания и в настоящей публикации не является предметом отдельного изучения. О событиях в Первопрестольной см.: Кичеев П.Г. Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 году. М., 1858; Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 2. Отд. 5; Дубровин Н.Ф. Москва и граф Ростопчин в 1812 году (Материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. 1863. № 7–8; Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876; Он же. Москва в 1812 году. М., 1876; Кондратьев И.К. Седая старина Москвы: Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей... М., 1893; Пожар Москвы: По воспоминаниям и запискам современников. Ч. 1–2. М., 1911; Алухтин В.Р. Сердце России – первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. М., 1912; Белокуров С.А. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 году. М., 1912; Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912; Москва в 1812 году (Исторический очерк): К столетию Отечественной войны. М., 1912; Москва спаленная... М., 1912; Шамурин Ю., Шамурин З. Москва в ее старине. М., 1913; Нечкина М.В. Москва в 1812 году: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 21 февраля 1947 г. в Лекционном зале в Москве. М., 1947; Полосин И.И. Кутузов и пожар Москвы 1812 года // Исторические записки. Т. 34. М., 1950; Кудряшов К.В. Москва в 1812 году. М., 1962; Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4; Тартаковский А.Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве // Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973; Он же. Население Москвы в период французской оккупации 1812 года // Исторические записки. Т. 92. М., 1973; Он же. Обманутый Герострат: Ростопчин и пожар Москвы // Родина. 1992. № 7; Москва в 1812 году: Материалы конференции. М., 1997; Смирнов А.А. Эволюция взглядов отечественных историков на причины пожара Москвы в 1812 году // Москва в 1812 году: Материалы конференции. М., 1997; Гуляев Ю.Н. Документы РГИА о пожаре Москвы в 1812 году // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1998; Зайченко Л.В. Москва в Отечественной войне 1812 года. М., 2006; Кузьминский К. Что осталось от Москвы после пожара 1812 года. М., б. г.

¹¹ Подробнее о московских событиях в период наполеоновской оккупации среди новейших исследований см.: Попов А.И. Великая армия в России:

Погоня за миражом. Самара, 2002; *Искюль С.Н.* Год 1812. СПб., 2008. С. 181–220; *Земцов В.Н.* 1812 год: Пожар Москвы. М., 2010; и др.

¹² *Полосин И.И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 года // *Исторические записки.* Т. 34. М., 1950. С. 138.

¹³ Там же.

¹⁴ *Цветков С.Н.* Вывоз из Москвы государственных сокровищ в 1812 году. М., 1912.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 93. Д. 810. Л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 4449. Л. 3.

¹⁷ Преосвященный Симеон (Крылов-Платонов) (1771–1824) – духовный писатель, архимандрит Спасо-Вифанского монастыря (1803–1810), ректор Московской Славяно-греко-латинской академии, настоятель Заиконоспаского монастыря (1810–1814), ректор Московской духовной академии, архимандрит Донского монастыря (1814–1816), епископ Тульский и Белевский (1816–1818), епископ Черниговский и Неженский (1818–1821), с 1819 г. – архиепископ, с 1820 г. – архиепископ Тверской, с 1821 г. – архиепископ Ярославский и Ростовский.

¹⁸ Владимирская икона Божией Матери (первоначально Вышгородская) – одна из самых чтимых реликвий Русской православной церкви, считается чудотворной. По церковному преданию, икону написал евангелист Лука на доске стола, за которым трапезничал Христос с Марией и Иосифом. Согласно преданию, попала в Константинополь из Иерусалима в V в. при императоре Феодосии. Во время нашествия Тамерлана, в 1395 г. чтимая икона была перенесена в Москву для защиты города от завоевателя, на месте «сретения» (встречи) москвичами Владимирской иконы был основан Сретенский монастырь. Отступление Тамерлана народом воспринималось как заступничество Богородицы. Икона стояла прежде в Успенском соборе Московского Кремля по левую сторону царских врат иконостаса. Сейчас хранится в храме-музее Святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее. Риза греческой работы из золота с драгоценными камнями находится в Оружейной палате.

¹⁹ Иверская икона Пресвятой Богородицы, Вратарница или Привратница – православная икона Девы Марии с Младенцем, почитается как чудотворная, принадлежит к иконописному типу Одигитрия. Оригинал находится в Иверском монастыре на Афоне, в Греции. Согласно преданию, икона написана евангелистом Лукой. В 1669 г. копию принесенного с Афона списка Иверской иконы поместили при триумфальных Неглинских (Воскресенских) воротах Китай-города. Для иконы сделали небольшой деревянный навес, позднее вместо него воздвигли часовню. После разорения 1812 г. часовня была восстановлена как памятник в честь победы над Наполеоном.

²⁰ Смоленская икона Божией Матери – почитаемая в Русской православной церкви икона Богородицы, по преданию написанная евангелистом Лукой. Легенда гласит, что в Россию икона попала в середине XI в., когда византийский император Константин IX Мономах благословил ее в дорогу свою дочь – царевну Анну, ставшую женой князя Всеволода Ярославича. Икона стала родовой святыней русских князей, символом преемственности и династической близости Константинополя и Руси. В начале XII в. князь Владимир Мономах перенес икону в Смоленск, где заложил храм Успения Богоматери. С тех пор икона стала называться Смоленской. Во время Отечественной войны 1812 года икону из Смоленска привезли в Москву и в день Бородинского сражения вместе с почитаемыми чудотворными иконами Иверской и Влади-

мирской обнесли вокруг Белого города и Кремля. Перед вступлением французов в город икону вывезли в Ярославль, а по окончании войны вернули в Успенский собор Смоленска.

²¹ Преосвященный Ириней (Фальковский) (1762–1823) – духовный писатель, ученый-просветитель, астроном, архимандрит Гамалеевского Рождество-Богородицкого монастыря (1799–1803), ректор Киевской духовной академии (1803), настоятель Пустынного Николаевского монастыря в Киеве (1804–1807), епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии (1807–1812, 1813–1823), епископ Смоленский и Дорогобужский (1812–1813).

²² Преосвященный Лаврентий (Бакшевский) (1776–1838) – игумен Николаевского Перервинского монастыря (1806–1808), настоятель Угрешского Николаевского монастыря (1808), архимандрит московского Златоустовского монастыря (1808–1815), настоятель Высокопетровского монастыря (1816–1819), с 1819 г. – епископ, управляющий Московской митрополией, с 1820 г. – епископ Черниговский, с 1824 г. – временный управляющий Полтавской епархией, с 1826 г. – архиепископ Минский, в 1831 г. уволен на покой в Даниловский монастырь.

В 1812 г., получив предложение графа Ф.В. Ростопчина принять меры к благовременному вывозу из Москвы церковных святынь и драгоценностей, он собрал все драгоценности Кремлевских соборов, монастырей и Патриаршей ризницы, в том числе книги и рукописи Патриаршей библиотеки. В начале декабря 1812 г. получил указ сопровождать обоз обратно до Москвы, где взялся за восстановление Златоустовского и Перервинского монастырей. В 1842 г. архимандритом Лаврентием опубликованы воспоминания об эвакуации Перервинского монастыря во время Отечественной войны 1812 года. Подробнее см.: *Лаврентий, архимандрит*. Записка о сохранении драгоценностей Николаевского Перервинского монастыря и о достопамятных событиях в сей обители в 1812 году // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. СПб., 1852. Т. ХСIV. № 374. С. 132–156. Упомянем также другое издание этих воспоминаний: *Лаврентий, архимандрит*. Записка очевидца о сохранении драгоценностей Николаевского Перервинского монастыря и о достопамятных событиях в сей обители в 1812 году // Маяк. 1842. Т. 2. Кн. 4. С. 53–67.

²³ Публ. по: *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 7: Копии с рапортов московского викария Августина Синоду 1812 года. М., 1903. С. 260–261.

²⁴ Преосвященный Ксенофонт (Тропольский) (1760-е – 1834) – епископ Владимирский и Суздальский. По воспоминаниям современников, был человеком всесторонне образованным, «радетелем духовного просвещения», пользовался особым уважением и любовью своей паствы.

²⁵ Благовещенский монастырь – православный мужской монастырь в Муроме, возник на месте деревянной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, сооружение которой церковное предание приписывает святому благоверному князю Константину (Ярославу) Святославичу. В храме находилась Муромская икона Богородицы греческого письма, привезенная князем из Византии. Во время Отечественной войны 1812 года в монастыре хранились иконы Иверской и Владимирской Богородицы.

²⁶ Коломна – уездный город Московской губернии. Некогда был центром Коломенской епархии. Время учреждения кафедры в Коломне неизвестно, предположительно – середина XIV в. После 1799 г., когда епархиальный центр

из Коломны перевели в Тулу, город был включен в Московскую епархию. Преосвященный Августин неслучайно упоминает об административной принадлежности города к Московской епархии, поскольку официальное его титулование указывало на существовавшую тогда юрисдикцию – архиепископ Московский и Коломенский.

²⁷ М.И. Кутузов: Сборник документов и материалов / Под ред. Л.Г. Бескровного. Т. 4. Ч. 1. Июль – октябрь 1812 г. М., 1954. С. 307–308.

²⁸ Анухин В.Р. Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну: Очерк и архивные материалы: С приложением точных оттисков с воззвания к первопрестольной столице Москве от 6 июля 1812 года и с указа от 25 июля 1812 года о составе Комитета московской военной силы, рисунков и плана г. Москвы (после пожара). М., 1912. С. 47. Кроме того, следует обратить внимание на давний интерес исследователей к вопросу о судьбах похищенных армией Наполеона сокровищ. Подробнее об этом см.: Грццо И.А. Сокровища Наполеона: История, версии, поиски, картография. С. 22–50, 51–151; Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. СПб., 2012. С. 723–725; Попов А.И. Кремлевские трофеи Наполеона // Эпоха 1812 года. Исследования. Документы. М., 2012. С. 254–259.

²⁹ Документ хранится: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 192. Л. 17–18. Публикуется по: Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. М., 2012. Кн. 2. С. 161–162.

³⁰ Публ. по: Шукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... С. 261–262.

³¹ В рапорте епископом Августином допущена неточность (описка): он именует губернатора Супониным. Правильно следует читать: Супонев. В период Отечественной войны 1812 года и до 1817 г. должность владимирского гражданского губернатора исправлял генерал-майор Авдий Николаевич Супонев (1770–1819). По причине военных обстоятельств он руководил сбором Владимирского ополчения, за что в сентябре 1812 г. пожалован орденом Святого Владимира 3-й степени «за попечение и труды по сформированию во Владимире 1-го пехотного полка», в октябре 1812 г. дважды удостоивался высочайшего благоволения «за деятельные по Владимирской губернии распоряжения». В марте 1813 г. награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Также в 1812 г. в пределах Владимирской губернии он отвечал за сохранность привезенных из Москвы драгоценностей Оружейной палаты, имущества и архивов различных учреждений, в том числе ценнейших документов Московского архива Министерства юстиции и Московского департамента Сената. По этому вопросу имел сношения с Преосвященным Августином, который прибыл во Владимир, сопровождая Владимирскую и Иверскую иконы Божией Матери.

³² Здесь: благоверный царевич Димитрий Углицкий; Дмитрий Иванович (1582–1591) – царевич, князь Углицкий, младший сын Ивана Грозного от Марии Федоровны Нагой. Канонизирован в 1606 г., день памяти – 15 мая (по старому стилю).

³³ Митрополит Алексий (Бяконт) (между 1292–1305 – 1378) – митрополит Киевский и всея Руси, святитель, государственный деятель, дипломат.

³⁴ Черкизовский дом – архиерейская (митрополичья) дача в селе Черкизово на востоке Москвы, с конца XIV в. и до 1764 г. служил местом отдыха настоятелей Чудова монастыря, позднее принадлежал московским митрополитам.

³⁵ Сакелларий – старший священник (протоиерей), служивший при московском митрополите. Сакелларием Успенского собора Московского Кремля

в 1812 г. служил протоиерей Александр Афанасьев, семидесяти лет от роду. В 1813 г. он получил звание протопресвитера.

³⁶ Здесь упоминается священник храма Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище в Москве.

³⁷ Здесь: крестьяне и ремесленники.

³⁸ Иловайский 4-й Иван Дмитриевич (1767–1826/27) – генерал, участник Кавказских походов и Наполеоновских войн.

³⁹ Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844) – граф, военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (1826–1844). Во время Отечественной войны 1812 года сначала служил флигель-адъютантом при императоре Александре I и осуществлял связь главного командования с армией П.И. Багратиона, затем командовал авангардом отряда барона Ф.Ф. Винцингероде; произвел атаку в деле при Велиже 27 июля 1812 г., а по уходе Наполеона из Москвы и занятии ее русскими войсками был назначен комендантом столицы.

⁴⁰ Митрополит Петр (сконч. 1326) – митрополит Киевский и всея Руси, первый из митрополитов Киевских, имевший (с 1325) постоянное местопребывание в Москве.

⁴¹ Митрополит Филипп II (Колычев) (1507–1569) – иерарх Русской православной церкви, митрополит Московский и всея Руси (1566–1568), известный обличением опричных злодейств царя Ивана Грозного. До избрания на московскую кафедру – игумен Соловецкого монастыря, после опалы лишен сана и отправлен в ссылку в тверской Отроч-Успенский монастырь, где был убит Малютой Скуратовым; в 1652 г. по инициативе патриарха Никона мощи Филиппа перенесены в Москву; прославлен для всероссийского почитания как святитель Филипп Московский.

⁴² Митрополит Иона (1390-е – 1461) – митрополит Киевский и всея Руси (1448–1461), святой Русской православной церкви (канонизирован в 1547 г.).

⁴³ Имеется в виду колокольня «Иван Великий», расположенная на Соборной площади Московского Кремля. В основании колокольни располагается церковь Преподобного Иоанна Лествичника; в 1812 г. при отступлении французской армии взорвана по приказу Наполеона, однако не была разрушена.

⁴⁴ Пресвященный Августин по предписанию императора Александра I собирал по Московской митрополии сведения о происшествиях в монастырях в 1812 г. Итоги этого обследования были обобщены в докладе и направлены императору. Позднее историки разыскали эти материалы в архивах и опубликовали в различных изданиях. Подробнее см.: Описание достопамятных происшествий в московских монастырях во время нашествия неприятелей в 1812 году // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Кн. 4. С. 33–50; *Селедкина С.Н.* Сведения о московских монастырях в 1812 году из фонда митрополита Московского Филарета (Дроздова) в РГИА // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 231–235 (документ хранится в фонде святителя Филарета (Дроздова) в Российском государственном историческом архиве, поступил на хранение в 1859 году); Московские монастыри во время нашествия французов // Русский Архив. М., 1870. Стлб. 1387–1399; *Тихомиров С.А.* Неизвестные и малоизученные источники по истории московских монастырей в эпоху наполеоновского нашествия // Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук...

⁴⁵ Публ. по: *Шукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года... С. 263–265; *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников... С. 333–336.

⁴⁶ Главнокомандующим армиями в 1812 г. являлся М.И. Голенищев-Кутузов.

⁴⁷ Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843) – граф, генерал, участник Отечественной войны 1812 года и заграничного похода, служил при штабе 1-й Западной армии, участвовал в сражении при Островно, где был ранен, после чего вернулся в Петербург. После пленения французами генерала Ф.Ф. Винцингероде занял его место и успешно действовал против неприятеля. В 1813 г. отважно сражался под Люценом, Бауценом, Дрезденом и Кульмом, Лейпцигом. Санкт-петербургский военный губернатор (1825–1830).

⁴⁸ Винцингероде Фердинанд Федорович (1770–1818) – барон, генерал от кавалерии, во время Отечественной войны 1812 года командовал «летучими» кавалерийскими отрядами русской армии, при отступлении Наполеона из Москвы, после получения известия о взрыве Кремля, отправился к французам для переговоров, был взят в плен и едва не расстрелян Наполеоном. Участвовал в кампаниях 1813–1814 гг.

⁴⁹ Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) – четвертый сын Павла I и Марии Федоровны, младший брат императоров Александра I и Николая I.

⁵⁰ «От расхищения благочестиво буйной черни» – здесь: при выходе неприятеля из Первопрестольной многие соборы, церкви и обители, где хранились церковные реликвии, оставались без присмотра, и в этой ситуации чернь – обыватели города Москвы – изымала и присваивала мощи святых. Поэтому после вступления в Москву русской армии Преосвященный Августин осмотрел и освидетельствовал святыни.

⁵¹ Даниил Александрович (1261–1303) – младший сын Александра Невского, первый удельный князь Московский. В 1652 г. состоялось обретение мощей князя, в 1791 г. канонизирован для местного почитания как святой благоверный князь Даниил Московский.

⁵² Нахождение источника неизвестно. Частично опубликованный текст рапорта см.: *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815). СПб., 1882. С. 383–384.

Иеродиакон Иов (Чернышев)

Николо-Угрешский монастырь и окрестности в Отечественную войну 1812 года

Николо-Угрешский монастырь, основанный благоверным князем Димитрием Донским, существует уже более 630 лет. Близкое расположение к первопрестольному граду и благосклонность московских князей, царей и императоров не могли не сказаться на становлении и развитии обители, на ее отношениях с окружающим миром и на характере внутренней жизни. Жизнь обители на протяжении многих веков ее существования изобиловала многими яркими событиями. История монастыря – это проекция истории Отечества на плоскость монашеской жизни, она весьма богата, каждая эпоха оставила здесь свой след. Совершенно верно замечал один из дореволюционных историков: «Угрешский монастырь, по своему возникновению и по своей последующей судьбе, является крупным местом, историческая судьба коего тесно связана с историческими судьбами всей России»¹.

Эпохальные события Отечественной войны 1812 года отразились в жизни Угрешского монастыря, который разделил горькую участь многих московских обителей, разграбленных и оскверненных.

Подробности пребывания французов в монастыре неизвестны. Как отмечал первый историк обители Я. Горицкий, в 1862 г. выпустивший книгу «Угреша. Воспоминания об Угрешской Николаевской пустыни, отстоящей от Москвы в 15 верстах», «долго ли продолжалось пребывание неприятеля в монастыре и чей именно конный отряд занимал оный – неизвестно. Так как драгоценности были вывезены, то неприятелю нечего было разграблять, и, сколько видно из сохранившихся кратких сведений о сем времени, утрата монастыря ограничилась преимущественно истощением съестных припасов»².

Тем не менее можно говорить о серьезных повреждениях в обители, поскольку после удаления неприятельских войск в монастыре необходимо было сделать новый престол в Успенском храме³. Конечно, по сравнению с московскими монастырями, ущерб, причиненный Угреше, представляется минимальным. Однако это объяснимо скорее отсутствием подробного описания монастырских повреждений,

чем бережливостью наполеоновских войск. Из находящихся в Москве женских монастырей четыре (Вознесенский, Новодевичий, Страстной и Рождественский) были разграблены, пять же (Алексеевский, Зачатьевский, Никитский, Ивановский и Георгиевский) сожжены. Восемь мужских монастырей (Чудов, Симонов, Данилов, Заиконоспасский, Петровский, Никольский Греческий, Златоустов, Покровский) остались целы, но были разграблены. Новоспасский разграблен и сожжен, Андроников и Крестовоздвиженский сгорели полностью, а Богоявленский и Знаменский – частично, из Сретенского пропали только предметы ризницы⁴.

Историки обители Я. Горицкий и Д. Благово передают интересное свидетельство о том, что «в настоятельских келлиях, во втором покое у крайнего окна, и по сие время висит на стене изображение Спаса Нерукотворенного, вставленное в золоченую резную раму времен императрицы Елисаветы Петровны, а перед оным хрустальная на хрустальных цепях лампада. Старожилы рассказывали, что пол возле окна перед иконою был прожжен и видно было круглое отверстие, как бы для котла; но образа и лампы никто не тронул, и они остались совершенно целыми»⁵. Вероятно, этот образ был чтимым, однако остался в монастыре и не был эвакуирован с прочими ценностями. Такое рассуждение подтверждает скорее спонтанный характер вывоза ценностей, нежели хорошо продуманный и организованный. Чудесное же сохранение образа – прямая аналогия сохранившимся кремлевским святыням, о которых свидетельствовал сенатор А.Я. Булгаков: «...разрушенные стены Кремля и образ Спасителя, над Спасскими воротами, совершенно неповрежденный... Образ, что на Никольских воротах, у Арсенала, цел со стеклом и фонарем, тогда как все ворота развалились»⁶.

В 1803–1815 гг. в монастыре сменилось шесть настоятелей, но фактически монастырем управлял иеромонах Амвросий, родом из Малороссии, к которому весьма благоволил митрополит Московский Платон. Впоследствии отец Амвросий настоятельствовал в Николо-Угрешском монастыре в 1819–1821 гг. Именно он оставался в монастыре во время нашествия французов.

Наиболее интересной представляется история эвакуации угрешских святынь в Вологду. В 1812 г. настоятелем монастыря был игумен Павел, который до этого преподавал риторику в семинарии Перервинской обители⁷. Именно он сопровождал святыни обители, которые были размещены в Спасо-Прилуцком монастыре. Вместе с игуменом Павлом проживал архимандрит Лаврентий (Бакшевский), настоятель монастыря Иоанна Златоуста, который настоятельствовал в Угреше в 1808 г.

Пребывание двух угрешских игуменов вместе стало причиной появления оригинального стихотворения, которое, вероятнее всего, принадлежало руке игумена Павла.

В 1831 г. в Спасо-Прилуцком монастыре поселился архиепископ Ириней (Несторович)⁸, известный иерарх того времени, уволенный на покой из-за конфликта с гражданскими властями. Преподобный Пимен Угрешский, сам родом происходивший из Вологды, оставил такую характеристику владыке Иринее: «Родом серб... В 1840 г. ему было около 60 лет, был высокого роста, волосы и бороду имел черные, вел жизнь самую подвижническую и много лет никуда не выходил за ворота своей обители. Он был весьма нестяжателен, всю свою пенсию раздавал нуждавшимся и помогал приходящим к нему не только лептой, но и врачеванием; вся Вологда почитала его праведным»⁹.

В покоях владыки Ириней были найдены стихи, написанные карандашом, содержание которых позволяет отождествить автора с угрешским игуменом Павлом. Неполный текст стихов был приведен в «Воспоминаниях архимандрита Пимена»¹⁰, полностью же стихотворение привел в «Памятных заметках вологжанина» Ф. Фортунатов¹¹.

*В то время, в грозную для Церкви ту годину,
Как новый Юлиан в надменности своей
Безбожною рукой коснулся алтарей
(Разбойник, взяв царя подложную личину),
В то время, в лютый час пылающей Москвы,
Как сорван крест с Ивановской главы,
Как града жители от буйств врага страдали
(Их крыло рубище – тирана вечный стыд),
В то время в сих стенах спокойно пребывали
Игумен и Архимандрит:
Один монастыря Угрешского Николы,
Другой святителя, что в Греции глаголы
В железные сердца златые изливал
И Златоустым свет которого назвал.
О, адских замыслов коварный исполнитель!
Прерви змеиный тон, парижанин Лессепс!
Нас гласом матерним Москва к себе зовет.
Прости, священная обитель!
Как ты покоила, как ты хранила нас,
Так да покоит Бог тебя на всякий час!*

Угрешский игумен дает важную характеристику Наполеону, сравнивая его с императором Юлианом Отступником. Такое сопоставление

передает общее отношение к европейцам, сформировавшееся в среде русского народа и духовенства. Общий патриотический подъем, который ощутили предки в 1812 г., воспринимал вторжение французов и разорение родной Москвы как кощунство и предательство, оскорбление святынь христианской Руси.

¹ В память 300-летия Николаевского собора в Николо-Угрешском монастыре. М., 1914. С. 1.

² *Горицкий Я.* Угреша. Воспоминания об Угрешской Николаевской пустыни, отстоящей от Москвы в 15 верстах. М., 1862. С. 15.

³ Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря. М., 1872. С. 40.

⁴ *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников (1813–1815). М., 2006. С. 316–317; Москва и Отечественная война 1812 г. Кн. 2. М., 2012. С. 189–197.

⁵ Исторический очерк... С. 40.

⁶ *Булгаков А.Я.* Письма // Русский архив. 1866. № 5. Стлб. 721.

⁷ Исторический очерк... С. 107.

⁸ *Ириней (Несторович) (1783–1864)* – архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский. Сын священника, родился в с. Старые Дмитрушки Уманского уезда. По окончании в 1805 г. курса в Киевской духовной академии был оставлен в ней учителем математики, латинского и немецкого языков. В 1810 г. откомандирован в Яссы учителем русской словесности и греческого языка в Главном Молдавлахийском училище, а в 1812 г. перемещен в Кишинев, где принял деятельное участие в устройстве семинарии и при ней пансиона для благородного молдавского юношества. В 1813 г. постригся в монашество с именем Ириней и рукоположен в иеромонаха, а в 1815 г. назначен игуменом Городищенского монастыря в Бессарабии. В 1817 г. произведен в архимандрита Курковского Рождественско-Богородицкого монастыря Кишиневской епархии и назначен ректором Кишиневской семинарии и членом консистории. В 1826 г. хиротонисан во епископа Пензенского и Саратовского. 26 июля 1830 г. преосвященный Ириней был возведен в сан архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского. Из-за конфликта с гражданскими властями уволен на покой с правом пребывания в Спасо-Прилуцком монастыре в 1830 г. В 1848 г. переведен в Толгский Ярославский монастырь настоятелем (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. Т. 13 (Кн. 25). С. 319).

⁹ Воспоминания архимандрита Пимена. М., 2004. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 335.

¹¹ *Фортунатов Ф.Н.* Памятные заметки вологжанина. Вологда в 1812 году // Русский архив. 1867. С. 1658.

М.А. Виноградов

Большечевская вотчина графа Льва Разумовского в огне французского нашествия 1812 года

Граф Лев Кириллович Разумовский (1757–1818) в начале XIX в. был одним из богатейших помещиков в России. Среди его обширных владений была и Можайская вотчина, центром которой являлось село Большечево. Накануне наполеоновского вторжения благодаря энергичной деятельности Льва Кирилловича Большечевская вотчина представляла собой крупное помещичье хозяйство, были построены два господских дома и церкви, основаны парки и кирпичный завод «для домашних надобностей». В состав вотчины входили 3 села и 30 деревень, в которых проживало около 7500 крепостных графа.

В конце августа 1812 г. в пределы Большечевской вотчины вступили французские солдаты¹. Подобных бедствий эти земли не знали со времен литовских разорений XVII в. Граф Лев Кириллович находился в это время в Москве, которую вскоре был вынужден покинуть, отправившись в Тамбов².

Накануне нашествия были предприняты меры по сохранению графского имущества, но, видимо, они носили ограниченный характер. Алексей и Прасковья Уваровы, спустя 50 лет разбираясь в подвале господского дома в Поречье, обнаружили удивительной красоты сервиз, выполненный в стиле ампир³. Вполне возможно, что сломанная корзина, в которой хранилась интересная находка, была поставлена в подвал в период ожидания нашествия, а впоследствии просто затерялась.

Пагубные масштабы произошедшей в вотчине трагедии во многом отражены в Объявлении, поданном графом Львом Кирилловичем в Можайский земский суд 3 марта 1813 г.⁴ В специально составленной «с верными по чистой совести ценами» ведомости тщательно указаны убытки, понесенные от нашествия французов. Неприателем были сожжены в селе Поречье два флигеля господского дома, конюшня, каретный сарай и три двора священнослужителей⁵. В господских домах в Большечево и Поречье было повреждено и разграблено богатое внутреннее убранство: мебель, фортепиано, зеркала, люстры, часы, книги, картины, скульптура, вазы, столовая посуда, постельное белье

и бильярд⁶. После пребывания французов не досчитались всевозможных хозяйственных инструментов (в том числе чертежных, садовых, слесарных, токарных, кузнечных) и материалов (металлов, холста, кож, гвоздей, стекла, красок и т.п.)⁷. Оказались утраченными дрожки, повозки, шлюпки, принадлежавшие графу⁸. Пропали две пожарные трубы с принадлежностями⁹. Опустошению подвергся лазарет (медикаменты, инструменты, белье)¹⁰. Большой урон был нанесен значительному лесному хозяйству графа и запасам дров¹¹. Убытки понес и кирпичный завод в Большечево, на котором остановилось производство¹². Неприятель разорил оба господских сада, погубив множество «плодов, кореньев, капусты и разного овощу»¹³. Разграблены были графские запасы сена, ржи, пшеницы, ячменя, муки, круп, солода и овса¹⁴. Имелись потери господского скота (жеребец, коровы, свиньи, бараны) и «птицы разной» (индеек, уток, кур)¹⁵. Все господские убытки оценивались в сумму 86 622 руб. 57 ½ коп.¹⁶

Значительно большими были потери дворовых людей и крестьян, принадлежащих графу. Французы сожгли 118 домов в Поречье, Гляtkово, Астафьево, Копцово, Боровино, Исаково, Федосьино и Саславино¹⁷. Крестьяне-погорельцы нашли приют во дворах, избежавших сожжения. Огню были преданы и 80 хозяйственных построек (амбары, овины, сараи)¹⁸. Вражеская армия отнимала крестьянское имущество (одежду, белье, посуду), а также вымогала деньги¹⁹. Колоссальны были потери скота. Если из графского хозяйства была угнана 81 корова, то из крестьянских дворов – 1058²⁰. Если графские потери птицы составляли 160 штук, то крестьянские – 5937²¹. Крепостные потеряли 2083 овцы²². Неприателем была угнана 341 лошадь, а еще 238 оставались в армии «подводных»²³. Французы опустошили крестьянские запасы меда (более 12 пудов) и коровьего масла (более 62 пудов)²⁴. Труженники деревни лишились 48 565 пудов сена, что в 18 раз превышало убытки Л.К. Разумовского²⁵. Ситуация осложнялась и тем, что из-за нашествия поля (781,5 десятины) не были засеяны озимым хлебом на 1813 г.²⁶ Суммарные убытки дворовых людей и крестьян определялись в 316 550 руб. 89 коп.²⁷, т.е. в 3,5 раза больше, чем господские потери. Суммируя все потери, понесенные помещиком, его дворовыми людьми и крепостными, графская ведомость определяет цифру в 403 173 руб. 46 ½ коп. и, прибавляя к ней выданные крестьянам накануне нашествия рожь и яровой хлеб «на пропитание и обсеменение полей» (разграблено французами на сумму 28 333 руб. 50 коп.), оставливается на итоге в 431 506 руб. 96 ½ коп.²⁸

От французских солдат во время их пребывания в Можайских владениях графа Разумовского пострадали все три церкви вотчины. В ноябре 1812 г. священник каменной церкви Николая Чудотворца

в селе Карачарово Василий Михайлов писал дмитровскому епископу Августину: «Во время нашествия и пребывания неприятеля вышеозначенная Николаевская церковь несколько расхищена, но утвари церковной еще довольно»²⁹. В этом же прошении преосвященнейшему Михайлов указывал на повреждение престола в приделе Илии Пророка³⁰. Благочинный священник Василий Адрианов сообщал в вышестоящие церковные инстанции о состоянии Большечевской церкви после вторжения врага: «В селе Большече церковь во имя Живоначалной Троицы с приделом Казанской Божьей Матери деревянная цела, престолы, срачицы, одежды и святые антиминсы целы, утварь церковная вся цела»³¹. Наконец, в октябре 1819 г. настоятель храма Рождества Богородицы в селе Поречье Алексей Степанов обращался к митрополиту Московскому и Коломенскому Серафиму с просьбой освятить строение, указывая, что каменная церковь с двумя приделами «после нашествия неприятельского осталась в целости, но за некоторым от них (французов. – М.В.) повреждением внутри»³². Граф Лев Разумовский, перечисляя понесенные убытки, указывал на утрату «храмозданных Карачаровской и Порецкой церквей» грамот³³. Этот факт не был отражен в донесениях настоятелей Николаевского и Богородицерождественского храмов. Благочинный же священник Большечевской церкви, как уже отмечалось, специально делал акцент на факте сохранения антиминсов.

Видимо, французы могли бы нанести трем вотчинным церквям ущерб гораздо больший, чем это произошло в действительности. Наполеоновские солдаты не прочь были поживиться церковными богатствами, но по мере приближения врага дорогостоящее храмовое имущество в спешном порядке тщательным образом укрывалось. В описи ветхой церковной утвари 1815 г. есть указание на обнаружение «после неприятеля» экономкой «в большчевском саду под галерею серебряных венчиков щетом 22»³⁴. Найденный клад венчиков от икон весил 2 фунта серебра. Если укрывались даже такие миниатюрные детали украшения образов, то совершенно очевидна попытка спрятать от врага и более дорогостоящие церковные предметы. Можно даже предположить, что французы, переступая порог указанных храмов, оказывались в полупустых помещениях, в которых возможность для наживы была сведена к минимуму.

Объявлением и ревизской сказкой 1816 г. фиксируется количество крестьян, выбывших из списков крепостных Разумовского вследствие вражеского нашествия. Сказка выделяет 4 категории крепостного крестьянства, не вернувшегося в родные деревни: ополченцы (182), подводчики (11), пропавшие без вести (25) и убитые французами (31), т.е. 249 человек³⁵. В Объявлении же выделены 3 категории: умершие «в течение сего несчастного времени» 413 мужских душ, 12 подводчиков

и 33 убитых в пределах вотчины, т.е. 458 человек³⁶. Полученные сведения не только различаются, но и практически не поддаются сравнительному анализу, так как в одном источнике мы имеем дело с точным списком крестьян, а в другом – со статистической обработкой другого списка. Перепроверить количество крестьян, указанных в Объявлении умершими во время нашествия, по ревизской сказке практически невозможно, так как в ней отмечены все крестьяне, скончавшиеся в 1812 г., без указания точных дат, и, таким образом, невозможно исключить из подсчетов тех крестьян, которые умерли до нашествия. Большую помощь в решении этой проблемы могла бы оказать метрическая книга за 1812 г., но она не сохранилась в архивных материалах. Объявление, видимо, указывает умершими всех не вернувшихся в вотчину ополченцев, но такой подсчет вызывает вопросы. Интересен тот факт, что жены некоторых из них в первые годы после войны бежали из вотчины (5 из 17 бежавших за 4,5 года между ревизиями)³⁷. Это довольно странно, так как указанные 5 женщин могли не только благополучно оставаться в своих семьях, но и выходить замуж за других крестьян как вдовы. Что заставило их бежать? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

Сказка определяет возрастной состав корпуса ополченцев. Большая их часть (три четверти) была представлена молодыми крестьянами – до 30 лет. Минимальный призывной возраст, указанный в источнике, – 15 лет. Важно учитывать, что перепись 1816 г. фиксирует не всех крестьян, призванных в ополчение, а только не вернувшихся в пределы вотчины. Если учесть, что в Московской губернии и Можайском уезде вернулась в среднем половина ратников, то можно предположить, что в ополчение было определено примерно 350 крестьян, около пятой части можайского войска³⁸. Что касается пропавших подводчиков, то оба источника единогласно определяют 11 человек (Объявление только добавляет еще одну женщину, что, как и в случае с ополченцами, вызывает особый интерес). Ревизия также конкретизирует возраст помогавших армии подводчиков: от 17 до 65 лет. Таким образом, получается, что в среднем они старше ополченцев, а это вполне объяснимо различием их функций на фронте.

Ревизская сказка особо выделяет пропавших без вести крестьян, но большая их часть (21 из 25 человек) представлена дворовыми людьми села Болычево. Вполне вероятно, что дворовые графа, не объявившиеся до ревизии 1816 г., просто могли совершить побег из вотчины, пользуясь неразберихой во время нашествия. Кроме того, у них могла быть возможность воспользоваться господским добром. Что касается убитых крестьян, то здесь мы явно имеем дело с теми крепостными, которые оставались в пределах вотчины. К сожалению, ревизская сказка

и Объявление дают разные сведения насчет этой категории крестьян. Первый источник поименно перечисляет 31 крестьянина. Большая часть указанных крепостных проживала в восточной части вотчины, в приходе Николаевской церкви: селе Карачарово (8 человек), деревнях Макарово (8 человек) и Кривоногово (6 человек). В деревне Боровино того же прихода одному из двух убитых (Афанасию Лаврентьеву) было 68 лет³⁹. В оставшихся 7 населенных пунктах убито было по одному человеку. Второй источник – Объявление – указывает 1 дворового человека, 30 крестьян и 2 крестьянок, но из-за отсутствия имен перепроверить эти данные не представляется возможным⁴⁰. Видимо, за этими цифрами стоят имена крестьян, давших ценой своей жизни наиболее мощный отпор захватчикам, опустошавшим их родные земли и ввергнувшим Россию в пучину тяжелых испытаний.

Как бы то ни было, совершенно очевидна демографическая проблема, возникшая в вотчине Разумовского в 1812 г. Если перепись 1811 г. насчитывала 3878 мужских душ⁴¹, то 1816 г. – только 3264⁴², т.е. заметно падение численности мужского населения на 16%. Перепись 1811 г. не указывает крестьянок, но их количество можно определить по исповедной ведомости того же года⁴³. Оно оказывается примерно равным с цифрой по крестьянам, а в 1816 г. составляет лишь 3696⁴⁴, т.е. мы вынуждены констатировать убыль и женского населения вотчины, хотя и не такую значительную (на 5%). Общее падение численности населения, особенно мужского, и в дальнейшем сказывалось на демографической ситуации в имении графа.

Потери в Можайских землях Разумовского несли и захватчики. Партизанские отряды наносили врагу существенные удары. Точно определить потери неприятеля на территории вотчины не представляется возможным. Предания, сохраняющиеся на протяжении двух веков, донесли до нашего времени память о фактах захоронения вражеских солдат поблизости от местных деревень, но локализация братских захоронений французов также является одной из проблем исследования.

Определенные убытки граф Разумовский понес и от пребывания в селе Поречье генерала Кутузова с конным войском⁴⁵. Картину бедствия омрачало и мародерство отдельных крестьян, которые оказались не прочь воспользоваться военной обстановкой для улучшения своего благосостояния. Указывая в Объявлении потери в своем лесном хозяйстве, Разумовский помимо французского грабежа выделяет факт расхищения леса «неизвестно кем»⁴⁶. Очевидно, что речь идет о крестьянах Льва Кирилловича – убытки от постоя генерала Кутузова были известны в полном объеме, а кроме французов в вотчине оставались только крепостные. В бумагах Можайского уездного суда значится датированное 11 октября 1813 г. дело, прямо указывающее

на недостойные действия крепостных. На 37 листах подробно описан факт ограбления крестьянином деревни Межутино (Порецкий приход) «Федором Емельяновым вместе с неприятелем скота и прочего графа Разумовского»⁴⁷. Крестьяне графа могли быть причастны и к ограблению вотчинного архива (выписки с писцовых и переписных книг, подлинные купчие, межевые книги, рекрутские квитанции, платежные документы)⁴⁸. Маловероятно, что подобная помещичья документация, регламентирующая в основном господско-крестьянские отношения, могла пригодиться французским солдатам. А крепостные были в ней всерьез заинтересованы.

Но, безусловно, ответственность за грандиозное разграбление Болычевской вотчины лежит на вражеской армии. Именно нашествие французов привело к разорению обустроенные господские дома, села и деревни и вынудило некоторых местных крестьян, лишившихся значительной части своего и без того скромного имущества, прибегнуть к мародерству.

В исследовательской литературе отмечалось, что граф Лев Кириллович был, пожалуй, единственной жертвой Отечественной войны 1812 года из всего аристократического семейства Разумовских⁴⁹. В огне наполеоновского нашествия погибли и другие владения Л.К. Разумовского: знаменитое Петровское и главный господский дом на Тверской улице в Москве. Факт захвата неприятелем Можайских владений, конечно, был отмечен графом, но в картине тотального разорения его богатств не выделялся⁵⁰. Вплоть до своей кончины в 1818 г. Лев Разумовский пытался восстановить все то, что создавалось ценой его ежедневных забот и значительных финансовых вложений.

¹ В письме брату, А.К. Разумовскому, Лев Кириллович сообщал: «27 ноября я покинул город (Москву. – М.В.), но не от страха перед врагом, который в то время еще находился в ста верстах от нас... Мои земли под Можайском уже заняты неприятелем, по соседству с моим домом в Петровском правительстве составляет обозы...» В данном фрагменте письма, видимо, допущена ошибка: месяц ноябрь следует заменить на август (цит. по: *Разумовская М. Разумовские при царском дворе: Главы из российской истории (1740–1815)*. СПб., 2004. С. 221).

² Там же.

³ *Уварова П.С. Былое: Давно прошедшие счастливые дни*. М., 2005. С. 88.

⁴ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 4–9. В статье М.К. Гуренок, содержащей ссылки на указанные материалы, допущена неточность: Объявление было подано графом Разумовским 3 марта, а не 3 мая (см.: *Гуренок М.К. История создания архитектурного ансамбля усадьбы Поречье // Материалы по истории русской культуры конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1984. С. 49*).

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5. М.К. Гуренок, цитируя Объявление графа Разумовского, допускает еще одну неточность: семь сожженных французами

господских и церковных строений оценивались в 10 750 руб., а не в 10 570 руб. (см.: Гуренок М.К. Указ. соч. С. 51).

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 5 об.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 5 об.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁵ Там же. Л. 6 об.–7.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. В 1816 г., выполняя задачу восстановления всех сожженных селений, поставленную императором Александром I, в вотчине был построен 41 двор (оставшиеся 77 дворов были восстановлены ранее). Окончание строительных работ в имении Разумовского в 1816 г. было крупным достижением, так как в землях многих других помещиков восстановительный процесс не был завершен по причине отсутствия строительного леса. Несмотря на достигнутые успехи, в разоренных врагом селениях по-прежнему остро ощущался дефицит хлеба и скота. О завершении строительных работ и сохранявшихся проблемах в 1816 г. см.: Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 392. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 об., 24.

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 7 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 7, 8.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 8.

²³ Там же. Л. 7 об.

²⁴ Там же. Л. 7 об., 8.

²⁵ Там же. Л. 6, 8.

²⁶ Там же. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 7, 8.

²⁸ Там же. Л. 8 об.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 752. Д. 135. Л. 1.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 921. Л. 2.

³² Там же. Д. 7591. Л. 1.

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 8 об.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ Подсчет наш по: ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 135 об.–625.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

³⁷ Подсчет наш по: ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121.

³⁸ Сведения о численности Можайского ополчения, а также губернскую и уездную статистику возвращения ополченцев см.: Прохоров М.Ф. Из истории награждения медалями ратников Московского ополчения 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. М., 2004. С. 128.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 454 об.

⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 8. Д. 33.

⁴² Там же. Д. 121. Л. 624 об.

⁴³ Подсчет наш по: Там же. Ф. 203. Оп. 747. Д. 840.

⁴⁴ Там же. Ф. 51. Оп. 8. Д. 121. Л. 625.

⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 5 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 99. Оп. 1. Л. 1а об.

⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48. Л. 8 об.

⁴⁹ Разумовская М. Указ. соч. С. 220.

⁵⁰ См. письмо графа Льва Кирилловича, адресованное брату Андрею Разумовскому: Разумовская М. Указ. соч. С. 221.

А.И. Кондратенко

Генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин. 1812–1814 гг.

Уроженец Ливенского уезда Орловской губернии Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826) вошел в историю как главнокомандующий (генерал-губернатор) Москвы во время Отечественной войны 1812 года. Его личность вызывает большой интерес как профессиональных исследователей, так и любителей старины, однако зачастую их оценки разнополярны и спорны. Не претендуя на истину в последней инстанции, рассмотрим основные моменты деятельности Ф.В. Ростопчина в Москве.

Перед назначением на пост московского военного губернатора видный государственный деятель павловской эпохи Ростопчин более десяти лет находился в отставке. Его консервативные взгляды оказались востребованными накануне войны с Наполеоном – весной 1812 г. император Александр I принял решение направить набравшего популярность Ростопчина в Москву.

Как и полагалось, после получения высочайшего указа Ростопчин приказал отслужить молебны перед всеми чудотворными иконами. Затем собрал полицейских чиновников: «Я объявил полицейским чинам, которых было до 300, что я ничего им не спущу и чтобы они не думали скрывать от меня свои плутни». Он приказал, чтобы они соблюдали «благопристойность и во всех случаях имели должное уважение к чинам, летам и званию каждого, без сего они не произведут к самим себе в порядочных [людях] уважения, а в беспорядочных страха»¹.

Ростопчин решил пресечь распутство в трактирах и ресторанах (их было в Москве 392). 10 июня он приказал, во-первых, очистить эти заведения от распутных женщин, а во-вторых, запирать харчевни на замок в десять часов вечера. Ростопчин писал царю: «...я начинаю мало-помалу прекращать беспорядки и распутство, происходящие в трактирах и кабаках, где всякий сброд напивается, играет, заражается и гибнет. Обращаюсь к министру полиции с просьбою уполномочить меня на высылку забираемых полицией бродяг, беспаспортных, ничем не занятых, большей частью мещан, иногда офицеров или чиновников

13 и 14 классов, нищенствующих поутру, ворующих днем и буйствующих ночью, к князю Лобанову для помещения в полки, которые он составляет»².

Сразу после того, как был подписан мирный договор с турками, а Александр I направился из отступавшей армии в Москву, Ростопчин, размышляя над дальнейшим ходом событий, писал императору: «Я не боюсь военной неудачи: Ваша империя имеет двух защитников – пространство и климат. Шестнадцать миллионов людей одной религии и одного языка – оплот России; кровь, пролитая солдатами, породит героев, и если несчастные обстоятельства в виду победоносного врага заставят императора отступить, то он будет могуществен в Москве, страшен в Казани и непреоборим в Тобольске»³.

Когда война началась, Ростопчин показал, что он не потерпит инакомыслия: подозревал даже купцов-старообрядцев в тайных симпатиях к Наполеону, повторяя: «Самые дурно расположенные люди к государю и правительству суть раскольники и купцы; первые доказали сие делом, а последние словом»⁴. Ростопчин запретил торговцам галантерейными товарами употреблять французский язык на вывесках лавок, убрал гробы с вывесок похоронных контор. Во избежание паники и беспорядков он приказал держать колокольни церквей на запоре, снять веревки с колокольных языков.

В распоряжении Ростопчина были три «мелких» агента. Переодевшись, они постоянно ходили по улицам, примешиваясь к толпе. Агенты не только собирали сведения, но и сами активно распространяли слухи, стараясь приободрить народ, ослабить тягостные настроения, порожденные тем или иным недобрым известием.

Чтобы успокоить москвичей и «действовать сообразно событиям», Ростопчин командировал в Смоленск полицейского офицера Вороненко. Посланец должен был получать у военного министра известия (добрые или худые) и по эстафете немедленно передавать их в Москву. Ростопчин установил порядок, при котором граф Н.И. Салтыков без промедления «сообщал» ему журнал боевых действий. Тотчас отдавалось приказание печатать эту информацию в Управе благочиния и раздавать по городу. Первая неофициозная, «авторская» афишка была напечатана 1 июля 1812 г. Она рассказывала о бравом мещанине Корнюшке Чигирине (Чихрине, Чихирине), который бросал вызов самому Наполеону: «Полно тебе фиглярить; вить солдаты-то твои карлики да щегольки: ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздуются, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят».

Об афишах Ростопчина сохранились довольно противоречивые отклики. Одни свидетели тех горячих дней писали позднее, что «это мастерская, неподражаемая вещь в своем роде! Никогда еще лицо правительственное не говорило таким языком к народу»⁵. Правда, тот же автор подчеркивал, что иным москвичам претило ростопчинское «хвастовство, язык их казался неприличным». «Пошлым и площадным»⁶ называл язык афиш А.Д. Бестужев-Рюмин. По воспоминаниям других, «в среде мещан и купцов летучие листки читались с восторгом»⁷, афиши «по справедливости заслуживают перейти в потомство»⁸.

Поэт Петр Вяземский писал, что «Карамзину, который в предсмертные дни Москвы жил у графа [Ростопчина], разумеется, не могли нравиться ни слог, ни некоторые приемы этих летучих листов. Под прикрытием оговорки, что Ростопчину, уже и так обремененному делами и заботами первой важности, нет времени заниматься еще сочиненьями, он предлагал ему писать эти листки за него, говоря в шутку, что тем заплатит ему за его гостеприимство и хлеб-соль. Разумеется, Ростопчин, по авторскому самолюбию, тоже вежливо отклонил это предложение. И признаюсь, по мне, поступил очень хорошо. Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ. Русский народ – не афиняне: он, вероятно, мало был бы чувствителен к плавной и звучной речи Демосфена и даже худо понял бы его...»⁹.

После визита Александра в Москву развернулось массовое вступление жителей в ополчение. В управление Ростопчину был вверен обширный округ ополчения, объединявший Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Смоленскую губернии. Соответственно Ростопчин учредил два комитета: один для приема вооружения и продовольствия, другой – для приема и расходования пожертвований. В течение месяца было собрано и отправлено в поход двенадцать полков – почти 26 тыс. человек. Из арсенала было отпущено в каждый полк по 500 ружей и по 60 патронов на каждого солдата.

Первостепенной заботой Ростопчина стало обеспечение войск. Возглавляемый им комитет по продовольственному снабжению организовал вывоз на телегах всего зернового хлеба Смоленской губернии для армии. Московских булочников Ростопчин обязал печь хлеб для войск. Специально назначенные люди резали буханки на ломти и сушили день и ночь на сухари в нанятых для того печах. Каждое утро обоз

из 600 подвод с сухарями и крупой для каши отправлялся от главного магазина к войскам, и такой способ снабжения для 116 тыс. человек продолжал действовать до кануна вступления неприятеля в Москву. На каждой почтовой станции от Москвы до Можайска было выставлено по тысяче лошадей, чтобы без всякого промедления доставлять грузы к месту военных действий.

9 августа в город прибыли первые обозы с ранеными. Ростопчин отвел под госпиталь просторный Головинский дворец, обратился к москвичам: «Сюда раненых привезено. Они лежат в Головинском дворце, я их осмотрел, напоил, накормил и спать уложил. Ведь они за вас дрались, не оставьте их, посетите и поговорите. Вы и колодников кормите, а это государевы верные слуги и наши друзья – как им не помочь».

Ростопчин много сил тратил на организацию эвакуации людей и имущества из Москвы. Всего для срочной эвакуации потребовалось 63 тыс. телег. Вглубь России отправлялись архивы Министерства иностранных дел и Военной коллегии, царские регалии, сокровища Оружейной палаты и Патриаршей ризницы, Троицкого, Воскресенского монастырей.

Когда обстановка обострилась, Ростопчин предельно откровенно написал императору 23 августа 1812 г.: «Если рука Божия отяготеет над Вашей империей, столицей овладеет неприятель. В другие времена еще оставалась бы надежда, но в наши дни, когда общее мнение полагает спасение империи в этом городе, занятие его французами подействует на мужество народное сокрушительно. Народ считает, что Москву взять нельзя, в противном случае усмотрит он перст Божий и перестанет полагаться на охрану и помощь войск, не умевших защитить столицу»¹⁰.

В другом письме, 1 сентября, Ростопчин писал Александру I: «Государь, слово мир да не коснется слуха Вашего! Ваше царствование не должно омрачиться позором, и народ русский не покроется несмываемым пятном. Он опять займет свое место во вселенной, и Вы восторжествуете над жестоким врагом Вашим. Это может случиться скоро. Подданные Ваши проливают кровь свою и не ропщут. Повелитель мой, не дайте соблазнить себя: Вы будете спасителем мира»¹¹.

Историк Дм. Бантыш-Каменский сделал попытку показать в одном абзаце всю сферу драматических забот Ростопчина: «Деятельный, осторожный начальник до последней минуты сохранил в городе должный порядок и тишину благоразумными мерами, воззваниями в духе народном; посещал несколько раз в день раненых; заблаговременно удалил из столицы неблагонамеренных иноземцев; отправил во Владимир присутственные места и архивы; умел удержать

жизненные припасы в одинаковой цене... как громовым ударом пораженный известием, что столица будет без боя уступлена неприятелю, препроводил (2 сентября) из тюремного замка в Нижний Новгород, под прикрытием воинского отряда, триста преступников; возвратил свободу содержавшимся за долги; приказал вывезти из Москвы заливные трубы и все пожарные инструменты; в сильном исступлении гнева и одушевляемый пламенной любовью к Отечеству, выдал народу молодого человека, переложившего на русский язык речь Наполеона¹²; выехал из столицы в дрожках, не окружая себя стражею и не скрываясь от взоров жителей, в то время как вступали уже в заставу первые неприятельские отряды; обратил в пепел село свое Вороново, чтобы иноплеменики не осквернили оно своим присутствием»¹³.

С падением города должность генерал-губернатора стала бессмысленной. Ростопчин досадовал на Кутузова, который только в самый последний момент поставил его перед фактом сдачи столицы, и пытался оправдаться: «Есть много русских, кои меня бранят за то, что они от нашествия злодея лишились домов и имущества. Мое дело было сохранить спокойствие в столице, и тишина в ней пребыла до 2 сентября. Взятие Смоленска, приближение неприятеля к Москве и Бородинская баталия не были тайны. Купцы начали отправлять свои товары с половины июля; дворянство тронулось с августа. Вопросаю: кого я задержал? у кого взял лошадей, повозки? Многие говорят: он уверял, что Москва взята не будет; от этого мы и погибли. Но я опять спрашиваю: защита столицы от меня ли зависела? 2800 рекрут, 160 полицейских драгун и пожарная команда могла ли остановить Наполеона со 130 тысячами войска? Я сообщал московским жителям все, что получал от Главнокомандующего армиями. Я даже не был приглашен 1 числа на военный совет, где было решено оставить Москву, о чем узнал уже в одиннадцать часов вечера через письмо светлейшего князя Кутузова, требовавшего у меня проводников через город на Рязанскую дорогу»¹⁴.

В то время как французы яростно ругали Ростопчина, называя его инициатором московского пожара, он сам с не меньшей ненавистью давал словесный отпор захватчикам. Сожженная Москва была еще под властью врага, но уже рождались строки веры и надежды: «Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взошел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами [...] Отольются волку люттому слезы горькия. Еще недельки две, так кричать “пардон”, а вы будто не слышите. Уж им один конец: съедят все, как саранча, и станут

стенью, мертвецами непогребенными; куда ни придут, тут и вали их живых и мертвых в могилу глубокую. Солдаты русские помогут вам; который побежит, того казаки добьют; а вы не робейте, братцы удалые, дружина московская, и где удастся поблизости, истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину, и тогда к Царю в Москву явитесь и делами похвалитесь...»¹⁵.

К концу 1812 г. в город вернулось 64 тыс. жителей. Ростопчин раздавал деньги нуждающимся от имени императора (соответственно состоянию, возрасту и понесенным утратам). К примеру, тем, кто обитал в землянках, давали по 15–20 копеек на день. Бедняков поместили в богадельни, снабдили теплой одеждой. Уже 19 октября была восстановлена работа почты, в декабре возобновили деятельность присутственные места.

Ростопчин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто ими в данный момент владеет. Всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни». В первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили огромную площадь. Так родилась знаменитая Сухаревка.

Весной 1813 г. для восстановления и реконструкции Москвы решением Александра I была создана Комиссия для строений, которая просуществовала до 1842 г. Возглавить комиссию император поручил Ростопчину (в ранге главного начальника комиссии), директором был князь М.Д. Цицианов, видное место занимали в ней архитекторы О.И. Бове, А.Г. Григорьев, В.И. Гесте и другие. Комиссия имела пять кирпичных заводов, ей подчинялись несколько строительных батальонов. Было налажено производство колонн, дверей, оконных рам, лепнины, чтобы придать архитектурную целостность восстанавливаемому городу.

На первом же заседании комиссии, состоявшемся в мае 1813 г., Ростопчин объявил о том, что правительство выделило в ее распоряжение беспроцентную ссуду в 5 млн рублей с рассрочкой на пять лет. Со своим видением восстановительного процесса выступили архитекторы, крупные чиновники. Изучив предложения, Ростопчин принял решение: внести коррективы в исторически сложившийся облик города, особенно его центра.

Спрямылись и расширялись улицы, получила новую парадную застройку территория, окружавшая Кремль и Китай-город. Великолепным ожерельем вокруг них создавались новые площади (Калужская, Серпуховская, Миусская, Конная), реконструировались старые (Воскресенская). Возобновилась начатая в конце XVIII в. прокладка

кольца бульваров и прилегающих к нему улиц. Главным делом комиссии стала, конечно же, реконструкция Красной площади. У стен Кремля был разбит Александровский сад. Расположенный у Кремлевской стены ров, который соединял Неглинную и Москву-реку, был засыпан. Обступавшие его с обеих сторон несколько рядов крепостных стен разобрали. Территория Красной площади стала намного обширнее.

В своем фундаментальном предписании архитекторам и строителям Ростопчин сформулировал принципиально новое отношение ко всем древним сооружениям как к историческим ценностям. Кремль и Китай-город, Покровский собор предписывалось сохранять в «первобытном их положении». Впервые был официально зафиксирован их новый статус исторических памятников.

Ростопчин задумал издать за собственные средства солидное описание Отечественной войны с портретами всех полководцев и героев. Он начал собирать материалы, поручил художнику Александру Витбергу писать портреты, иллюстрации, делать макет книги. Именно под впечатлением этой масштабной работы у художника родился замысел создать проект грандиозного храма в память о событиях войны 1812 года. Александр I был в восторге от идеи Витберга – предполагалось построить собор на Воробьевых горах. Художника поставили во главе комиссии, которая должна была руководить грандиозной стройкой.

Еще в декабре 1812 г. Ростопчин послал Александру I три проекта памятника в честь победы над Наполеоном. По словам Ростопчина, памятник должен был «свидетельствовать перед грядущими веками о безумии Наполеона и о Вашей мудрости. Для пирамиды, в том виде как она запроектирована, потребуется 800 пушек, но ежели употребить на нее еще большее число орудий, то она будет гораздо красивее, выиграв в высоте». Впрочем, уже скоро разочаровавшийся в своих планах увековечения недавних событий, Ростопчин писал одному из своих знакомых:

«Что народу памятник из пушек и храм Христа Спасителя? До сего времени у меня нет ни копейки для бедных, и если бы не остатки чрезвычайных сумм и мои собственные деньги, верных пять тысяч человек умерло бы от голода и нищеты. Кутузов сказал великую и скромную истину: “Государь, Бог велик”. Но никто не знает, входит ли в Его намерение спасение России во второй раз».

С необыкновенным воодушевлением встретила Москва известие о победе в Лейпцигской битве в начале октября 1813 г. Вечером город утопал в праздничных огнях: особым украшением стало панно перед домом Ростопчиных. Вокруг изображения Александра было написано

«спасает», а вокруг фигуры ратника с булавой – «карает». В середине изображен взрываемый Кремль, колокольня Ивана Великого от основания до золотой главы исписана именами русских побед, а над ней было помещено одно только слово – «устою!». Над воротами сияли слова «Миру – мир». Москва, позабыв о своих бедствиях, предавалась радостной мысли о том, что ею спасена не только Россия, но и вся Европа.

Вскоре возродился и московский театр. Первой пьесой, сыгранной на московской сцене в 1814 г., была драма Бориса Федорова «Крестьянка-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы». Пьеса шла тридцать раз подряд и всегда с аншлагом.

Хотя Ростопчин многое сделал для налаживания мирной жизни, ему пришлось столкнуться с негативным отношением ряда москвичей к своей деятельности. В частности, в письме к Д.И. Киселеву от 14 ноября 1813 г. он жаловался, что «кроме ругательств, клеветы и мерзостей, ничего в награду не получил от города, в котором многие обязаны мне жизнью. Самый малый бунт распространился бы везде, и я не знаю, кто бы тогда выгнал Наполеона и где бы каждый очутился»¹⁶. За два года, которые минули после сдачи Москвы, Ростопчин сильно похудел, стал необычайно раздражительным, его одолевала бессонница. Несколько раз он обращался к императору с просьбой предоставить отпуск хотя бы на два-три месяца, чтобы отправиться на лечение на Липецких минеральных водах. Вернувшийся в середине 1814 г. из Парижа Александр получил множество жалоб на Ростопчина.

30 августа 1814 г. было официально обнародовано решение Александра I об отставке Ростопчина, на его место назначался генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов. Из Петербурга Ростопчин написал жене: «Итак, мой друг, третьего дня совершился мой развод с Москвой. Счастливым супругом и обладателем этой капризной очаровательницы будет генерал Тормасов, человек хороший, лет 60 от роду, вдовец, слабый характером, с приемами светского человека. Я остался состоящим при особе Государя и, к великому моему изумлению, членом Государственного Совета, причем это не возлагает на меня ни малейших обязанностей. Милостей было много...»

Таким образом, Ростопчин пробыл «московским властелином» всего чуть больше двух лет. Уйдя в отставку он, тем не менее, не оказался отверженным, за ним сохранялась репутация умного и делового человека, много сделавшего для Москвы в роковой момент. Эти два года стали, по сути, главными в его судьбе, а отсветы грандиозного московского пожара и поныне как мощный прожектор ярко высвечивают фигуру Ростопчина в сонме вельмож и начальников той грозной и трагической эпохи.

Видимо, споры о его деятельности на этом посту не прекратятся и тогда, когда в России будут отмечаться и 300-летний, и 400-летний юбилей победы в первой Отечественной войне. «Капризной очаровательницей» назвал Ростопчин когда-то Москву, и далекие потомки переживших суровую годину москвичей еще не скоро забудут яростного и непреклонного ее градоначальника.

¹ Предписание московского военного губернатора Ф.В. Ростопчина московскому обер-полицмейстеру генерал-майору П.А. Ивашкину о соблюдении порядка и благоустройства на улицах города, 4 июня 1812 г. // Москва и Отечественная война 1812 г.: В 2 кн. / Авт.-сост. Д.И. Горшков. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. Кн. 1. С. 97.

² *Ростопчин Ф.В.* Письма к Александру I // Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 424.

³ То же // Русская старина. 1893. № 1. С. 179.

⁴ *Тарле Е.В.* Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 341.

⁵ *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М.А.* Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1985. С. 296.

⁶ *Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 2. Отд. V. С. 77.

⁷ *Снегирев И.М.* О престононародных изображениях // Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. М., 1824. Ч. 4. С. 144.

⁸ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биография графа Федора Васильевича Ростопчина, генерала инфантерии и московского главнокомандующего, впоследствии обер-камергера // *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли... М., 1847. Ч. III. С. 127.

⁹ *Вяземский П.А.* Записные книжки // Русские мемуары. Избр. страницы: 1800–1825 гг. М., 1989. С. 551.

¹⁰ *Ростопчин Ф.В.* Письма к Александру I // Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 525.

¹¹ Там же. С. 530.

¹² Имеется в виду дело купеческого сына М.Н. Верещагина. В июне 1812 г. «из ветренности мыслей» им была сочинена «речь императора Наполеона», в которой унижались достоинство России и императора Александра I. Под видом выписки из иностранных газет Верещагин распространил ее среди своих знакомых. 16 июля Московским городовым магистром Верещагин был признан виновным в государственной измене и приговорен к вечной каторге. 19 августа приговор был утвержден Правительствующим Сенатом. 2 сентября, при оставлении Москвы русскими войсками, содержащийся во Временной тюрьме М.Н. Верещагин был по приказанию Ростопчина отдан для публичной расправы как опасный преступник.

¹³ *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и фельдмаршалов... Ч. 3–4. С. 99–102.

¹⁴ *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С. 301–302.

¹⁵ Там же. С. 219–220.

¹⁶ Русский архив. 1863. Кн. 2. С. 34.

А.А. Смирнов

Москва – «вечной памяти Двенадцатого года». Этапы мемориализации

Памятники событиям и людям 1812 года в Москве многочисленны и многообразны. Полностью они еще не выявлены и не описаны, да и работа эта не для одного поколения исследователей.

В большей степени известны и доступны архитектурные памятники, разбросанные по территории столицы. Их можно сгруппировать по типам: арки, обелиски, здания, памятные доски, мосты, ограды, бюсты, фигуры, знаки, часовни, церкви, кресты, надгробья и другие сооружения, а можно распределить по хронологии закладки, возведения или освящения. Последний метод распределения позволяет гораздо проще связать памятники с историческими событиями и судьбами участников Отечественной войны. И все же стройной хронологической системы выстроить не удастся, так как некоторые памятники открывались и освящались несколько раз: сначала после первоначальной постройки, а потом после воссоздания; есть памятники, которые освящались по фрагментам (приделы храма Святых Отцов VII Вселенского собора) или сначала освящались, а открывались позднее (Николаевская военная богадельня); по ряду памятников пока не удалось установить точную дату открытия, а также их авторов. При этом не следует обходить молчанием и те памятники, которые планировались к установке, но так и не были возведены, и те, которые были уничтожены и не восстановлены. Память о них хранят документы, зарисовки, фотографии, кинохроника и другие информационные источники.

В общей сложности в Москве существует более 50 памятников названных типов, не считая надгробий и кенотафов, так как выявление захоронений участников первой Отечественной войны на московских кладбищах продолжается и конца этому процессу пока не видно.

Все московские архитектурно-скульптурные памятники по своей идейной направленности можно разделить на те, что посвящены победе России в Отечественной войне 1812 года, конкретным событиям этой войны, и персональные памятники ее героям. По характеру воплощения это могут быть памятники культовые и светские. Как правило,

они закладывались к юбилейным датам, связанным с историей событий или с биографиями героев и, конечно же, с юбилеями Москвы – ее 800- и 850-летьем.

* * *

Первым памятником, естественно, стала изба крестьянина деревни Фили Михаила Фролова, в которой 1 сентября 1812 г. на военном совете решилась судьба Москвы и России.

В 1850 г. в связи с переносом деревни «Кутузовскую избу», как стали называть бывшую избу Фролова, сохранили на прежнем месте как исторический памятник, охраняемый солдатом-инвалидом, жившим в ней.

Обветшавший дом починили, снаружи обшили досками, соломенную кровлю заменили тесовой и покрасили, избу окружили невысоким земляным валом и обсадили деревьями. С каждым годом росло число посетителей этого исторического места. В той половине избы, где происходил военный совет, сохранялись длинный дубовый стол и лавки, на которых сидели участники совета, иконы в красном углу и скамейка. Тут же лежала и книга, в которую вписывались имена посетителей. В 1867 г. помещик уволил сторожа-инвалида. Избу заколотили и оставили без всякого присмотра. 7 июля 1868 г. заброшенная изба внезапно загорелась. Прибежавшие на пожар крестьяне успели вынести из огня лишь иконы и лавку.

* * *

Летом 1883 г., побывав на пожарище, офицеры Гренадерского корпуса Московского гарнизона обратились в Московскую городскую думу с просьбой «принять меры против совершенного исчезновения следов исторического места... и положить на месте домика Кутузова хотя бы только камень с соответствующей надписью, а место домика огородить»¹. Собранных офицерами средств, конечно же, не хватало на заказ и установку какого-либо скульптурно-архитектурного шедевра. Тогда и возникла идея перенести к пожарищу старый верстовой столб со Смоленского шоссе, превратив его в памятный знак.

Осенью того же года верстовой столб с сохранившейся на нем датой изготовления «1783» перенесли и установили на месте избы Фролова. На его кубическом основании прикрепили две доски из розового мрамора, на одной из которых золотыми буквами были выбиты слова, произнесенные Кутузовым при закрытии военного совета, а на другой – рассказана история создания этого необычного памятника. Памятный столб огородили деревянным палисадником и окружили канавой с земляной насыпью, но с проходом к памятнику.

* * *

Год спустя, по проекту художника и архитектора Н.Р. Струкова на месте сгоревшей избы была построена на собранные москвичами средства стилизованная изба, освященная 3 августа 1887 г., к 75-летию Отечественной войны 1812 года. В ней был образован музей, повествующий о военном совете и его участниках.

* * *

В период оккупации Москвы Великой армией на Девичьем поле располагался 1-й армейский корпус маршала Л.Н. Даву. 25 сентября 1812 г. Наполеон посетил Новодевичий монастырь, приказал укрепить его и создать в нем провиантский склад. 30 августа игуменья Мефодия с наиболее ценным имуществом покинула монастырь, оставив вместо себя казначею Сару. 9 октября неприятель ушел из монастыря, подготовив его постройки к взрыву. Враги подожгли деревянные строения, иконостасы и солому. Сара с монахинями погасили очаги пожаров и фитили на вскрытых ящиках и бочонках с порохом.

В память спасения монастыря от уничтожения в 1812 г. в Успенской монастырской церкви был устроен придел в честь апостола Иакова Алфеева (память его приходится на 9 октября, день спасения обители). 26 октября 1813 г. придел освятил архиепископ Московский Августин (А.В. Виноградский). В 1945 г. Успенская церковь была возвращена Русской православной церкви и переосвящена. При этом придел Иакова Алфеева не возобновлялся.

* * *

После ухода наполеоновских оккупантов из Москвы началось ее восстановление. Архитектор О.И. Бове построил в 1815 г. на Красной площади новое здание Торговых рядов, разделив его на три части. В центре фасада Верхних рядов на фронтоне были помещены изображения летящих «Слав», прославлявших победу России в 1812 году. Но в конце XIX в. было построено новое здание Верхних торговых рядов без «Слав».

* * *

В боях Отечественной войны 1812 года активно участвовали формирования, состоявшие из мусульман. В знак признательности их мужеству, проявленному в борьбе за независимость единого Отечества, городские власти подарили землячеству московских татар земельный участок для постройки мечети. Первая суннитская мечеть была построена в 1816 г. и получила название Исторической (Большая Татарская улица, дом 26, строение 2). В 1937 г. мечеть была закрыта, но с 1993 г. служба в ней возобновилась.

* * *

Осенью 1817 г. Москва готовилась торжественно отметить пятую годовщину победы в Отечественной войне 1812 года. Для смотра и парада войск было приказано построить экзерциргауз – манеж, в котором мог бы развернуться пехотный полк. За разработку проекта взялся инженер-генерал А.А. Бетанкур. Строительство манежа, которое было предписано закончить не позднее 1 октября 1817 г., он поручил инженер-генералу А.Л. Карбонье.

Освященный 30 ноября 1817 г. манеж стал чудом инженерного искусства своего времени, достойным памятником героям Отечественной войны 1812 года. В нем состоялись чествования и праздничный парад по случаю пятилетия победы российского оружия в 1812 году.

О том, что здание манежа построено в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года, говорила мемориальная доска, установленная, вероятно, в 1967 г. Внезапно вечером 14 марта 2004 г. манеж загорелся, но через семь часов пожар был ликвидирован. Восстановление велось круглосуточно. Открытие воссозданного манежа состоялось 27 апреля 2005 г. А вот мемориальную доску возобновить забыли.

* * *

На торжества по случаю пятилетия победы в Москву из Петербурга пришел сводный гвардейский полк, состоявший из нижних чинов, удостоенных Знаков отличия Военного ордена за героизм, проявленный в боях 1812 года.

Полк участвовал в закладке храма Христа Спасителя на Воробьевых горах и в параде в Манеже, но потом был задержан в Москве для участия в торжественном открытии памятника гражданину К.М. Минину и князю Д.М. Пожарскому на Красной площади, которое состоялось 18 февраля 1818 г.

Лицевую сторону постамента этого памятника украшает бронзовый барельеф, посвященный сбору средств на ополчение. У левого края барельефа видна мужская фигура в одежде начала XIX в. без головного убора – это автопортрет создателя памятника скульптора И.П. Мартоса. За ним идут два юноши – это его сыновья, которых он жертвует на защиту Отечества. На переднем плане старший сын Алексей. В 1812 г. он служил в 3-й армии, участвовал в боях на Березине. Таким образом, памятник соединил освободительную войну 1612 года и Отечественную войну 1812 г.

* * *

Мало кто обращает сегодня внимание на лепную композицию на тему Победы в Отечественной войне 1812 года на доме №12

по Никитскому бульвару. Это работа известного архитектора XIX в. Доменика Жилярди, исполненная в 1818 г. по заказу генерала П.М. Лунина, владевшего домом, в котором сегодня размещается Музей искусства народов Востока.

* * *

Большой кремлевский колокол, который и в наши дни можно изда- лека увидеть на Петроковской, или Успенской, звоннице колокольни Ивана Великого, тоже один из московских памятников победы России.

10 октября 1812 г. неприятельский гарнизон оставил Москву. Около 2 часов ночи 11 октября Кремль потрясли несколько взрывов. Примы- кавшие к колокольне Ивана Великого звонницы были превращены в груды обломков. При разрушении Петроковской звонницы Иванов- ской колокольни упал и разбился помещавшийся на ней Большой ко- локол, второй по величине после знаменитого Царь-колокола. Большой колокол был отлит в 1760 г. мастером К.М. Слизовым.

Восстановление разрушенных звонниц началось в мае 1813 г. Через четыре года работы по переливке разбитого Большого колокола были доверены колокольному заводчику М.Г. Богданову. Старшим литейщи- ком у Богданова работал 90-летний Яков Завьялов, служивший ранее у Слизова и отливавший 57 лет назад разбившийся Большой колокол. В конце 1818 г. новый колокол был отлит, 23 февраля 1819 г. перевезен в Кремль и в августе поднят на воссозданную звонницу.

В самый большой и самый радостный православный праздник Пас- хи – Светлого Христова Воскресения – в 1995 г. после долгого молчания первым по старинной традиции заговорил крупнейший московский колокол – Большой, или Успенский, возвещая о непреоборимой силе Создателя, покровительствовавшего России в грозную пору.

* * *

От взрывов в октябре 1812 г. сильно пострадала и Никольская баш- ня Кремля: рухнул ее шатер, часть стрельницы и собственно башни. При этом излом дошел сверху до образа святого Николая Можайско- го, но сама икона и даже ее лампада не пострадали. Это было вос- принято москвичами и всеми россиянами как доброе предзнамено- вание о защите России Божественным провидением от нашествия врагов.

В 1815 г. началось восстановление Кремля. По проекту архитектора Л. Руска (по другим данным – О.И. Бове) к 1819 г. восстановили и Ни- кольскую башню. Под уцелевшим на стрельнице образом по указанию императора Александра I была помещена (вероятно, в 1819 г.) бело- мраморная доска, повествующая о чудесном спасении образа.

В 1918 г. мемориальная доска с башни была снята, а образ Николая Можайского исчез. Много лет считалось, что фреска с образом уничтожена в 1920-е гг., когда внешний вид Кремля приукрашивала мастерская И.Э. Грабаря. С 1928 по 1934 г. в ней работал реставратором граф Ю.А. Алтуфьев, который, рискуя жизнью, законсервировал фреску. Алтуфьева в 1939 г. расстреляли. Подвиг его стал известен, и в феврале 2010 г. было разрешено обследовать поверхность киота. Под слоем штукатурки оказалась сетка, а под ней красочный слой образа. После реставрации, 4 ноября 2010 г., патриарх Московский и всея Руси Кирилл освятил надвратную икону святого Николая Можайского. Логично было бы восстановить и снесенную мемориальную доску, но придется подождать следующего юбилея.

* * *

После засыпки рва перед кремлевской стеной у Никольских ворот Кремля были возведены две часовни: слева – в честь Николая Чудотворца и справа – в честь святого благоверного князя Александра Невского. Мнения о времени их постройки разнятся (1821 или 1886 г.). Обе часовни в архитектурно-строительном решении являлись парными. Они были каменными одноглавыми, имели шатровый верх с луковичными главками и килевидные закомары по фасадам. Росписи стен и потолков, подбор икон часовен свидетельствовали, что часовни были оформлены как памятники победы России в военных событиях 1812–1814 гг. В 1929 г. их снесли.

* * *

В 1818 г. в Москву приехал прусский король Фридрих Вильгельм III. Его встретил и проводил до Кунцева император Александр I. Король ночевал в усадьбе Нарышкиных. Из кунцевского парка он впервые увидел вдаль Москву и вместе со своими сыновьями – будущим прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV и первым будущим германским императором Вильгельмом I – поклонился с благодарностью Москве, пожертвовавшей собой в 1812 г. во имя спасения России и Европы от наполеоновского нашествия. Вскоре свидетель этого события и владелец усадьбы А.Л. Нарышкин поставил в своем парке близ оранжереи обелиск белого камня.

Прибыв в Москву, король захотел осмотреть ее развалины с какого-либо высокого уцелевшего строения. Сопровождавший гостей генерал-майор П.Д. Киселев повел короля на бельведер только что восстановленного дома Пашкова. «Отдав Москве три земных поклона, он со слезами на глазах несколько раз повторил: “Вот наша спасительница”, – вспоминал Киселев»².

В память об этом посещении Москвы Фридрихом Вильгельмом III на ограде бельведера появилась прусская корона, сохранившаяся и поныне.

* * *

В 1818 г. единственная дочь графа Ф.А. Толстого Аграфена вышла замуж за генерала А.А. Закревского, участника Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российских войск 1813–1814 гг., будущего графа и генерал-губернатора Москвы в 1848–1859 гг. В качестве приданого Аграфена получила подмосковную усадьбу «Студенец». Став владельцем усадьбы, Закревский заказал замечательным русским архитекторам Д.И. Жилярди и А.Г. Григорьеву перестроить загородную усадьбу-дачу. Вот что рассказал о ней в начале 1830-х гг. Ф.Ф. Вигель: «От больших ворот шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, с двумя боковыми узкими для пешеходцев, до главного дома над самой рекой. С обеих сторон сих аллей было по три острова, четвероугольных, равной величины, разделенных между собой вновь прокопанными канавами, наполненными тогда еще чистой, проточной водой и соединенными одинаковыми мостиками. Каждый из сих островов был посвящен памяти одного из героев, под начальством которых Закревский находился: Каменского, Барклая, Волконского и других. На каждом посреди густоты деревьев находился или храмик, или памятник сказанным воинам»³. А.Я. Булгаков сообщал в 1831 г., что в усадьбе были монументы Каменскому, Волконскому и Ермолову⁴.

Памятники сильно пострадали во время бомбежки Москвы фашистами в начале Великой Отечественной войны. Только один из разрушенных памятников удалось поднять из руин в 1960 г. Белокаменная колонна тосканского ордена высится в зеленом уголке парка справа от центральной аллеи и фонтана.

В это же время Жилярди строит и восьмигранную водоразборную колонку над артезианским колодцем на окраине регулярного парка, названную Октогоном, превращая ее в своеобразный храм-фонтан. И поток неиссякаемой живительной влаги из этого фонтана, и архитектурная отделка постройки символизировали вечную память погибшим в Отечественной войне 1812 года.

В октябре 1975 г. Октогон был передвинут на территорию парка, перестав быть неиссякаемым источником.

* * *

Быстро шло восстановление Москвы из пепла и развалин. Тогда-то О.И. Бове и задумал создать общественный сад-памятник вдоль западной стены Кремля. Работы начались в 1819 г. и продолжались

около четырех лет. К 1822 г. почти 10 га площади от угловой Арсенальной до Боровицкой башни превратились в шедевр садово-паркового искусства. Оформление сада, названного Александровским, связано с памятью об Отечественной войне 1812 года. Победоносные мотивы нашли отражение в декоре чугунной ограды со стороны Воскресенской площади. Архитектор Е.Ф. Паскаль украсил ее военными атрибутами и гербовыми орлами. Кованая решетка меньшей высоты отделяла сад от Манежа. В ее орнамент архитектор Ф.М. Шестаков вложил мотивы триумфа. Украшение ворот, выходящих к Манежу, связано со скульптурным убранством памятного здания.

Бывший бастион у подножья Средней Арсенальной башни Бове превратил в грот, сложенный из обломков мраморных деталей разрушенных в 1812 г. московских усадеб, как бы засыпавших колоннаду с портиком, поэтому у посетителя возникает ощущение созерцания руин, отчего грот и называется «Руины».

* * *

12 декабря 1822 г. в саду московской городской усадьбы семьи Лазаревых был открыт 10-метровый чугунный четырехгранный обелиск, увенчанный позолоченным шаром (ныне – Армянский переулок, дом 2). На каждой грани обелиска – беломраморные медальоны с изображениями эмблем наук. В надписи на одной из досок на постаменте – посвящение сыну основателя Института восточных языков, лейб-гвардии Гусарского полка штабс-ротмистру и кавалеру Артемию Екимовичу Лазареву, павшему в сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 г.

* * *

Как известно, в числе московских церквей, пострадавших в 1812 г. во время оккупации, была приходская церковь во имя Иоанна Предтечи, стоявшая недалеко от Новодевичьего монастыря. Посетив монастырь 25 сентября 1812 г., Наполеон приказал взорвать церковь, чтобы расчистить подступы к монастырю.

В сентябре 1813 г. староста взорванной Предтеченской церкви купец С.А. Малюков обратился в Синод с просьбой разрешить ему восстановление церкви. Через два года он получил согласие, а игуменья Мефодия выделила для постройки новой церкви монастырскую землю. Было велено назвать храм в память Седьмого Вселенского собора. День памяти собора в 1812 г. пришелся на 11 октября, когда неприятельский гарнизон покинул Москву, поэтому новая церковь должна была стать храмом-памятником в честь освобождения Москвы в 1812 г.

Храм заложили летом 1816 г. Через 17 лет, 27 августа 1833 г., Седьмовселенский храм был освящен целиком митрополитом Филаретом (В.М. Дроздовым), став первым храмом-памятником 1812 году в Москве.

Седьмовселенскую церковь-памятник разрушили в конце 1920 – начале 1930-х гг.

* * *

В середине 1814 г., к торжественной встрече возвращавшихся из Западной Европы победоносных российских войск, в конце Тверской улицы, на нынешней площади Маяковского, была сооружена деревянная Триумфальная арка. Но памятник быстро ветшал, и через 12 лет, в 1826 г., было решено заменить деревянную Триумфальную арку каменной. Составление проекта поручили О.И. Бове. В том же году он разработал первоначальный проект. Однако арку решили установить на главном въезде в Москву из Петербурга, на вновь спланированной парадной площади Тверской заставы (ныне – площадь у Белорусского вокзала), что привело к переделке проекта. Новый вариант был принят в апреле 1829 г. Торжественная закладка арки состоялась 17 августа того же года.

Постройка Триумфальных ворот – единственного сегодня в Москве памятника арочного типа, сооруженного после войны 1812 года, растянулась на пять лет. Только 20 сентября 1834 г. состоялось открытие этого своеобразного памятника, отражающего военную мощь, славу и величие России, героизм ее воинов-победителей. Бове создал яркий, выразительный образ непокоренной Москвы, восставшей «из пепла и развалин».

У Тверской заставы ансамбль Триумфальных ворот простоял 102 года. Но в 1936 г. площадь у Белорусского вокзала решили перепланировать и освободить для облегчения движения на транспортной магистрали улица Горького (ныне улицы Тверская и Тверская-Ямская) – Ленинградское шоссе. Триумфальные ворота, кордегардии (помещения для воинского караула) и остатки соединявшей их когда-то кованой ограды были разобраны.

Однако богатое скульптурное убранство арки было сохранено и 32 года находилось в прежнем филиале Музея архитектуры имени А.В. Щусева (на территории Донского монастыря). В 1966 г. Московский Совет депутатов трудящихся принял решение о восстановлении Триумфальной арки на новом месте. Таким местом стала площадь Победы, где ворота восстанавливались как монумент, то есть без кордегардий и ограды.

6 ноября 1968 г. замечательное творение Бове обрело вторую жизнь.

* * *

В ночь с 1 на 2 сентября 1812 г. по решению военного совета российские войска покидали Москву. У Дорогомиловской заставы они переходили Москву-реку по деревянному мосту на деревянных опорах длиной 235 м и шириной немногим более 6 м, построенному в 1788 г.

В 1868 г. новый мост из металлоконструкций сменил деревянный. В таком виде мост просуществовал до 1909 г., когда началась перестройка Бородинского моста по победившему на конкурсе проекту архитектора Р.И. Клейна и инженеров Н.И. Осколкова, М.И. Щекотова и А.Н. Сластенова. Длина моста составляла почти 127 м, а ширина – 25,5 м при прежнем числе мостовых опор. Движение по мосту открылось в 1912 г., а в следующем году он был торжественно освящен. Продуманным архитектурным оформлением в стиле ампира академик Клейн превратил Бородинский мост в своеобразный величественный памятник русским воинам, стоявшим насмерть на Бородинском поле.

* * *

Оставляя Москву, враги взорвали здание кремлевского Арсенала. Его восстановление продолжалось до 1828 г.

К 100-летию юбилею Отечественной войны в здании Арсенала намечалось открыть Музей 1812 года. Однако большой объем ремонтно-строительных работ, слабая их организация и недостаток средств не позволили осуществить эти планы в юбилейном 1912 г. Начавшаяся вскоре подготовка России к Первой мировой войне, а затем и открывшиеся военные действия положили конец всяким работам в Арсенале. До наших дней на фасаде здания частично сохранились лепные украшения в виде военных атрибутов – следы начавшейся отделки кремлевского Арсенала под музей. О музейном предназначении здания напоминают и стволы трофейных орудий армий всех государств Европы, втянутых Наполеоном в нашествие на Россию. Начало сбору этих орудийных стволов было положено 30 октября 1812 г.

14 ноября 1812 г. был издан императорский рескрипт, в котором говорилось: «Повелели мы генерал-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую в разных сражениях артиллерию препровождать в Москву, где на память многократных побед и свершенного истребления всех дерзнувших вступить в Россию неприятельских сил имеет из сих отнятых у них орудий воздвигнут быть увенчанный лаврами столп. Да свидетельствует сей памятник... славные и знаменитые подвиги храброго народа и войск, умеющих на полях брани карать врагов и наказывать злодеев»⁵. Памятник предполагалось установить на Сенатской площади Кремля.

Однако ни один из многочисленных проектов так и не был осуществлен, поскольку не отвечал одному из главных условий конкурса – использовать стволы орудий без переплавки. В 1839 г., когда первоначальная идея создания памятника была оставлена, стволы разместили на ступенчатых каменных постаментах вдоль главного фасада кремлевского Арсенала, от Троицких до Никольских ворот. А на южной стене поместили две медные таблички с надписью о количестве трофейных стволов.

* * *

От взрывов в Кремле и возникшего пожара значительно пострадал и Большой Кремлевский дворец. В 1837 г. группа российских архитекторов в составе Н.И. Чичагова, П.А. Герасимова, В.А. Бакарева, Ф.Ф. Рихтера с десятью «архитекторскими помощниками» по проекту и под руководством придворного архитектора академика К.А. Тона приступила к сооружению нового Большого Кремлевского дворца. Строительство продолжалось почти 11 лет. Парадные залы дворца посвящены российским орденам.

Самый значительный по величине и самый роскошный по убранству – Георгиевский зал, зал воинской славы. С отделкой зала связаны имена выдающихся мастеров своего дела – скульптора П.П. Клодта, лепщиков Ф. и Н. Дылевых, литейщиков Кромбюгеля и Шенфельта, ваятеля И.П. Витали, лепщика Полтавцева, каменщика С. Кампиони, скульптора А.В. Логановского, академика живописи Ф.Г. Солнцева, паркетчика Миллера и др.

Гимном славы подвигам россиян являются мемориальные доски Георгиевского зала, выполненные из пепельного мрамора с начертанными на них золотом именами героев – георгиевских кавалеров и воинских частей, удостоенных коллективных георгиевских наград. Памятные доски укреплены на продольных стенах зала, в надкаминных и оконных нишах западной стены. Однако имена георгиевских кавалеров помещены на мраморных лентах, опоясывающих оконные проемы. На них и сегодня можно прочесть свыше 11 тысяч фамилий офицеров, награжденных разными степенями ордена с 1769 по 1885 г. Запись георгиевских кавалеров велась по годам, а в пределах каждого года – по степеням ордена. Поэтому, например, фамилию М.И. Кутузова можно увидеть четыре раза – на третьей, четвертой и девятой досках зала. Четырежды выбиты на мраморных досках и фамилии М.Б. Барклай де Толли, И.Ф. Паскевича и И.И. Дибича. За названиями более 500 прославленных частей, выбитыми золотом на мемориальных досках, стоят имена тысяч нижних чинов – безвестных героев Отечественной войны 1812 года.

* * *

13 декабря 1812 г. армия Кутузова вышла на берега Немана – естественной западной границы Российской империи. Приехав в Вильно к победоносным российским войскам, император Александр I подписал 25 декабря 1812 г. манифест «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя, в ознаменование благодарности к промыслу Божию за спасение России от врагов»⁶.

Вскоре был объявлен открытый конкурс проектов. В декабре 1815 г. состоялось рассмотрение конкурсных проектов, в числе которых были работы таких выдающихся зодчих, как Д. Кваренги, А.Н. Воронихин, А.А. Михайлов и др., а также художника А.Л. Витберга, предложившего трехъярусный храм-памятник. Император одобрил проект. Витберг доказал, что лучшим местом для памятника будут Воробьевы горы, и к лету 1817 г. доработал проект.

Закладка памятника состоялась 12 октября 1817 г. – в день пятилетней годовщины Малоярославецкого сражения, после которого враг начал отступать по разоренной Смоленской дороге. К лету 1820 г. был решен вопрос о финансировании работ. На Воробьевых горах разворачивались работы невиданных ранее размеров. Однако грандиозное строительство сделалось, к величайшему сожалению, благоприятной почвой для разного рода хищений и злоупотреблений. В 1825 г. началось длительное расследование, переросшее в судебный процесс, тянувшийся восемь лет. В результате Витберг был необоснованно признан виновным в злоупотреблениях, принесших ущерб в 580 тыс. рублей. Все имущество его было конфисковано и продано, а сам он сослан в Вятку под надзор полиции.

К 100-летию Отечественной войны 1812 года решено было отметить место закладки храма Христа Спасителя по проекту Витберга на Воробьевых горах специальным знаком. Он был открыт 15 августа 1912 г. и представлял собой восьмиконечный православный крест, вставленный в кубический постамент. В 1930-е гг. крест сломали, ограду унесли, но еще в начале 1950-х гг. в зарослях кустарника под нынешней смотровой площадкой можно было видеть «освободившийся» от штукатурки кирпичный постамент.

* * *

Находясь в Москве в ноябре 1837 г., император Николай I принял решение о строительстве на Измайловском острове военной богадельни – российского «Дома инвалидов» для содержания 20 офицеров и 400 нижних чинов, поручив проектирование и руководство строительством архитектору К.А. Тону. Генеральный план богадельни Николай I утвердил 26 ноября 1838 г. Согласно плану три кирпичных

трехэтажных корпуса богадельни (два симметричных для нижних чинов и один для офицеров – восточный) примыкали к Покровскому собору. Строительство корпусов продолжалось до 1849 г.

Комплекс зданий Измайловской Николаевской военной богадельни (так она стала называться с 1855 г.) был освящен 12 апреля 1849 г. Однако из-за опоздания с завершением отделки помещений открытие богадельни с заселением инвалидов состоялось только 19 марта 1850 г.

Первыми поселенцами Измайловской богадельни стали ветераны Наполеоновских войн – герои Бородина, Тарутина и Малоярославца, Вязьмы, Смоленска и Красного, прошедшие нелегкий четвертьвековой путь солдатской службы – «нижние чины неимущего состояния». Богадельня просуществовала до 1919 г.

* * *

После неудачной попытки возведения храма Христа Спасителя по проекту А.Л. Витберга в начале 1829 г. был объявлен открытый конкурс на новый проект храма, в котором приняли участие О.И. Бове, Ф.М. Шестаков, Е.Г. Малютин, И.Т. Таманский, К.А. Тон, Е.Д. Тюрин и многие другие.

10 апреля 1832 г. был утвержден проект Тона. Для постройки император выбрал территорию Алексеевского женского монастыря. В 1837 г. Алексеевский монастырь перевели в Красное село (ныне Красносельская улица). 10 сентября 1839 г. состоялась торжественная закладка храма. В проекте храма Тона по настоянию Николая I была нарушена идея Александра I – поставить храм-памятник победе именно в Отечественной войне 1812 года. Николай I расширил события, которым посвящался храм, включив в них заграничные походы 1813–1814 гг.

К 1853 г. наружная отделка храма завершилась. Началась внутренняя роспись стен и установка наружной скульптуры. В росписи храма участвовали художники А.Г. Марков, П.В. Басин, Ф.А. Бруни, Г.И. Семирадский, В.И. Суриков, К.Е. Маковский, Т.А. Нефф, М.А. Врубель, И.М. Прянишников, Я.С. Башилов и др. Скульптурное убранство храма выполняли скульпторы А.В. Логановский, П.К. Клодт, И.А. Рамазанов и др. Историко-мемориальную функцию в храме несла нижняя галерея, где на стенах размещались 177 мраморных досок (каждая 5,6 кв. м) с выбитой на них летописью военных дел 1812–1814 гг. Доски группировались по три в ственных нишах, составив 59 групп.

Грандиозное освящение храма произошло 26 мая 1883 г. Спустя полвека, 5 декабря 1931 г., храм взорвали.

В 1994 г. правительство Москвы решило воссоздать храм. 8 января 1995 г. состоялась его закладка на прежнем месте. Проект воссоздания

был разработан под руководством академика архитектуры М.М. Посохина. 20 августа 2000 г. воссозданный храм был освящен.

Все художественное убранство храма, как внутреннее, так и наружное, позволяет считать его памятником победоносного для России завершения военных событий 1812–1814 гг., так как оно посвящено тем святым, память которых Русская православная церковь чтит в эти дни.

* * *

Храмом Христа Спасителя завершается перечень памятников, заложенных и возведенных за 70 послевоенных лет. Этот период можно разделить на несколько этапов мемориализации Москвы.

Прежде всего, это первое послевоенное пятилетие, когда были еще свежи в памяти грозные события 1812 года и их стремились торжественно отмечать. К тому же Москва и москвичи хотели поскорее залечить раны оккупации Первопрестольной. Это стремление поощрялось государственными субсидиями пострадавшим. Большую роль в возрождении Москвы в первое послевоенное время сыграли ее главный архитектор О.И. Бове и император Александр I.

Новый император Николай I в 1835 г. утвердил государственную программу мемориализации Отечественной войны 1812 года. Именно при нем в Москве были заложены и возведены самые грандиозные памятники Двенадцатому году. Не следует забывать, что сооружение этих памятников вызывало поддержку московских генерал-губернаторов – участников войны 1812–1814 гг.: генерала от инфантерии графа Ф.В. Ростопчина, генерала от кавалерии графа А.П. Тормасова, генерала от кавалерии князя Д.В. Голицына, генерала от инфантерии князя А.Г. Щербатова, генерала от инфантерии графа А.А. Закревского, генерал-лейтенанта графа С.Г. Строганова.

Первые 50 лет после войны активной мемориализации способствовало и то, что еще живы были многие участники Отечественной войны и заграничных походов 1812–1814 гг. Но постепенно московская активность естественно угасала.

Очередной этап мемориализации был связан со 100-летним юбилеем. Однако, так как центром торжеств было назначено Бородинское поле, Москва отметила юбилей лишь несколькими заметными памятниками.

* * *

В 1912 г. началась постройка нового Брянского (с 1934 г. – Киевского) вокзала архитекторами И.И. Рербергом и К.В. Олтаржевским. Заложенный в 1914 г., вокзал был в основном закончен к 1917 г. При его сооружении были использованы торжественные мотивы оформления Бородинского моста.

К правому углу здания вокзала примыкает 24-метровая, уступами сужающаяся кверху башня с часами. Она поставлена асимметрично по отношению к остальной части здания и по форме скорее напоминает обелиск. По углам карниза нижнего яруса башни застыли, раскинув крылья, могучие фигуры орлов, выполненные скульптором С.С. Алешиним. Орел – это символ храбрости, величия, веры в победу, высоты и силы духа.

* * *

Идея сооружения часовни возле «Кутузовской избы» была высказана еще 1 сентября 1889 г. Но только через 13 лет крестьяне деревни Фили выделили безвозмездно 450 кв. саженной полевой земли возле «Кутузовской избы» для постройки часовни. К августу 1908 г. Московская духовная консистория представила наконец проект часовни с музеем в память 1812 года.

Закладка часовни с музеем по проекту московского инженера-архитектора М.Н. Литвинова состоялась 1 сентября 1911 г. Почти через год, 4 августа 1912 г., произошло торжественное открытие музея-часовни, а 9 сентября того же года была освящена часовня, приписанная к церкви Покрова в Филях. В музейной части здания развернулась экспозиция.

К восточной стене квадратного в плане зала примыкала часовня, отделенная от зала мраморным иконостасом с деревянными воротами. В ноябре 1920 г. часовню переосвятили в храм Михаила-Архангела и пристроили к ней деревянную колокольню. Но к концу 1920-х гг. храм-памятник стал одной из многочисленных жертв антирелигиозной борьбы, он стал использоваться как хозяйственная постройка.

В июне 1989 г. здание музея-часовни было наконец передано музею-панораме. Однако музей-панорама так и не приступил к воссозданию музея-часовни Кутузова. Поэтому московское правительство в 1994 г. вернуло храм Русской православной церкви, которая с 1997 г. ввела его в строй как чисто культовое сооружение.

20 ноября 1998 г. храм был освящен, в 2008 г. возле него построили кирпичную колокольню. Над входом в церковь нет прежнего образа Архистратига Михаила, ничто в ней не напоминает, ради кого и в память какого события она построена. Даже новая бронзовая доска с основными датами истории церкви ни словом не обмолвилась ни о Кутузове, ни об Отечественной войне 1812 года.

Сегодня об этом напоминает только старая охранный чугунная доска с рельефной надписью на боковом фасаде здания со стороны Кутузовского проезда.

В «Слове на освящении храма Явления Божией Матери преподобному Сергию» митрополит Филарет (В.М. Дроздов) говорил 27 сентября 1842 г.: «Памятнику свойственно возвращать мысль ко времени и предметам, которые ознаменованы памятником...»⁷. Церкви на Кутузовском проспекте, к великому сожалению, это не свойственно...

* * *

1 октября 1909 г. во дворе бывшей «полицейской» (позднее названной Александровской) больницы (Малый Казенный переулок, 5) был скромно открыт бюст «святому доктору», доктору неимущих, тюремному врачу (как только в народе его не называли), величайшему филантропу Федору Петровичу (Фридриху Иозефу) Гаазу. Отечественная война 1812 года застала его в должности главного врача Павловской больницы, куда тоже поступали раненые и заболевшие солдаты российской армии. С ними он эвакуировался из Москвы перед вступлением неприятеля. В 1813 г. он поступил на службу военным врачом, участвовал в заграничном походе и навестил свою родину (г. Мюнстерайфель, ныне в земле Северный Рейн – Вестфалия), но не остался в Германии. С 1825 г. Гааз – главный врач Москвы, с 1829 г. – главный врач московских тюрем, в 1832 г. открыл тюремную больницу, в 1836-м – школу для детей осужденных, добился отмены приковывания каторжных к железному пруту на этапе, замены тяжелых кандалов облегченными («гаазовскими»), которые проверил на себе, и еще сделал много-много всего. Он тратил все заработанное на больных, следуя девизу своей жизни – «Спешите делать добро». Его бронзовый бюст скульптор Н.А. Андреев подарил Москве. Гааз был похоронен на Введенском кладбище за казенный счет в 1853 г., а на скромной ограде его могилы закреплены «гаазовские» кандалы.

* * *

Напротив церкви Рождества Иоанна Предтечи, стоящей на самом гребне Трехгорной возвышенности (Малый Предтеченский переулок, 2), расположена обсерватория Московского университета. В 1912 г. на стене одного из ее строений появилась бронзовая мемориальная доска, посвященная доброму французскому полковнику. Он не позволил солдатам-мародерам отнять небольшой запас муки и картофеля у прятавшихся здесь в саду от грабежа и пожара купца Василия Ивановича Прохорова и его сына Ивана. На бронзовой доске, поставленной одним из владельцев Трехгорной мануфактуры сто лет спустя, был пространственный текст, повествующий о благородном полковнике. Уходя из Москвы, он захватил проститься с купцом и подарил его сынишке подзорную трубу, которую Иван Васильевич хранил всю жизнь. А доска еще в 2002 г. сохранялась на стене одной из построек в саду обсерватории.

* * *

События октября 1917 г. почти на четверть века остановили процесс мемориализации. Их результатом стало уничтожение всех культовых памятников, окоммунализация всех строений, захламление памятных мест, снос и перемещение ряда памятников, разгром некрополя, забвение героических подвигов, ибо Отечественная война 1812 года была в большевистском понимании низведена до «империалистской», по ленинскому определению, в которой пролетариям нечего защищать. «Проклятое прошлое» требовалось уничтожить, а не сохранять.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. способствовала отрезвлению власть имущих. Стали возникать новые памятники, вспоминалась преемственность героических традиций, изменилось отношение к Отечественной войне 1812 года. Начался период исторического возрождения государства и его памяти. Хочется верить и надеяться, что этот процесс в скором времени не остановится.

В 1940-е гг. мемориализации способствовала победа в Великой Отечественной войне и 800-летие Москвы.

* * *

В связи с 200-летием полководца, отмечавшимся в 1945 г., правительство СССР постановило соорудить памятник М.И. Кутузову в Москве. Заказ получил скульптор С.Д. Меркулов, но он скончался в 1952 г., не завершив работу. Над образом Кутузова начал работать Н.В. Томский. Еще в 1943 г. он выполнил барельефы с портретами шести русских полководцев для станции метро «Новокузнецкая». Среди этих рельефов был и портрет генерал-фельдмаршала Кутузова.

В 1947 г. Томский выполнил первый бюст Кутузова в гипсе, установленный перед «Кутузовской избой».

* * *

В Нескучном саду к 800-летию столицы по проекту архитектора С.Я. Иконникова была сооружена ротонда-памятник. На пилонах ротонды укреплены барельефы, повествующие об основных вехах истории города. На одном из них – круглый медальон с портретом М.И. Кутузова.

* * *

Еще один медальон работы Н.В. Томского с портретом Кутузова в рост в 1947 г. был укреплен на фасаде резиденции московских городских властей (Тверская, 13). Это один из семи сюжетов, повествующих о наиболее значимых событиях в истории Москвы.

* * *

Тема победы России над наполеоновскими агрессорами нашла отражение и в отделке станции «Комсомольская-кольцевая», вступившей в строй в 1952 г. На одном из мозаичных панно, выполненных художником П.Д. Коринным на своде станции, изображен генерал-фельдмаршал Кутузов на фоне развевающихся знамен.

* * *

Архитектурное оформление станции «Смоленская» Арбатско-Покровской линии посвящено воинской доблести и победам в Отечественных войнах. Один из барельефов на ней на тему первой Отечественной войны выполнен в 1953 г. скульптором О.А. Иконниковым.

* * *

Петр Андреевич Вяземский в 1812 г. вступил в ополчение, а генерал М.А. Милорадович взял его к себе адъютантом. Заболев вскоре после Бородинского сражения, корнет Вяземский, удостоенный ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом за отличную храбрость, проявленную в Бородинском сражении, был отправлен в отставку.

В конце 1812 г. с первым снегом Вяземские вернулись на московское пепелище. В мае 1821 г. Вяземский построил в Москве новый двухэтажный дом (ныне дом 9 в Вознесенском переулке, надстроенный в 1895 г.), где и поселился с семьей. В 1826 г. Вяземский прикупает примыкающий к его владению участок и возводит на нем в 1827–1829 гг. еще одно двухэтажное здание.

В первом доме в сентябре 1826 г. Пушкин дважды читал «Бориса Годунова», о чем повествует мемориальная доска. Во втором доме Пушкин жил, бывая в Москве в 1828–1832 гг. На этом доме тоже была установлена мемориальная доска. Однако обе доски создавались в память о Пушкине, а не о Вяземском, который не менее Пушкина достоин всенародной памяти.

* * *

В 1958 г., в 145-ю годовщину со дня кончины полководца, перед «Кутузовской избой» открылся бронзовый бюст генерал-фельдмаршала на высоком белокаменном постаменте. Это работа Н.В. Томского, сменившая его же ранее поставленный гипсовый вариант.

* * *

Серьезный всплеск мемориализации Двенадцатого года вызвал 150-летний юбилей победы России над наполеоновским нашествием. Главным памятником этого юбилея стало создание Музея-

панорамы «Бородинская битва». Кроме того, в столице открылись несколько мемориальных досок и почти полтора десятка улиц получили названия в честь отважных военачальников «народных наших сил».

* * *

6 июля 1812 г. император Александр I обратился с манифестом «ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским» с призывом о создании ополчения. В тот же день Александр I обратился с воззванием «к древней столице предков наших Москве», призвав москвичей показать пример в создании ополчений.

В Москве одним из центров формирования «военной силы» стали Хамовнические казармы, построенные по проекту архитектора Л.И. Руска в 1809 г. Об этом рассказывает мемориальная доска из дымчатого ямцевского гранита работы архитектора К.В. Кудряшова с профильным контурным портретом ополченца, открытая 18 октября 1962 г. (Комсомольский проспект, 18–22).

* * *

18 октября 1962 г. на фасаде дома 17 по Пречистенской улице была торжественно открыта мемориальная доска серого полированного гранита с портретом Д.В. Давыдова. Это работа архитектора А. Костырева. Здесь герой войны 1812 года жил и творил в 1835–1837 гг.

В начале 1990-х гг. размещавшийся в доме райком КПСС был ликвидирован, а здание сдано в аренду частным владельцам, которые, как Иваны, не помнящие родства, сняли с дома мемориальную доску.

* * *

Музей-панорама «Бородинская битва» открылся 18 октября 1962 г. В центре здания музея – цилиндрический барабан главного зала. Здание музея было воздвигнуто менее чем за 19 месяцев по проекту архитекторов А.Р. Корабельникова, С.И. Кучанова, А.А. Кузьмина и инженера-конструктора Ю.А. Аврутина возле площади Победы (Кутузовский проспект, 38).

Два невысоких прямоугольных крыла, примыкающих к центральной части здания, украшены мозаичными панно «Народное ополчение и пожар Москвы» (левое) и «Победа российских войск и изгнание неприятеля» (правое). Панно, площадью по 75 кв. м каждое, вводят зрителей в героические события великой битвы. Автор их – московский художник Б.А. Тальберг. Это его первая в Москве монументальная многофигурная композиция.

Героико-патриотическую тему мозаики словно продолжают 68 трофейных орудийных стволов, уложенные на стилобате здания. Приземистый, угловатый стилобат с наклонными стенами, выложенными суровыми плитами серого гранита, вызывает в воображении образ полевого редута, оштетинившегося множеством орудий. Пятьдесят имен и фамилий героев Отечественной войны 1812 года, представителей всех слоев населения России, вставших плечом к плечу на защиту Отечества, украшают фриз здания-памятника, являясь живым подтверждением пророческих слов Кутузова: «...если россы всегда будут сражаться за веру своих прародителей, царя и честь народную, то слава будет вечным их спутником; и горе злодею, покусившемуся на хранимую Богом святую Русь!»⁸.

* * *

После открытия на Кутузовском проспекте Музея-панорамы «Бородинская битва» было решено установить возле него конный памятник Кутузову, выполненный Н.В. Томским. Открытие состоялось 6 июля 1973 г. Вместе с Н.В. Томским в его создании участвовали архитектор Л.Г. Голубовский, скульпторы А.А. Мурзин, Б.В. Едунов, А.И. Бельдюшкин и А.Н. Томский. Памятник увековечил не только главнокомандующего российской армией, но и многих других российских генералов, проявивших героизм солдат и крестьян – участников партизанских отрядов, фигуры которых расположены вокруг пьедестала.

* * *

Поперек свода однопролетной станции метро «Отрадное», открытой в 1991 г., подвешены четыре живописных панно, выполненных масляной живописью по нержавеющей стали на тему выступления декабристов в 1825 г. На панно художники И.В. Николаев и Л.П. Анненкова поместили не только портреты декабристов, но и их современников – представителей российской интеллигенции. Среди изображенных немало участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российских войск 1813–1814 гг.

* * *

В 1991 г. у бывшей деревни Бутово, на месте схватки партизан с неприятельским отрядом, был установлен большой деревянный памятный крест. В 1995 г. он оказался в черте Москвы.

* * *

27 апреля 1995 г. на холме у пересечения Кутузовского проспекта и Минской улицы состоялось торжественное открытие скульптурной

композиции «Защитникам земли российской». Центральная фигура композиции – гренадер российской императорской гвардии 1812 г., опирающийся на кремневое ружье со штыком. Налобную часть его кивера украшает двуглавый гербовый орел, вверх устремлен гренадерский султан. Солдат тверд, спокоен и уверен – он защитил свое Отечество. Отлитые в металле три фигуры российских воинов на общем постаменте из грубой каменной глыбы – творение скульптора А.А. Бичукова и архитектора Ю.Н. Григорьева – это гимн российскому воину.

* * *

В октябре 1997 г. собрание памятников полководцам 1812 года пополнилось бронзовым бюстом Кутузова на темно-бордовой гранитной колонне, установленным у пересечения Волгоградского проспекта и Ташкентской улицы. Работу выполнили скульпторы В.В. Глебов и Ю.Н. Дремин, полагающие, что в этом районе произошел бой отступающих российских войск с войсками Наполеона.

* * *

В ноябре 1997 г. московское правительство приняло положительное решение об установке в столице памятника П.И. Багратиону. Памятник возведен в сквере у домов 22–24 на Кутузовском проспекте перед торгово-пешеходным мостом, открытым к 850-летию Москвы и получившим название «Мост Багратиона». Авторы проекта памятника – скульптор М.К. Мерабишвили и архитектор Б.И. Тхор. 4 сентября 1999 г. состоялось торжественное открытие памятника П.И. Багратиону, приуроченное к 230-летию со дня рождения полководца. Однако обещанная в 1990 г. московскими властями установка мемориальной доски Багратиону на здании старого Английского клуба ожидается уже 22 года.

* * *

Есть в Москве и еще один «воздушный замок» – памятник М.Б. Барклау де Толли, решение об установке которого было принято Комиссией по монументальному искусству Мосгордумы еще в 2003 г. Но, к сожалению, это намерение московских властей не было осуществлено и в год 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года, ради которой полководец с нерусской фамилией сделал не меньше Кутузова.

* * *

В 2003 г. на Арбатско-Покровской линии Московского метрополитена открылась станция «Парк Победы». Торцевая стена платформенного зала в направлении станции «Киевская» декорирована панно

из цветной эмали на металле, посвященным Победе России в Отечественной войне 1812 года. Это работа мастерской художника З.К. Церетели. Композиция состоит из изображений фигур девяти полководцев и военачальников в рост.

* * *

21 февраля 2009 г. на территории старейшего действующего храма, «что в Старом Симонове» (Восточная улица, 6), Рождества Пресвятой Богородицы, состоялось открытие памятного знака в честь композитора и участника Отечественной войны 1812 года А.А. Алябьева. Его могила была где-то рядом, на уничтоженном в начале 1930-х гг. монастырском кладбище. Памятный знак выполнен по проекту скульптора А. Рукавишников. Он не просто установил темный металлический общехристианский крест на четырехгранной прямоугольной каменной призме, облицованной плитами розового гранита, а внес элемент романтизма и сердечности. Рукавишников на перекрестье поместил ветку сирени. Ее листья легли на три луча креста, а среди них на левом луче за веткой примостилась маленькая фигурка поющего соловья.

* * *

17 мая 2012 г. «Вечерняя Москва» объявила, что памятный знак «Милосердие» появится в Лефортове в сквере на Госпитальной площади, ибо милосердие в 1812 г. было явлено и к поверженному врагу. Ведь даже Наполеон заявлял: «После битвы нет врагов, есть только люди»⁹.

* * *

Итак, последнее 50-летие не ознаменовалось сооружением крупных художественно-архитектурных памятников, кроме конной статуи П.И. Багратиона. А основная масса работ к 200-летию Отечественной войны 1812 года ограничивалась реставрацией существующих памятников. Даже Русская православная церковь не сочла нужным традиционно откликнуться на юбилей: не подняла вопрос о восстановлении «Седьмовселенской» церкви-памятника освобождению Москвы, о сооружении памятника военному духовенству, о возрождении традиции празднования 25 декабря дня изгнания неприятельских войск за пределы России в 1812 г.

¹ Полонская И.Г. Кутузовская изба: начало истории // Очерки по истории Музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2003. С. 9.

² Ашик В.А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. СПб., 1913. С. 157–158.

³ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 524–526.

⁴ Булгаков А.Я. Письма // Русский архив. 1901. Кн. 2. С. 394–395.

⁵ Петров В.А. Орудия, отбитые у неприятеля в 1812 году. М., 1911. С. 13.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 487–488.

⁷ Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Творения. М., 1994. С. 211.

⁸ Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С. 452.

⁹ Верещагин В.В. Листки из записной книжки художника. М., 1899. С. 60.

Сведения об авторах

Виноградов Михаил Анатольевич, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 1294 г. Москвы

Дубровский Александр Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом)

Иов (Чернышев), иеродиакон, кандидат богословия, заведующий кафедрой истории Николо-Угрешской православной духовной семинарии

Карташов Владислав Сергеевич, доктор фармацевтических наук, профессор Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова

Колоскова Елена Евгеньевна, начальник отдела выставочной и публикаторской работы Российского государственного архива кинофотодокументов

Кондратенко Алексей Иванович, кандидат политических наук, заместитель директора Орловского дома литераторов

Кубрик Анна Дмитриевна, главный специалист Научно-информационного центра Центрального государственного архива города Москвы

Куманев Георгий Александрович, академик РАН, руководитель Центра военной истории Института российской истории РАН

Львов Сергей Владимирович, заведующий научно-информационным отделом Музея-панорамы «Бородинская битва»

Мальшкин Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного университета

Митрошенкова Лада Вадимовна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Музея-панорамы «Бородинская битва»

Павленко Виктория Викторовна, заведующая выставочным отделом Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»

Подмазо Александр Александрович, ответственный секретарь Общественного совета по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года

Прохоров Михаил Федорович, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства Российского государственного университета туризма и сервиса

Смирнов Александр Александрович, главный научный сотрудник Государственного исторического музея, председатель Общества ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года

Тихомиров Сергей Алексеевич, директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории «Северная Русь»

Трошин Николай Николаевич, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований

Хлесткин Вячеслав Михайлович, ведущий специалист Центра публикации архивного фонда Центрального государственного архива города Москвы

Шведов Сергей Вячеславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музейного объединения «Музей Москвы»

МОСКВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Материалы
научно-практической конференции
(Москва, 30–31 августа 2012 г.)

Составитель *С.И. Добренький*

Редактор *Л.Л. Пушкова*

Корректор *Е.И. Логачева*

Компьютерный набор *Л.В. Пушков*

Компьютерная верстка *Е.М. Сапожников*

Ответственный за выпуск *Л.Г. Костарева*

Scan - nau; Processing, ocr - waleriy; 2016

Подписано в печать 12.07.2013. Формат 60x90/16.
Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ № 051-13.

Издательство ГБУ «ЦГА Москвы»
117393, Москва, Профсоюзная ул., 80.

Изготовлено ООО «Альтаир»
(Орехово-Зуевская типография)

